

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. Каченовскимъ и В. Жуковскимъ.

ЧАСТЬ LIV.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ,

1810.

**Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго
Университета.**

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

№ 21. НОЯБРЬ 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Горный духъ Урь въ Гельвеціи.

С к а з к а,

взятая изъ Европейской Тысяча и одной ночи.

Давно уже, давно въ благословенной Гельвеціи жилъ богатый паспухъ, по имени Рифъ; онъ имѣлъ прекрасный домъ, обширный садъ, и нѣсколько плодоносныхъ долинъ Альпійскихъ наполнены были его стадами. Но первымъ своимъ богатствомъ почиталъ онъ Софронію, единородную дочь свою, или, справедливѣе говоря, всѣми своими сокровищами дорожилъ онъ для одной только Софроніи. Съ такимъ необыкновеннымъ чадолюбіемъ соединялъ онъ однако непомѣрную гордость и, вопреки древней просионъ нравовъ Альпійскихъ, непре-

спаша мечшаль о знапности, чинажъ и опличіяхъ. Софронія была уже невѣста — она имѣла семнадцать лѣтъ — но гордый отецъ и не думалъ искашь ей жениховъ между своими ровными. Намъ надобенъ былъ женихъ богатый, породы знаменитой, чину высокаго.

Услышалъ объ этомъ господинъ Вальперъ, человекъ происхожденія благороднаго, Ландаманъ, но уже старый, сверхъ того больной и злонравной. Прекрасной случай, подумалъ онъ, привести въ порядокъ мое разспроенное соспоянїе ! И вотъ онъ началъ прилѣжно разспрашивать у сосѣдей : какое приданое назначено отъ отца Софронїи, и какъ велико могло быть ея насвдство по смерти Рифа. Ему обшцали золотыя горы, и онъ рѣшился свашанься за Софронїю.

Но Софронія давно уже любила прекраснаго Траули, Альпійскаго першуха, смотрѣвшаго за спадами Рифа. Траули, взаимно любя Софронїю, никогда неопваживался открьшсья ей въ своей тайнѣ ; но съ самаго ранняго младенчеспва были они неразлучны, вмѣстѣ играли, вмѣстѣ радовались и грустили ; невинность укоренила въ сердцахъ ихъ довѣренность, а сердца ихъ наполнены были однимъ и тѣмъ же чув-

спвомъ. И когда Софронія сказала молодому паспху: Траули! за меня свашаепся женихъ, Ландамманъ Вальперъ! по онъ поблѣднѣлъ, заплакалъ, опчаянїе обнаружило его сердце, и Софронія наконецъ удостоовѣрилась въ томъ, что было ей извѣстно по одной только догадкѣ; но радость ея была несовершенная, ибо ненавистный образъ Вальпера смущалъ ея душу. И Траули не могъ въ полнощѣ насладиться своимъ счастьемъ; ибо Софронія, сказавъ ему: милый другъ, безъ тебя и жизнь мнѣ будетъ пропивна! прибавила: насъ разлучаютъ! Бапюшка уже объявилъ мнѣ, что я должна почитать женихомъ своимъ отвращительнаго Вальпера. Безъ всякаго пригопвления призвалъ онъ меня сего дня по упру къ себѣ, и я задрожала, когда онъ, указавъ на одного угрюмаго, сидѣвшаго съ нимъ спарика, сказалъ мнѣ: войтъ швой женихъ, Софронія; сдѣлай привѣспивїе господину Вальперу. Но я не могла выговорить ни слова. Они улыбнулись, приписывая мое молчанїе робкой спыдливости. Мнѣ велѣли удалиться, ибо они начали разговаривать о приданомъ. Что дѣлать, Траули! говори, совѣшуй!

Но бѣдный Траули не могъ ничего придумать. Онъ видѣлъ одно только средство избавить себя отъ несчастїя: взойти на

высокой унесъ и бросишься съ него въ пропасть.

Сохрани тебя Богъ отъ такой ужасной мысли! сказала Софронія. Долго они плакали, долго разсуждали, нигдѣ непредспавлялась имъ надежда; наконецъ они взяли за руки, пошли въ часовню, близъ самаго того мѣста находившуюся; пали на колѣни передъ образомъ Богоматери, и съ горькими слезами начали молишь Ее о спасеніи.

Молишва успокоила ихъ душу. „Засшупница насъ услышала, сказали они: это спокойствіе предвѣщаетъ намъ Ея милость.“ И они разлучились.

Но Вальшеръ возвратился черезъ нѣсколько дней съ богатыми подарками: съ золотымъ перстнемъ и шелковымъ платьемъ. Онъ взялъ Софронію за руку и хотѣлъ поцѣловать ее; но Софронія — которая слышала на канунъ отъ одной сосѣдки, что Вальшеръ слышанъ дурнымъ человекомъ; что онъ похоронилъ уже трехъ женъ, много стыда и горя отъ него пережившихъ; что онъ пропилъ и проигралъ ихъ приданое; что никому неизвѣстно, какою смертію онъ умерли — не могла снести его ласки; она оттолкнула его отъ

себя съ опвращеніемъ и скрылась. Изумленный Вальшеръ началъ жаловаться опцу; опецъ разсердился и побѣжалъ опыскивать Софронію. Ненашедъ ее ни въ домъ, ни на дворъ, онъ вышелъ въ долину и увидѣлъ, что она бѣжала по горъ въ шу спорову, гдѣ Траули пасъ свое спадо. Онъ пошацился за нею въ слѣдъ, и черезъ полчаса — ибо отъ спароспи онъ шелъ очень тихо — пришелъ на шотъ горный лугъ, гдѣ находилась часовня Богоматери. Софронія и Траули спояли передъ образомъ на колѣняхъ; опецъ, увидя ихъ, подкрался къ дверямъ и услышалъ, что они молились. „Святая Покровишельница! говорили они, благослови нашу взаимную любовь; дай насладиться намъ счастіемъ супружества, и да погибнешь злодѣй нашъ, ненавистный Вальшеръ!“ — Беззаконники! воскликнулъ Рифъ; глаза его сверкали отъ бѣшенства; онъ вырвалъ Софронію изъ объятія Траули, и бросивъ ему въ глаза выслуженныя имъ деньги, сказалъ: ты будешь изувѣченъ, если когда-нибудь опважишься подойти къ моему дому!

Софронія въ неописанной гореспи возвратилась домой съ жестокимъ Рифомъ; онъ заперъ ее въ темную горницу; не велѣлъ давать ей никакой пици, кромѣ чершваго хлѣба и воды; а старая служанка, при-

спавленная къ ея шемницѣ, объявила ей за шайну, что она погда только выдепѣ изъ започенія, когда поведутъ ее съ женихомъ въ церковь.

Между тѣмъ бѣдный Траули, опчаяннѣйшій, почини сумасшедшій, бродилъ по горамъ и проклиналъ ужасную свою учась. Полно жить! восклицалъ онъ: все миновалось! И онъ очутился на вершинѣ одной ужасной, бесплодной горы, тамъ, гдѣ съ начала мѣра среди громаднѣхъ льдовъ царствуетъ грозная зима, гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда жизни, гдѣ все безмолвно и дико. Подъ ногами его разсыпался снѣгъ, и страшныя лавины, падающія съ крутизны, осыпали его льдисшою пылью — онъ ничего нечувствовалъ. Вдругъ почернѣло небо; настала гроза; удары грома ужаснымъ образомъ раздавались между снѣгами утесовъ; огромныя камни, отшоргаясь отъ нихъ, съ оглушительнымъ шумомъ падали въ ущелья — Траули былъ спокоенъ; онъ не боялся смерти.

Небо часъ отъ часу становилось мрачнѣе, и наконецъ среди бѣла дня глубокая ночь воцарилась повсюду. Вдругъ показалось Траули, что изъ расщелины утеса выходитъ ино-по, имѣющій образъ ужаснѣйшій. Чѣмъ ближе подходило къ нему при-

видѣніе , тѣмъ выше и огромнѣе оно спавновилось. Но Траули не ужасался.

Не одинъ разъ слыхалъ онъ , что въ эпихъ неприсупныхъ ушесахъ водилсѣ могущій духъ , котораго паспухи называли Уромъ. Онъ имѣлъ , по разсказамъ ихъ , космагую голову , подобную медвѣжьей ; и рощу былъ необъяшнаго. И если случалось несчастному путешественнику замерзнуть между снѣгами , или Альпійскому охотнику заблудиться между крупными ушесами , такъ что уже ни вверхъ ни внизъ немогъ онъ найти дороги ; если лавиною засыпало стадо , или обрушившійся ушесъ испреблялъ цѣлое селеніе ; то паспухи обыкновенно говорили : это сдѣлалъ свирѣпый Уръ.

Но Траули не испугался , увидя передъ собою спрашилище ; и могъ ли онъ чего нибудь ужасаться , когда уже самое ужасное съ нимъ случилось ? Софронія для него погибла ; какой же вредъ могло причинить ему привидѣніе ?

Куда идешь ? спросилъ у него голосъ , подобный звучному грокопанію грома. Траули поднялъ глаза — обмашель ушеса , грозный , угрюмый , огромный какъ черная башня , передъ нимъ возвышался.

Туда, гдѣ можно найши смерть! опвѣчалъ Траули смѣло.

— „Но знаешь ли ты меня?“

Траули посмотрѣвъ на чудовище пристально. Ты горный духъ Урбъ, опвѣчалъ онъ ему весьма равнодушно.

— „И видѣ всемогущаго тебѣ не приводишь въ ужасъ?“

Ничто не можетъ шеперь ужасать меня; я потерялъ надежду!

— „Кшо видишь могущаго и передъ нимъ непрепещенъ, топъ можетъ еще надѣяться и долженъ ободриться!“

О! если такъ, то я безъ страха обнимаю колѣна твои, всемогущій! возврати мнѣ надежду. Не имѣю нужды открывать передъ тобою сердечной моей тайны; взоръ духа проникаетъ во глубину сердца. Я слышалъ, что ты наказываешь одинъ только порокъ; что много разъ сохранялъ непорочнаго, потерявшаго между утѣсами твоими дорогу!

— „Правда!“

Любовь единственное мое пресупленіе; но какъ поселилась она въ моемъ сердце, я незнаю.

Урѣ задумался. „Траули! сказалъ онѣ наконецъ : я помогаю ужасомъ , но помогу шибѣ непременно. Дай руку ; я выведу тебя на долину ; безъ меня ты никогда не нашелъ бы дороги изъ эшаго дикаго мѣста.“

Онѣ подалъ пасуху космашую руку. Траули испугался ; онѣ пожималъ ее съ благодарностію ! Сердце егѣ кипѣло отъ ожиданія радостной надежды.

Болѣе часу шли они между ужасными ущесами ; окрестъ ихъ все было тихо ; небо опять просіяло ; солнце спокойно заходило за льдистыя высоты Альпійскихъ горъ , когда пасухъ увидѣлъ себя на цвѣтущей долинѣ. Онѣ оглянулся ; привидѣніе уже исчезло. Онѣ долго размышлялъ о случившемся , которое предспавлялось ему какъ сонъ , и спрашивалъ себя въ недоумѣніи : спочно ли я видѣлъ горнаго духа ?

Онѣ продолжалъ путь свой. — Сердце его наполнено было робостію и надеждою — мало по малу ночь воцарилась. Вдали увидѣлъ онѣ огонѣкъ ; подошелъ къ нему ; кругомъ огня сидѣли горные пасухи , и между ими нашелъ онѣ многихъ знакомыхъ.

Откуда пришелъ , Траули ? спросили они : отъ чего ты такъ , безпокоенъ и гру-

спѣнѣ ? — Траули разсказалъ имъ чистосердечно о любви своей къ Софроніи, о ненавистномъ Вальперѣ и о гордости Рифа, которая погубила все его счастье.

Паспухи сожалѣли о бѣдномъ Траули; но всякой судилъ объ немъ по своему: одинъ называлъ Рифа дурнымъ человекомъ; другой ушверждалъ, что бѣдному паспуху неприлично искашь невѣсты богатой; потѣ со слезами на глазахъ пожималъ у Траули руку; а эпитъ спарался развеселить его шушкою, и говорилъ: полно кручинись, Траули! малоли на горахъ нашихъ двѣушекъ прекрасныхъ! выбирай любую.

Они пригласили его съ собою ужинашь, и одинъ изъ нихъ сказалъ: паси со мною спадо мое, пока не найдешь себѣ другаго хозяина. Такое предложеніе обрадовало Траули несказанно; ибо онъ не въ силахъ былъ удалиться отъ того мѣста, въ которомъ обитала его Софронія. Съ эпитъ вершинъ видна была усадьба Рифа; а кто любитъ, потѣ знаетъ какъ упѣшипельна для сердца мысль, что можешь хотя издалека видѣть жилище своей любезной.

Такимъ образомъ Траули оспался жишь съ паспухами. Всякую минушу думалъ онъ о Софроніи, о близкомъ ей замужествѣ,

и сердце его перзалось. Но иногда въ веселомъ сновидѣннѣи предспавлялся ему горный духъ; онъ дружелюбно кивалъ космашою головою и говорилъ : Траули , надѣйся.

И Софронїя разъ нѣсколько видѣла во снѣ чудовищнаго Ура ; пробуждаясь, помнила она одни только таинспвенныя слова его : ужасъ будешъ швоимъ спасенїемъ.

Дни ея пропекали въ унынїи. Жесткая приспавница обходилась съ нею сурово. Напрасно Софронїя умоляла ее навѣспить и ушѣспить бѣднаго Траули ; ни просьбы, ни слезы ея не прогали нечувспвишпельнаго сердца. И не было ей никакого средспва спасши себя бѣгспвомъ : на дверяхъ висѣлъ крѣпкїй замокъ , а въ окно вспавлена была желѣзная рѣщепка.

Однажды только увидѣла она въ своей темнищѣ поспороннее лице — порпной приносилъ ей примѣривать свадебное платье — никакїя цѣпи немогли бытъ споль шягоспны для невольника , какъ эшотъ уборъ для Софронїи. Ее наряжали , а она обливалась слезами.

Между тѣмъ нечувспвишпельная приспавница поминупно мучила ее рассказами о пригоповленїяхъ къ свадьбѣ. Уже и гости приглашены господиномъ Вальперемъ,

говорила она. Но кто же были эти госпи? Все люди подозрительные, о которых Софронія слышала много дурнаго. — Увы! думала она. худая бесѣда въ брачный день предвѣщаетъ несчастную жизнь супругамъ. Но для нее и безъ всякаго предвѣщанія несчастіе казалось неизбѣжнымъ. Иногда вопрошала она свою совѣсть: не ужьли запрещено произвольною смертію избавить себя отъ шакаго спраданія? но совѣсть отвѣтствовала ей: добродѣтель въ терпѣннѣи.

Наконецъ наступилъ и день, котораго она такъ спрашалась. Сняли съ шемничной двери замокъ; ввели ее въ горницу, усыпанную душистыми цвѣтами. Множество женщинъ, приглашенныхъ господиномъ Вальшеромъ на свадьбу, сидѣли въ ней и ожидали невѣсту, чтобы одѣть ее и потомъ проводить въ Божію церковь.

Ее окружили. Однѣ поздравляли ее, другія показывали прекрасный свадебный уборъ, смѣялись, шутили. Бѣдная Софронія стояла какъ будто приговоренная къ смерти. Ее убирали въ богатое платье, но она того нечувствовала. И въ сердцѣ и въ мысляхъ ея былъ одинъ Траули. Наконецъ все кончилось; Софронію вводили въ ту горницу, въ которой сидѣли отецъ ея и господинъ Вальшеръ. Поцѣрвавъ надежду рас-

нирогашь ожесточившееся родительское сердце, она вооружилась гордостію перлвнїа, презирающею всякое несчастіе; съ холодностію смотрѣла на отвращительнаго жениха своего, съ холодностію слушала увѣщанїя Рифа; ибо она уже рѣшилась не пережить слѣдующей ночи, не видашь слѣдующаго утра.

Вальшерв приближился къ ней съ лицемѣрною нѣжностію; ибо изсохшее сердце его не могло уже чувствовашь истинной любви. Дайте мнѣ руку, Софронїа, сказалъ онъ. Время идти въ церковь. Софронїа пропянула руку и неопвѣчала ни слова.

Рифъ за болѣзнію и дряхлостію оспался дома; женихъ, невѣста и званые госпи, всѣ одѣтые въ богатое плашье, отправились въ ближнюю деревню, неподалеку отъ которой находилась и приходская церковь. Утро было прекрасное, солнце свѣпило ярко. По обѣимъ сторонамъ дороги спояли поселяне и поселянки, любопытствующіе видѣшь свадебную церемонїю. И всѣ они послѣдовали за женихомъ и невѣстою въ церковь.

Бѣдной Софронїи казалось, что ее ведутъ на мѣсто казни; но пайное намѣренїе не дожить до слѣдующаго утра произвело въ душѣ ея необыкновенное мужество. Она

была почти спокойна и даже весела; ибо внушительный голос уверял ее, что Траули за нею послѣдуетъ, что онъ не останется въ томъ мѣстѣ, который она изъ любви къ нему покинула.

Уже они близко — вдали показалась и церковь — но свѣтлое небо начинаетъ покрываться тучами, на горахъ заревѣлъ вихорь — и вотъ ударилъ сильный градъ — женихъ, невѣста и гости поспѣшно вбѣжали въ церковь; а поселяне, ихъ провожавшіе, спрятались въ хижины.

Часъ отъ часу чернѣе становилась ночь, и часъ отъ часу ужаснѣе гремѣло на высотахъ горныхъ. Священника еще не было въ церкви; и вмѣсто брачнаго пѣнія раздавались въ ней жалобные стоны. Все были наполнены мучительнымъ безпокойствомъ. Каждый подходилъ къ окну, и съ препепомъ устремлялъ глаза на высокій утесъ, который стѣною возвышался близъ самой церкви; ибо ревущая буря дробила его, и спранные опломки сыпались на кровлю церковную; одна ужасная, грозно склонившаяся надъ церковью свала поминутно шатавалась; церковь дрожала, и никто неопыживался изъ нее выдти; ибо смертоносный каменный дождь увеличивался безпрерывно:

Софронїя между тѣмъ не слыхала ни завыванїя бури, ни спугу падающихъ камней. Она спояла передъ дверями подземнаго, изъ камня изсѣченнаго погребя, копорый издревле служилъ кладбищемъ знашной Швейцарской фамиліи. Дверь была опворена; узкая лѣспвица вела въ подземелье, и глазамъ Софронїи во мрачной глубинѣ предспавлялись древнїе гробы — зрѣлище, болѣе согласное съ состоянїемъ духа ея, нежели брачный алтарь, цвѣтами украшенный, и при алтарѣ ненависпный Вальшеръ. Никто изъ гостей незабопился о невѣстѣ, и самъ женихъ думалъ единспвенно о той опасности, копорая самому ему угрожала.

Вдругъ попомнѣло ужасно въ церкви, и люди въ ней бывшіе жалобно заспенали; на высотѣ послышался громозвучный и оглушительный прескъ — какъ будпо лопнула Юра, какъ будпо бы гора Монбланъ рухнула и развалилась. Софронїя, чрезвычайно испуганная, бросилась въ подземелье; и нога ея не успѣла еще прикоснуться къ землѣ, какъ въ двери въ слѣдъ за нею ввапилось нѣсколько опломковъ спѣны церковной, и въ эту минуспу все ушпхло. Софронїя упала въ обмо-рохъ; спустя немного опампновалась, но не могла предспавить себѣ ясно того, чпо съ нею случилось; мысли ея были въ безпорядкѣ; а когда и удавалось вообразить ей,

гдѣ она была и что видѣла, шо новый ужасъ наполнялъ ея душу и снова теряла она чувствуя — съ препеномъ прикасалась она къ древнимъ гробницамъ, и всякую минуту спрашивалась увидѣшь восплающій изъ нихъ грозный призракъ — ни какое перо не опишетъ ея мучительнаго состоянія.

Старый отецъ Софроніи стоялъ на крыльцѣ, когда начиналась гроза, съ безпокойствомъ посматривалъ онъ на дорогу, по которой пошли женихъ и невѣста; ибо на той сторонѣ скоплялись ужасныя тучи.

— Онъ уже въ церкви, думалъ Рифъ; а туча можетъ быть разойдется и небо опять сдѣлается свѣтло.

Но туча совсѣмъ обвилаь вокругъ высокихъ утесовъ; въперъ туча и сюда нагибалъ дубы и березы, окружавшіе Рифовъ домъ; съ кровли сыпались черепицы; садовый заборъ повалился, и въ мигъ разбросало его вихремъ. Спарикъ препеналъ, мучительное предчувствіе наполняло душу его — онъ вышелъ со всѣми домашними своими на дворъ и съ содроганіемъ посматривалъ въ ту сторону, гдѣ находилась приходская церковь — надъ нею чернѣла туча, надъ нею свирѣпствовалъ вихоръ.

Вдругъ задрожала земля; оглушительный прескв, отъ котораго всё спекла въ Рифовомъ домъ лопнули, раздался надъ деревнею, и въ эту самую минушу увидѣли облако пыли, медленно чернымъ сполобомъ поднимающееся отъ церкви и опеченившее окрестное небо.

Всѣ поблѣднѣли, у всѣхъ на головѣ поднялись волосы дыбомъ. Наконецъ страшное слово *улала гора* опозвалось въ ушахъ Рифа. Ноги его подносились. Я погубилъ ее! Бѣдная Софронія! восклицалъ онъ, ломая въ отчаяннн руни.

Но еще ни что навѣрное не было извѣстно; еще оставалась нѣкоторая тѣнь надежды. Но вотъ гроза утихла; на дорогѣ увидѣли скачущаго во весь опоръ крестьянина, останвили его, начали спрашивать — *гора упала на приходскую церковь*, отвѣчалъ онъ. — Были ли въ ней люди? — *Были; женихъ, невеста и многіе другіе — всѣ они засыпаны*. И онъ ускакалъ, спѣша объявить въ городѣ о случившемся несчастіи.

Рифъ упалъ безъ памяти. Спрашивались, что онъ лишилъ себя жизни, и никто изъ домашнихъ не смѣлъ отъ него отдалиться.

Между шѣмъ шучи разсѣялись; опять просіяло небо; жили деревни, разбѣжавшіеся отъ страха, опять собрались, окружили обрушившуюся гору, благодарили Небо, что оно пощадило ихъ хижины, и сожалѣя о погибшихъ, радовались внутренно, что эти погибшіе были для нихъ чужіе.

Наконецъ и приходскій священникъ съ нѣкоторыми чиновниками, присланными изъ города, пришелъ осматривать развалины; гряда опвалившихся камней имѣла нѣсколько сотъ фуговъ въ поперечникъ. На лицахъ зрителей написаны были сожалѣніе и ужасъ. Одинъ говорилъ: эти несчастные умерли самою легкою смертію; утесомъ раздробило ихъ въ дребезги. — А церковь была деревянная, прибавилъ другой; она повалилась въ одну минушу. Случались однако примѣры, земѣшилъ прешій, что люди, засыпанные землею, не погибали и были опрышки живые. — Эти слова привели всѣхъ въ содроганіе. Всѣ замолчали. Черезъ минушу священникъ сказалъ: здѣсь этаго случиться неможетъ. Но христіанская любовь пребудетъ, чтобы мы сдѣлали опышъ. Скорѣе надобно разбросать камни.

Трудъ бесполезный! возразилъ одинъ изъ присутствовавшихъ. И пятьдесятъ

человѣкъ въ недѣлю не разкопаютъ этой ужасной. Груды Надобны веревки, рычаги, множество разныхъ другихъ орудій — копорыхъ мы неимѣемъ. Самъ Богъ захотѣлъ погребсти ихъ живъ; да упокоитъ Онъ души погибшихъ, а церковь построишь можно и на другомъ мѣстѣ. Человѣколюбивый паспортъ вызываетъ награждать щедро того, кто выдумаетъ лучшее средство подать скорую помощь. Но трудности были шакъ велики, что ни одинъ не согласился приняться попустому за дѣло. И наконецъ всѣ зрипели, пожалѣвъ о несчастныхъ, разошлись въ уныніи по домамъ своимъ.

Но Траули? гдѣ былъ онъ въ эту минушу? О! Траули уже видѣлъ спрашное мѣсто гибели. Въ то время, когда Софронія шла съ женихомъ своимъ въ церковь, онъ находился на ближнемъ утесѣ и провожалъ ее глазами, не чувствуя ни бури, ни вихря, которые окрестъ его ревѣли. Увидя, какъ повалилась гора, онъ побѣжалъ опрометью на долину. Увы! на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде существовала церковь, нашелъ онъ одну дымящуюся груду камней. Отчаяніе овладѣло его душею; какъ сумасшедшій бросился онъ опять на вершину горы. Въ памяти его возобновились слова грознаго Ура: *я помогаю ужасомъ. Ты*

не обманулъ меня, воскликнулъ онъ въ изступленіи; сопернику моему она не досталась. Но и самой ее уже нѣтъ на свѣтѣ! Могъ ли я эшаго претбовать, жестокосердый! Но грозный Урбъ стоялъ уже предъ его глазами.

Я началъ, доканчивай! грянулъ ужасный его голосъ, и онъ исчезъ. Траули осподбенѣлъ. Что это значить? — подумалъ онъ; что мнѣ доканчивать? Предать землѣ ея кости! но гдѣ же найду ихъ?

Доканчивай! повторилъ звучный голосъ, и страшное эхо загремѣло между горами.

Траули, воскрыленный надеждою, самому ему нецоницною, побѣжалъ къ горнымъ своимъ знакомцамъ, Альпійскимъ паспухамъ. Они узнали его несчастіе; ударили въ колоколъ, и вдругъ оцвсюду сбѣжались поднами другіе горные паспухи. „Что надобно? какая бѣда приключилась?“ — Траули разсказалъ имъ о падшей горѣ. Паспухи побѣжали къ провалу; но увидя огромный обрушившійся камень, оспановились. Безумный человекъ! сказали они: какая сила подыметъ, или пробьетъ насквозь паваюю страшную гору? И гдѣ же начинать намъ рыть? Знаешь ли ты, въ концоромъ мѣсцѣ находилась церковь?

Съ развалинъ поднялся черный медвѣдь; онъ побѣжалъ въ гору; одинъ паспухъ прицѣлился въ него изъ ружья, но ружье не могло выстрѣлить. Траули указалъ на шопъ камень, на копоромъ явился медвѣдь. Ройте, друзья мои! здѣсь, сказалъ онъ, я имѣю предчувствіе, что въ этомъ мѣстѣ найдемъ мы — о Боже! найдемъ останки Софроніи.

И всѣ принялись за работу. Напрасно прудитесь! говорили паспухамъ жители деревни. —

„Хопимъ исполнишь данное слово нашему поварищу, опвѣчали добрые паспухи, и продолжали прудитесь.“

Ночь наспушила; полная луна осыпала блескомъ своимъ долину; паспухи прудились по прежнему.

И при дни продолжалась работа ихъ, неимовѣрно шаякая; къ вечеру вшораго дня пробили опверзціе, глубиною во спо фушовъ; корзина, привязанная къ длинной веревкѣ, безпрестанно опускалась и поднималась, нагруженная обломками камней; но наконецъ ввечеру шрепьяго дня между камнями нашли въ ней и кусокъ дерева — вѣрный знакъ, что наконецъ дорылись до церкви.

Но уже работники потеряли терпѣнїе — силы ихъ испощились. Друзья мои! восклицалъ умоляющимъ голосомъ Траули — ради Бога неоспавайте меня! еще нѣсколько часовъ, и все кончано.

„Что можемъ мы сдѣлать? говорили ему пастухи: выпасить нѣсколько щенковъ? Но спойшь ли это труда! Совѣшумъ и шибъ, Траули, оставить пустую забашу.“

Они удалились; но двое изъ нихъ, болѣе жалоспливые, оспались помогать бѣдному Траули. Они опускали и выпаскивали корзину; а Траули, вооруженный ломомъ и фонаремъ, сидя въ глубинѣ пролома, нагружалъ ее камнями и щепами.

И вопль, наполняя одну корзину опломками онъ спѣны церковной, почувствовалъ онъ, что острѣе желѣзнаго лома опять ударилось въ камень; во глубинѣ звучало глухо какъ будто въ пустомъ мѣстѣ или подъ сводомъ. Траули принялся работать съ удвоенными силами, и онъ уже чувствовалъ, что работа его спановилась гораздо легче, что камни свободнѣе одинъ отъ другаго отдѣлялись — корзина поминутно подымалась и опускалась — и наконецъ при свѣпѣ фонаря увидѣлъ Траули подъ ногами своими пустое ошвершїе, увидѣлъ сводъ, копорато падшая гора необрушила.

Какой это сводъ ? подумалъ Траули. Церковный ? но церковь была деревянная. Могильный ? Вброяшисе дѣло, подѣ церковью хоронили мертвыхъ. Но что же мнѣ дѣлать между гробами ?

И Траули, безнадежный, опчаянный, гошовъ уже оставишь безплодный шрудъ, гошовъ возвратишься къ своимъ поварщикамъ, вдругъ слышишь онъ тихій шорохъ — вслушивается — во глубинѣ царствуетъ мертвое спокойствіе, среди кошораго легчайшее дыханіе могло бы быть ощущительно.

Но вотъ опять слышишься ему шорохъ — кто-то вздохнулъ — сердце его прецепщѣ. Еще наполняетъ онъ одну корзину опломками — опверзтіе сдѣлалось ширѣ — онъ опускаетъ въ него фонарь. „О горный духъ ! кого я увижу ?“ — Онъ наклонился ; онъ свѣшилъ, смолшилъ, глазамъ его представляется одинъ только гробъ — но вотъ въ щелинѣ послышалось ему дыханіе спящаго, спокойное, легкое, иногда прерываемое тихими вздохами.

Онъ расширяетъ опверзтіе свода и хочѣвъ уже спускается — вдругъ называетъ его кто-то по имени — *Траули!* произноситъ пріятный голосъ — онъ содрогнулся — *это небеса, милый мой Траули!* повшо-

рилъ потѣ же голосъ: *здесь будемъ мы неразлучны на вѣки.*

Юноша опустился во глубину, поднялъ фонарь — Софронія, въ изорванномъ плащѣ, осыпанная пылью, волосы въ безпорядкѣ, съ смертною блѣдностію на щекахъ, просперта была на землѣ передъ однимъ развалившимся гробомъ.

Траули взялъ ее на руки. Не время здѣсь удивляться и радоваться, подумалъ онъ; скорѣе, скорѣе оставимъ эту ужасную глубину! И онъ сядишь въ корзину, кладетъ Софронію на колѣни, и подаетъ знакъ, чѣобы ихъ подымали.

Вдругъ слышитъ онъ, чѣо камни начинаютъ прещать. О всемогущій духъ! восклицаетъ Траули, еще минушу! еще одну минушу!

Наконецъ они приближаются къ свѣшу. Не испугайтесь — кричитъ поварищамъ своимъ Траули — крѣпче держите веревку! на рукахъ у меня, Софронія! —

И не успѣлъ онъ съ драгоценною ношею своею спустить на безопасную землю, какъ снова зашатался улесъ, и сводъ, находившійся подъ нимъ, со спрашнымъ прескомъ обрушился.

Софронію опнесли къ доброму паспору въ домѣ; черезъ нѣскольکو часовъ пришла она въ чувство, хотѣла разсказывать объ ужасныхъ снахъ, которыя видѣлись ей между гробами; но увидя передъ собою Траули, забыла обо всемъ, и бросилась въ во-схищеніи къ нему на шею.

Жестокаго Рифа не было уже на свѣтѣ — онъ умеръ отъ ужаса въ ночь самый день, въ который обвалился утесъ — Софронія осталась единственною наследницею его богатства. Не надобно сказывать, кому опдала она свою руку, и была ли счастливою супругою.

Съ Нѣмецк. В.

Ольги въ прозѣ.

Нужно ли поешу уединеніе? Вотъ вопросъ, который не трудно разрѣшить. Предложимъ два другіе: Должно ли поешу знать совершенно свѣщъ? Должно ли поешу обращаться въ кругу людей свѣщскихъ, или въ кругу собратій?

Я становлюсь на сторону тѣхъ, которые скажутъ, что совершенное, глубокое, тонкое познаніе свѣща вредно для стихотворца. Кого видишь онъ въ свѣщѣ? Лю-

дей, копорыхъ нравы испорчены, сердце грубо, чувсва — если смѣю повторить въ прозѣ выраженіе нашего Пиндара (*) — чувсва чорспвы, умъ развязанъ и понокъ; но сей-то умъ, или оспроуміе, разочаровываетъ предметы, смотрящъ на нихъ съ какой-то почки, вовсе невыгодной любимцу Музъ; ибо она предспавляетъ предметъ въ наготѣ, и опнимаешъ опъ него шайную прелесъ, безъ копорой нѣтъ поэіи. Большая опышность, знаніе приличностей, знаніе нравовъ, свѣтскихъ нравовъ, копорые споль опличны опъ нравовъ пѣишическихъ временъ, какъ герои Гомеровы опъ Прусскихъ генераловъ; однимъ словомъ, вся еша свѣтская наука сушищъ сердце и душу; а они супъ истинные, неиспощимые ключи поэіи; безъ нихъ-то стихи лишаются прелеспи и — какъ цвѣты, безъ живошворныхъ соновъ земли, вянутъ преждевременно.

Напрошивъ того созерцаніе природы питаешъ душу, окрыляетъ мысли поэта, копорыя спановяпся мужеспвеннѣе, сильнѣе, свободнѣе, шамъ гдѣ все безмолвспвуетъ, гдѣ мракъ лѣсовъ питаешъ задумчивость; гдѣ рѣка свободная и свѣтшлая, текущая межъ нивъ и садовъ, являетъ образъ счастливаго смершпаго;

(*) Г. Р. Державина.

гдѣ нравы грубыхъ, но счастливыхъ поселенъ напоминающъ намъ о нравахъ злапаго вѣка; однимъ словомъ, въ уединеніи всѣ предметы спановаятся спихопворными. Мало по малу душа привыкаетъ наслаждаться красотами природы. Мрачная и бурная ночь, дождливый и шуманный день, спихое ушро, поржеспвенный закатъ солнца, все оставляетъ глубокіе слѣды въ сердцѣ! Въ уединеніи, говоритъ Томасъ, время принадлежитъ мудрецу, и мудрецъ самъ себѣ; въ уединеніи, прибавлю я, все принимаетъ важный и поржеспвенный видъ.

И что дѣлать молодому писателю въ свѣтѣ (я говорю особенно о писателяхъ Рускихъ) — собирать лавры? Но кто будетъ раздавать ихъ? — Не уже ли женщины, копорыя клянущся г-жею Спаль, и презирающъ все, что написано не Гальскими Музами; мущины? — (ни слова о невѣждахъ) мущины, копорыя думаютъ, что спихопворецъ, бѣднякъ и чудакъ, все одно и то же; что написать поему споль же бесполезно для общесства, какъ привести въ порядокъ родословную; однимъ словомъ, что поетъ награжденъ и, съ избыткомъ ешимъ вопросомъ: вы пишете, я слышалъ, спихки?

Есть еще другая опасность въ свѣтѣ. Въ немъ все будетъ разочаровывать поэта,

какъ я сказалъ и прежде. Сладостныя мечпанія о невинности сердца, о пайной прелести, соединенной съ красотою, или о пылкихъ порывахъ великой души ко благу общественному, все епо мало по малу исчезнешь, и спихошворецъ черезъ годъ удивися (можетъ бышь съ ужасомъ) своей собшвенной опышности. Черезъ годъ скажетъ онъ: какъ люди, или какъ я перемѣнился!

Вотъ и примѣры:

Лиза прелестна! Спанъ ея — спанъ Нимфы; волосы и глаза младшей изъ прехъ Грацій, спыдлива какъ любовница Зефира, мила . . . однимъ словомъ, все въ ней прелестно! — Равно мила, когда молчишь, когда говоришь (а она чаще молчишь, нежели говоришь); равно мила, когда въ безпечности, подобно дѣвѣ береговъ Альбіона, въ Англійскомъ саду между цвѣшовъ и вустарниковъ бѣгаетъ съ рѣзвыми подружками; смоприпе! какъ прелестно кисейная косынка ея и каштановые волосы развѣваюпся дыханіемъ зефира! . . . Равно мила, когда на балъ вмѣспъ съ своею матерью проходишь между шолны молодыхъ людей, не поднимая глазъ, припяя дыханіе. . . .

Raccolse gli occhj, ando nel rel ristretto
Con ischive maniere e generose. . . .

Ты увидѣлъ ее, сынъ Музъ, увидѣлъ, и довольно. Бѣги же въ свое уединеніе, сокройся въ немъ на долгое время! Гдѣ лира пвоя? гдѣ кисти? Пой, счастливецъ! образъ Лизы дышашь будешь въ пвоихъ картинахъ; она дастъ жизнь бездушнымъ спрунамъ лиры пвоей; она украситъ неизбяснимою, какою-то чудесною сладостію всѣ пвои мечпанія; она будешь съ тобою и во снѣ и на яву. Но если — увлеченный красою (которая, по словамъ мудрыхъ Грековъ, сильнѣ Марса, а мы спихопворцы вѣримъ въ Грековъ) — захочешь пы видѣть Лизу чаще; по проси и Аполлонъ и Музы! Ты бѣдный потеряешь умъ, ибо влюбленный и безумный одно и по же; спокойствіе души пвоей исчезнетъ и можешь быть на вѣки, а съ нимъ исчезнушъ и пѣсни: ибо я немогу повѣрить, чшобы несчастный могъ пѣть согласно и спройно, спрадая подъ гнѣшомъ рока. Ты будешь несчастливъ, или отпярешь пороки, которые разочаруюшъ тебя надолго. Еша Лиза, еша скромная Лиза, которую Милонъ сравнивалъ съ стыдливою Діаной, или съ какою-то *дѣвою святой любви*, Лиза, которой ресницы опущенныя внизъ осбняюшъ два глаза, принадлежащіе самой невинности, еша Лиза . . . повѣрите ли? на смѣшница, колкая, злая! Ея невинность ложь; стыдливость притворство. Она не-

варсвувешъ молча, она . . . (о ужасъ! о преспувленіе! . .) надо мной смѣялась; она шихонько сказала сестрѣ своей, что я . . . *невѣжда!!!* — Завѣса упала! я — вижу одинъ порокъ.

Знакомы ли вы съ Аристомъ, съ ешимъ великимъ человекомъ, копорого хозяинъ моднаго дома вспрѣчаешъ у порога, хозяйка ласкаешъ, какъ на подрядѣ; съ ешимъ Аристомъ, копорый говоритъ полько для одной *пользы* слушателей, копорого слова какъ солнце въ небесахъ, копорого умъ глубокъ и обширенъ, ибо угадываешъ *паденія царствъ*? — Я увидѣлъ Ариста и, какъ Діогенъ, погасилъ фонарь мой передъ *великимъ*! Я увидѣлъ его, и побѣжалъ въ свой маленькій пріющъ, воспѣвать славу Ариста, подъ именемъ *истиннаго мудреца*. Любовь къ ближнему исполнила грудь мою чистѣйшими воспоргами, слезы умиленія омочили лиру, прославляющую друга человечества . . . я былъ счастливъ! Черезъ нѣсколько дней пришедъ къ Аристу, я засталъ его — отгадайте, за какимъ упражненіемъ? — онъ распавлялъ при мышеловки своего изобрѣтенія по угламъ комнапы. Спуспя недѣлю, я услышалъ, что мой филантропъ поссорилъ мужа съ женою, и женился въ пятьдесятъ лѣтъ на молодой двушкѣ, дочери онкупѣ

щина NN, за пѣмъ чпюбъ излить золото своего шестя *на страждущее чловѣчество*. — И ода моя неокончанная преда- на всеожженію !

И какихъ обязанностей, пятгоспныхъ и скучныхъ, не потребуешъ отъ насъ общество ! здѣсь условное свиданіе, шамъ ужинъ, шамъ погребеніе ! Припомъ же извѣстно, что въ обществѣ васъ принимающъ всегда на счешъ выгодъ или богатства или дарованій. Горе вамъ, если у порога вспрѣ- шашъ васъ какъ сочинителя ! Съ вами не спанушъ говоришъ ни слова, или спанушъ говоришъ о стихахъ — *что еще хуже !* — Какой - то богачъ вздумалъ пригласишъ на обѣдъ шрехъ извѣстныхъ стихопворцевъ. Обѣдъ начался ; хозяинъ вслушивался при- лжно въ каждое слово, замѣчалъ каждое швлодвиженіе новыхъ гостей своихъ, и на- конецъ, не примѣчая въ нихъ ничего *сверхъ- естественнаго*, съ непрерывнѣмъ спросилъ у своего сосѣда : *когда начнуль они ?* — ш. е. увеселяшъ его. Ешотъ анекдотъ всѣмъ извѣстенъ. — И шамъ общество налагаетъ на васъ особенная пени, потребуешъ отъ стихопворца неисшощимаго оспроумія, рѣзкихъ, колкихъ швѣтовъ, понкихъ замѣ- чаній ; словомъ — потребуешъ шого, че- го ни одинъ поешъ не въ силахъ исполншъ ; ибо какое - то спокойное просподушіе естъ

истинный характеръ любимца Музъ, а просподушіе въ обществѣ сначала смѣшно, а потомъ и скучно.

Но писателю должно быть *иногда* въ большомъ свѣтѣ, копорый есть единствен-
ная школа учивости и такъ называемаго
хорошаго тона. Это истина, и неоспори-
мая! Спихопворецъ, копорый вѣкъ свой
провелъ на пыльной кафедрѣ, будетъ всегда
грѣшнѣе прошивъ вкуса; школьное варвар-
ство болѣзнь почти неизлѣчимая. Муза
его, захочетъ ли быть важною — и бу-
детъ угрюма; захочетъ ли быть нѣжною —
и будетъ жеманною. Заглянемъ въ древ-
ность: Гомеръ въ спраншійхъ своихъ
вѣрно угощаемъ былъ госпепрїимными Ца-
рями; у какого нибудь Алкиноя онъ имѣлъ
случай видѣть прелеснную Маврианаю. Вир-
гилій и Овидій жили въ Августовыхъ па-
лашахъ. Горацій въ Ушикѣ и въ Тиволи
имѣлъ прекрасныя убѣжища; шамъ-по онъ
пилъ вино современное Туллїеву консуль-
ству; шамъ-по счастливый поетъ шамъ
воспѣвалъ славу красавицъ Римскихъ, и
увѣчанннй милїями, *живущими олимпъ
мигъ*, въ кругу учивыхъ царедворцевъ
Августовыхъ за чашей Фалерискаго вина
всѣ печали олдасель облрпмь! Гора-
ціевъ примѣръ намъ весьма важенъ; ибо по-
еша сего мы называемъ поешемъ вкуса.

Я описалъ и зло и добро, копорыя неразлучны съ обществомъ для писателя. Чпожь ему надлежитъ начати? Держашься средняго пуши, и опъ Сциллы не попасъ къ Харибдѣ. Одинъ изъ новѣйшихъ писателей (*) сказалъ, что общества большаго свѣща имѣющъ свойство старыхъ винъ; излишнее употребленіе оныхъ вредно, умѣреннее полезно и необходимо.

Но писателю обращаться въ кругу собратій и нужно и должно. Положимъ, что онъ встрѣтился иногда и съ Бавіемъ, копорый, съ подзобкомъ на груди и подогнувъ колѣна, почиаетъ себя выше Горація; и съ Мевіемъ, написавшимъ огромную поему, въ копорой нѣтъ ни смысла, ни связи (можетъ быть потому что онъ за нимъ не гоняется, занявъ будучи нанизываніемъ Славянскихъ словъ); и съ Балдусомъ, копорый скрѣпя сердце превозноситъ своихъ соперниковъ, желая ихъ сдѣлать покровителями покойныхъ своихъ драмъ. Положимъ, что онъ встрѣтился иногда и съ высокопарнымъ Даманомъ, копорый самыя нѣжные цвѣты Анакреоновы прикосновеніемъ волшебнаго пера своего превратилъ, какъ могучій чародѣй, въ макъ и шернѣе. Чпо нужды! — встрѣтился и пройдетъ

(*) Виже, если не ошибаюсь.

мимо. Но въ обществѣ молодого Филона найдѣтъ онъ то, чего искалъ, то есть оп-кровенность и дружество; но острый Ми-лонъ научилъ его слушать остро и прі-яшно!

По истинѣ, когда авторы не воюютъ перьями, когда вражда не бросилъ въ ихъ общество золотого яблока, когда личные достоинства другихъ не успѣли имъ пока-заться обидными: тогда они съ радостію, съ какимъ-то невиннымъ чувствомъ чисто-сердечія подають одинъ другому руку. И можно ли имъ неимѣть склонности другъ ко другу, когда предметы ихъ разговоровъ, предметы ихъ трудовъ и тайныхъ мы-шленій одни и тѣ же: науки, искусства, поэзія. Бесѣды ихъ поучительны и даже необходимы для молодого дарованія; онъ да-ють ему силу, пробуждаютъ личность, оживляютъ его всегда новымъ и пріятнымъ образомъ. „Ахъ, я жалью о томъ человѣкѣ, который, занимаясь литературою, не имѣетъ знающаго друга!“ сказалъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей, и опы-тности его мы должны верить. Самое дру-жество, сія сирасня думъ благородныхъ, спавшиися въ ихъ обществѣ живые, пре-лестные. „Ошиманше, говоритъ Г. Гара (Garat), зависше и клевету, которая очер-тила сполько писателей клеветниковъ, не

запимивъ ни одного истиннаго паланта, и я ихъ счастіе предпочту даже самой славѣ.“

И паки, друзья мои, скажемъ, скажемъ единодушно, что мы должны жить вмѣстѣ и въ мирѣ для общей пользы и славы! Скажемъ единодушно въ мирныхъ своихъ убѣжищахъ: „Невинность и тихое, „сердечное удовольствіе! живите вмѣстѣ „въ бѣдномъ домѣ, гдѣ нѣтъ ни бронзы, „ни драгоценныхъ сосудовъ, гдѣ скатерть „послана госнепріимствомъ, гдѣ сердце на „языкѣ, гдѣ Фортуны не чествуютъ въ „почешномъ углу: но гдѣ мы передъ Муза- „ми, подобно древнимъ, дѣлаемъ изліянія изъ „чашъ, увѣнчанныхъ розами“ . . . по крайней мѣрѣ я васъ издали привѣтствую!

К. Т. Х. —

СТИХОТВОРЕНІЯ.

В е ч е р ь.

(Подражаніе Петраркѣ. Canzone. IX.)

Въ полночь часъ, какъ солнца лучъ потухнетъ за
 горою,
 Склонясь на посохъ свой дрожащею рукою,
 Паслушка дряхлая отъ бремени годовъ,
 Свѣшивъ, свѣшивъ съ полей подъ опдален-
 ный кровъ,

И шамъ, пришедъ къ огню, среди лачуги дымной
 Вкушаетъ прапезу съ семьей гостепримной,
 Вкушаетъ сладкій сонъ, замѣну горькихъ слезъ!—
 А я, какъ солнца лучъ пошужнешъ средь небесъ,
 Одинъ, въ изгнаніи, одинъ съ моей тоскою,
 Бесѣдую въ ночи съ задумчивой луною!

Когда вечерній лучъ пошужнешъ средь морей,
 И ночь, угрюмая владычица пѣней,
 Соидешъ съ высокихъ горъ съ опрадной пи-
 шиною;
 Орапай острый плугъ увозишь за собою,
 И медленной ступой идя подъ опчій кровъ,
 Поешъ простую пѣснь — въ забвеніе всѣхъ
 прудовъ! —
 Въ пѣни домашнихъ Ларъ, и всюду сынъ по-
 слухный,
 Съ опцомъ и матерью вкушаетъ пиръ радуш-
 ный.
 Онъ счастливъ; я одинъ тоской усыновленъ,
 Грущу и день и ночь среди безмолвныхъ стѣнъ!—

Лишь мѣсяцъ сквозь туманъ багряный
 ликъ оставишь
 Въ недвижныя моря; паспужъ поля оставишь,
 Проститъ съ нивами, съ дубравой и ручьемъ,
 И гибкою лозой спада погонитъ въ домъ. —
 Игралице въпровъ среди пучины пѣнной
 И шы, рыбарь, спѣшишь на брегъ уединенной!
 Тамъ сѣши преклонивъ ко уплой ладѣ,
 (Вопъ все отъ грозныхъ буръ убѣжище швое!)
 При блескъ молніи, при шумъ непогоды
 Заснулъ . . . и счастливъ шы, угрюмый сынъ
 природы!

Но се блѣднѣетъ шамъ багряный небосклонъ
 И медленной ступой идущъ воли въ законъ

Съ холмовъ и пажитей, шуманомъ орошен-
ныхъ:
О пѣснопѣннй машь! — въ вершепахъ опда-
ленныхъ
Въ изгнаньи горестномъ, ушѣхи дней моихъ. .
О лира! — возбуди бряцаньемъ струнъ златыхъ
И холмы спящйе и кипарисны роци,
Гдѣ я, печали сынъ, среди глубокой ноци,
Объяпый препешомъ, склонился на гранишъ:
И надо мною пѣнь Лауры пролешитъ! —
К. В.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

РИТОРИКА.

О надутости въ слогѣ.

Надупостію въ слогѣ называется то, что придаетъ рѣчи мнимую важность и дѣлаетъ ее какъ будто возвышеннѣе. Лонгинъ сралниваетъ надушой слогъ съ опухолью опъ водяной болѣзни. Надупость иногда состоитъ въ выраженіи, а иногда въ понятіяхъ, прибавляемыхъ къ главной мысли. Въ выраженіи находится она, ко-

гда для самыхъ обыкновенныхъ предметовъ употребляются слова пышныя, звучныя, изъ высокаго слога взяшыя, и расположенныя въ искусственныя періоды; въ понятіяхъ, когда обыкновенныя понятія выражаются многозначительными, высокія мысли возбуждающими словами, или когда къ самой простой мысли присоединяются возвышенныя понятія и чувствованія, для большей важности. Вотъ примѣры надушности, которая состоитъ только въ выраженіи. Когда въ обыкновенномъ разговорѣ, вмѣсто простыхъ словъ *настаетъ вечеръ*, сказано было бы: *уже лучезарный Фебъ склоняется къ горизонту*; или когда, говоря о пожилomъ чловѣкѣ, вмѣсто *онъ сѣдѣлъ*, сказано было бы въ пріятельскомъ разговорѣ: *время сълзлеть мнѣ на главу его*. Въ прибавляемыхъ къ главной мысли понятіяхъ надушность видна, когда употреблено прилагательное имя высокаго значенія при существительномъ гораздо меньшей важности; на примѣрѣ: *выслренняя Коринна, божественная Сафо*; или когда простые мысли посредствомъ несвойственныхъ оборотовъ и неумѣстныхъ прибавленій представляются совсемъ въ иномъ видѣ, какъ на примѣрѣ когда влюбленный, какъ и всѣ молодые люди, мушкетеръ называется спрашивать свою *небеснымъ, вѣчно неугасимымъ пламенемъ*.

Надобно опличать истинное величїе оуб ложнаго. Последнее бываетъ нерѣдко причиною обмана, когда паинспвенная чепуха выражаетъся темными и невразумительными словами, копорыя съ перваго разу кажутся высокопарными, и повидимому заключающъ въ себѣ нѣчто важное и величественное. Истинному величїю и важности сопредѣльна особаго рода надушость или блестящее великолѣпїе такъ называемаго цвѣтущаго слога, копорымъ изображаются однѣ только тѣни безъ вещественныхъ предметовъ. Наконецъ еще есть надушость, соспоящая въ мнимои возвышенности понятїи и чувствованїи: она находится во многихъ романахъ.

Надушость происходитъ или оуб безвременнаго усилїя, или оуб помощи сказашъ что нибудь важное, и въ обоихъ случаяхъ она показываешъ несовершенство разсудка. Усилїе говорить величественно тогда бываетъ безвременнымъ, когда предметъ по свойству своему ничего важнаго въ себѣ не заключаетъ, или когда онъ величественъ въ еспественной простотѣ своей. Есть слабыя головы, копорымъ думается, будто въ краснорѣчїи и въ спихотворенїи все и всегда должно быть величественнымъ, и будто каждая мысль должна быть величественною, каждое слово высокопарнымъ.

И для того онъ всегда хопяшъ щеголяшъ воспоргами, всегда хопяшъ бышъ глубокомысленными, важными, чрезмѣрно чувствительными. Отсюда по необходимости происходишъ надупосшь, копорая о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ говоришъ высокопарно, самыя обыкновенныя мысли соединашъ съ важностію имъ вовсе неприличною, самыя обыкновенныя чувствія выражаешъ съ неумѣстнымъ величїемъ и напряженїемъ.

Причиною сей несчастной надупосши обыкновенно бываешъ неспособность чувствовашъ нѣжное изящество. Есль люди, копорые съ набѣвшими органами вкуса и обонянія чувствуюшъ только праныя смди и крѣпкой запахъ: равнымъ образомъ у любящихъ надупосшь умспвенный вкусъ по грубоспи своей неможешъ чувствовашъ нѣжнаго изящества. Тихїя мысли и ощущенїя, копорыми прогаюпся души испинно чувствительныя, для нихъ непримѣшны. Они думаюшъ, что гдѣ нѣшъ грому и треску, шамъ нѣшъ изящества. Тихая печаль для нихъ несуществуешъ; имъ надобенъ ревъ и вопли опчаянїя. Скромнаго благородства души они незнаюшъ; имъ кажется, что оно долженствуюшъ выражашъся пышно и высокопарно.

То же или нечто подобное бываетъ и съ такими людьми, которые, въ прочемъ имѣя довольно чувствительности къ истинному изяществу, грѣшатъ противу вкуса по неопытности своей и по незрѣлости разсудка. Кто желаетъ имѣть надлежащую чувствительность къ нѣжнымъ красотамъ въ изящныхъ искусствахъ, дѣйствуютъ ли онѣ на разумъ, или на воображеніе, или на сердце; тотъ долженъ или одаренъ ею быть отъ природы, или спяжащъ опытнось долговременнымъ упражненіемъ. Молодые художники, у которыхъ разсудокъ и чувствительность недовольно еще образованы, очень легко впадаютъ въ надупость.

Лучшее средство образовашъ свой вкусъ и предохранить себя отъ надупости состоитъ въ прилжномъ членіи вишій и стихопворцовъ, простотою, скромнымъ величіемъ и нѣжностію красотъ отличающихся. Кто читаетъ *Сенеку* прежде *Цицерона*, *Лукана* или *Силія* прежде *Виргилія*, тотъ подвергается опасности привыкнутьъ къ надупому слогу. Весьма полезно въ молодыхъ лѣтахъ знакомиться съ красотами прозаическихъ писателей, а потомъ уже приниматься за стихопворцовъ. Вкусъ въ изящныхъ искусствахъ можно уподобить ухапкамъ въ общезнѣи. Кому неслучилось обращаться съ людьми хорошо

воспитанными; для того быспроша и опромешчивость ухватокъ почпи дикихъ гораздо прїяшнѣе, нежели шихїе и оспорожные поспушки челоѡка просѡщеннаго.

Ежели надупость происходитъ опѡ безсилїа, опѡ неспособности величешвенно мыслишь и благородно изѡясняшья; вѡ шакомѡ случаѡ и пособить печѡмѡ. Никакая наука не вѡ состоянїи дашь сей безцѡнной способности. Слабыя головы думая, что важность и величїе состояшь вѡ шумѡ, пресѡб и громѡ, всегда и вездѡ упопреляющѡ одно средство для возбужденїа чувешивешельности.

Надупость, безѡ всякаго пропшвурѡчїа, ешь одна изѡ важнїйшихѡ погрѡшностей пропшву правилѡ хорошаго вкуса, одна изѡ самыхѡ неспособнїйшихѡ для людей сѡ разумомѡ. Посему-шо молодые писашели, пылкимѡ и хошя нѡсколькo сильнымѡ умомѡ одаренные, болѡе всего должнѡ осперегашься опѡ надупости. Замѡшнннн вѡ себѡ склонность кѡ сей болѡзни, чтобы совершенно искореннннн зло, они должнѡ воздержашься опѡ всякой высокoнрности и долгое время писашь единешвенно самымѡ простымѡ слогомѡ. Совѡнуемѡ сверхѡ того имѡ прилѡжно и со внимательнoспїю читашь сочиненїе *Веренфельса de meteoris orationis*.

Лонгинъ, говоря о надупости, употребляетъ разные названія, доспойныя прилѣжнаго размышленія, ибо ими означаются разные виды сего порока. Мы здѣсь только напоминаемъ объ нихъ, желая вмѣстѣ съ Сульцеромъ, чшобы что-нибудь изъ любительей словесности подробно извѣстивъ ихъ въ особомъ сочиненіи.

М.

III. К Р И Т И К А.

Потерянный рай, поэма Іоанна Мильтона. Новый переводъ съ Англійскаго подлинника. Част. I. II и III. Москва. Въ типографіи Платона Бекелова. 1810.

Новый переводъ шворенія, кошорымъ хваляшся одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ Европы, подаетъ намъ случай направишь вниманіе читателей нашихъ на подлинникъ и на самаго автора. Предложивъ сперва краткое извѣстіе о жизни

Мильнона, мы будемъ говорить о поемѣ его, а потомъ уже о Русскомъ переводѣ.

Иоаннъ Мильшонъ, произшедшій отъ богатой фамилии, жившей въ Оксфордскомъ графствѣ, родился въ Лондонѣ 1708 года. Отецъ его, принявшій протестантское исповѣданіе и за то лишенный наслѣдства, принужденъ былъ для пропитанія себя отправлять должность нотаріуса. Молодой Мильшонъ, обучившись древнимъ языкамъ въ разныхъ коллегіяхъ, съ двадцати чепырехъ лѣтъ жилъ въ сельскомъ уединеніи при своемъ родителѣ, и въ продолженіе пяти лѣтъ упражнялся въ испоріи, въ изученіи новыхъ языковъ, а особливо Французскаго и Италіянскаго, въ математикѣ и въ философіи. Онъ особенно привязанъ былъ къ системѣ Платона, и неспявша по слѣдамъ сего знаменитаго нравоучителя, любилъ мечтать о совершенствѣ. Здѣсь - то созрѣлъ умъ его и обогатился первыми великими идеями, которыя возникающъ въ тишинѣ и уединеніи. Должно замѣтить, что у всѣхъ славнѣйшихъ писателей начальныя познанія, пріобрѣтенныя ими въ училищахъ, созрѣвали въ уединеніи.

Познакомившись коротко съ твореніями знаменитыхъ мужей древности, Мильшонъ почувствовалъ сильное желаніе ви-

дѣль снраны, ими прославленные. По смерти матери своей, на тринадцатомъ году отъ рожденія, онъ отправился изъ Англіи. Въ Парижѣ видѣлся онъ съ Гроціемъ, искуснѣйшимъ латинистомъ и ученѣйшимъ политикомъ того времени. Гроцій былъ посланникомъ при дворѣ Французскомъ.

Во Флоренціи имѣлъ онъ случай познакомиться со знаменитымъ и несчастнымъ Галилеемъ, а въ Неаполѣ съ Маркизомъ Мансо, другомъ и покровителемъ Тасса. Мильшонъ желалъ побывать въ Сициліи и въ Греціи; но въ то время возгоралась междоусобная война въ его отечествѣ; а Мильшонъ думалъ, что общее дѣло должно предпочитать собственному личному удовольствію, и рѣшился возвратиться въ Англію. Однакожь онъ прожилъ еще нѣсколько мѣсяцовъ въ разныхъ городахъ Италіи, и прибылъ въ Лондонъ послѣ успешнаго своего, продолжавшагося одинъ годъ и три мѣсяца.

Самуилъ Джонсонъ, одинъ изъ жесточайшихъ хулителей Мильшона, утверждаетъ, что ему, какъ сыну отечества и защитнику свободы, надлежало бы тотчасъ броситься въ шолпу рашущихъ. Но поемъ нашъ, умѣя управлять перомъ а не шпагою, заблагоразсудилъ поселиться въ он-

даленной части города и окруживъ себя книгами. Тамъ принялъ онъ къ себѣ на воспитаніе двухъ своихъ племянниковъ Іоанна и Едуарда Филипсовъ. Послѣдній изъ нихъ написалъ жизнь дяди своего и наставника. Охоша, а можетъ быть и нужда, заставили Мильпона умножить число учениковъ и завести у себя школу. Невъжество не успѣло вѣнчаться ему въ пороки сіе заведеніе; какъ будто изъ всѣхъ среднихъ назидать благо общества должно почиваемо быть пошуднымъ по, которое образуетъ членовъ общества! Еще упрекали его, что онъ, вопреки тогдашнему школьному обычаю, наставлялъ дѣтей и въ математикѣ и въ астрономіи, и въ военной наукѣ, и въ сельскомъ домоводствѣ. Мильпонъ еще прежде издалъ свое Разсужденіе, гдѣ доказалъ превосходство папскаго воспитанія, которое дѣлаетъ человека по возможности ко всему способнымъ, и къ военнымъ должностямъ и къ гражданскимъ, и къ общественной жизни и къ домашней.

Въ 1643 году Мильпонъ женился на дочери одного дворянина изъ Оксфордской провинціи, и черезъ мѣсяць оставленъ былъ своею женою, которая поклялась никогда къ нему не возвращаться. Несчастный мужъ написалъ нѣсколько разсужденій о разводѣ,

и началъ было помышлять о второмъ бракъ. Сказывающъ, что сама жена упросила его помириться, и что случай сей послужилъ ему образцомъ для примиренія Адама и Евы въ десятой пѣсни Пошерянаго Рая.

Мильшонъ держалъ спорону враговъ монархическаго правленія. Послѣ ужасной кончины Карла I онъ оправдывалъ незаконной поступокъ республиканцовъ, посягнувшихъ на жизнь несчастнаго своего Государя. Человѣкъ, приславшій къ какой-нибудь споронѣ, дѣлается рабомъ ея и вдаешся въ такія крайности, копорыми онъ первой возгнушался бы при другихъ обстоятельствахъ. Распаленный жаромъ фанатизма, Мильшонъ неушомимо гремѣлъ пропивъ монаршей власпи, и за то былъ награжденъ своими единомышленниками. Онъ опправлялъ важную должность секретаря Латинскаго языка при обоихъ Кромвеляхъ и въ Парламентѣ, и оставилъ оную уже по вступленіи на престолъ Карла II.

Сальмазій, ученѣйшій крипикъ того времени, родомъ Французъ, жившій въ Голландіи, вступился за несчастнаго Карла и написалъ *Защищеніе Короля*. Мильшонъ отвѣчалъ ему *Защищеніемъ Англійскаго народа*. Книга сія, за копорую авторъ

получилъ въ награду 2000 фунтовъ стерлинговъ, публично была сожжена въ Парижѣ. Англійскій поетъ вздумалъ доводы свои приправить насмѣшками, и между прочимъ по сходству имени сравнивалъ Сальмазія съ рѣкою Сальмасисомъ, въ которой погружавшіеся перьями способность дѣтворжденія! Ученый Сальмазіи имѣлъ случай порадоваться слѣпости Мильпона, которой отъ безпрестанной работы лишился зрѣнія; а Мильпонъ въ свою очередь поздравлялъ себя тѣмъ, что уморилъ своего соперника.

Сказываютъ, что Мильпону поручено было перевести на Латинской языкъ мирной договоръ между Англіею и Швеціею. Политическія причины заставляли Кромвеля исполнять спашей договора, и Пропеторъ извинялъ медленность свою слѣпою секретаря. „Такъ за чѣмъ же, съ удивленіемъ возразилъ ему Шведской посланникъ, поручать слѣпцу секретарскую должность? Не ужели во всей Англіи не нашлось ни одинъ зрячій, умѣющій писать на Латинскомъ языкѣ?“

Кромвель успѣвши въ своемъ намѣреніи, не почивалъ за нужное прихворяться и сбросилъ съ себя личину, которую упошреблялъ для своего возвышенія. Несмотря на то

одинъ Мильшонъ оспавался въ заблужденіи. Уже по смерти Прешектора одному пріятелю своему, которой думалъ, что Мильшонъ пишеть испорію государспвенной перембны, осмѣлился онъ сказать, что „не только ненамбрень передавать попомспву извѣстіе о сей перембнѣ, но желаетъ, чтобы она предана была вѣчному забвенію.“ Въ прочемъ поетъ нашъ непереставалъ о вольности мечтать и защищать равенство. Мечты его и надежды совершенно исчезли тогда уже, какъ новый Король, Карлъ II, послѣ шоржеспвеннаго вшесивія въ Лондонъ возсѣлъ на престолъ своихъ предковъ.

Спасный защитникъ мнимой свободы при наступившей новой перембнѣ долженъ былъ позаботиться о своей безопасности, и заблаго разсудилъ скрыться. Въ убѣжищѣ своемъ онъ могъ слышать, что палачи жгли республиканскія его сочиненія и что струны благодѣшелей его, Кромвеля и Брадшава, прицѣплены къ висѣлицамъ. Однакожъ онъ оспался безъ наказанія, получилъ во всемъ прощеніе, и даже былъ уважаемъ за опличныя дарованія и обширныя своденія.

Тогда-то, живучи въ уединеніи и тишинѣ, Англійскій Гомеръ шворчалъ мысли новыя и великія. Но при вдовствѣ своемъ,

при бѣдности, при слѣпотѣ, при слабостѣ здоровьи, имѣя трехъ дочерей, онѣ скоро ощутилъ надобность въ подругѣ, и женился въ другой разъ, а по прошествіи года въ прешій. По видимому изъ всѣхъ одна только впорая жена, умершая въ родахъ, была достойна любви его. Мильшонѣ не болѣе счастливѣ былъ и въ дочеряхъ своихъ. Дѣвспаршія безъ вѣдома продавали книги его и причиняли ему разныя огорченія. Правда что онѣ были воспитаны весьма нерадиво, и даже не умѣли писать. Мильшонѣ выучилъ ихъ разбираться письмо Греческое, Латинское, Еврейское и Сирійское, и заставлялъ ихъ въ слухъ читать книги на сихъ языкахъ, которыхъ онѣ вовсе неразумѣли. Такая работа, и для взрослого мужчины до крайности скучная, вѣрно была несносна молодымъ дѣвушкамъ. Мильшонѣ освободилъ ихъ отъ оной, и послалъ учиться золотощвейному искусству, а въ чтецы принялъ къ себѣ одного молодого человека.

Въ 1665 году окончилъ онѣ свою поему Пошерянный Рай, прудившись надъ нею лѣтъ десять. „Мильшонѣ въ молодости своей путешествуя по Италіи, пришелъ Вольшеръ, видѣлъ въ Медіолау предсавленіе одной комедіи, которая называлась *Адамъ, или первоюродной грѣхъ*, и сочи-

нена была какимъ - то Андрини. Паденіе челоѵка было содержаніемъ сей комедіи, а дѣйствующими лицами были въ ней: Богъ отецъ, дѣволы, ангелы, Адамъ, Ева, змій, смерть и семь грѣховъ смертныхъ. Нелѣпость сочиненія незакрѣла высокой мысли отъ провинцапельнаго Мильпона. Случается не рѣдко, что челоѵкъ великаго дарованія находить истинныя красоты въ томъ, надъ чѣмъ шутятъ люди обыкновенные. Правда, что весьма странно и глупо заставлятъ семь смертныхъ грѣховъ плясать съ дѣволами; но родъ челоѵческой, въ несчастіе поверженный за пресупленіе прародителя, благость и мищеніе Творца, причина бѣдствій нашихъ и беззаконій, конечно суть предметы для смѣлой, масперской кисти. Въ мысли о паденіи челоѵка заключаешся какой - то мрачной ужасъ, какая - то выпренность грозная и печальная, приличная Англійскому воображенію. Мильпонъ вознамѣрился изъ шуповской Андриіевой комедіи сочинить трагедію, и уже написалъ было полтора акта. Но мысли его часъ отъ часу разпространялись по мѣрѣ продолженія работы, и Мильпонъ рѣшился вмѣсто трагедіи сочинить эпическую поему, по есть такое стихотворнаго искусства произведеніе, въ которомъ многіе люди странно слышавшіе согласились называть чудесностію. Книгопродавецъ Симмонсъ на силу согласи-

ся заплашишь Мильшону за рукопись десять фунтовъ стерлинговъ, изъ которыхъ одну половину авторъ получитъ долженъ былъ послѣ продажи 1300 экземпляровъ, и дѣйствительно получилъ ее черезъ два года. Изъ сего видно, что *Полтерьяннѣй Рай* имѣлъ своихъ читателей, но что никто неосмѣливался явно хвалить сочинителя, какъ человека пропивнаго двору и духовенству. Вышло нѣсколько новыхъ изданій, и многіе воздавали справедливую похвалу памяти Мильшона. Наконецъ Аддисонъ подтвердилъ мнѣніе ученыхъ людей своими крипическими замѣчаніями, помѣщенными въ *Зришелъ* 1712 года, показалъ красоты сей удивительныхъ поемы и удостоверялъ Англичанъ, что и они имѣютъ у себя Гомера.

Въ 1671 году Мильшонъ издалъ другую поему свою: *Обратно полученный* или *Возвращенный Рай*, написанную бѣлыми стихами, подобно первой, съ которою однакожъ ее никакъ равнять невозможно. Несмотря на то, онъ отдавалъ преимущество послѣднему своему творенію.

Въ семъ краткомъ начертаніи жизни Мильшона неупомянуты многія сочиненія, изданныя имъ прежде и послѣ *Полтерьяннаго Райа*. Но намъ и въ нихъ и надоб-

носпи. Скажемъ шеперь о его смерпи. Онъ скончался въ 1674 году отъ жестокой подагры, близъ Лондона. Тѣло его погребено въ городѣ въ церкви св. Жиллеса. Тогда было уже въ обыкновеніи спавишь памяшники или по крайней мѣрѣ надписи, въ чесиъ знаменишымъ мужамъ, въ Веспминсперскомъ аббатствѣ. Творцу Поперяннаго Рая воздвигнушъ памяшникъ непрежде 1737 года.

Былъ споръ между любипшелями изящной словесности, можно ли Поперянный Рай называшъ *героическою* поемою? Аддиссонъ рѣшилъ его, сказавъ: кому неприличнымъ кажепся сей шишулъ, пошъ пусть называшъ Поперянный Рай *божественною* поемою. Не должно забывашъ, что Адамъ не Еней, а Ева не Елена. При разсмаприваніи эпической поемы прежде всего надобно имѣшь въ виду шакъ называемую *басню*, то ешь истинное или вымышленное содержаніе, главное дѣйствіе. Оно должно бышь во первыхъ *единое*, во вторыхъ *цѣлое*, въ шрешьихъ *величественное*. Чшобы сохранишь единство дѣйствія въ Иліадѣ, Гомеръ спѣвшишъ къ серединѣ дѣла, какъ замѣчаешъ Горацій. Еслибъ началъ онъ съ яиць Леды, или хопя съ похищенія Елены, или съ Троицкой осады; тогда испорія поемы содержала бы въ себѣ цѣлой рядъ дѣйствій.

Поэтому - то начинаешъ онъ свою поему враждою между царями, и въ продолженіи оной искуснымъ образомъ предлагаешъ о произшествіяхъ, прежде сей несчастной ссоры случившихся. Точно также и Еней при самомъ началѣ поемы является на Тиренскомъ морѣ въ виду Италіи, потому что Virgilій имѣлъ намбреніе воспѣть поселеніе героя своего въ Лаціумъ, и что въ семъ состоишъ главное дѣйствіе поемы. А какъ чипапелямъ нужно знашъ, что случилось съ Енеемъ при взятіи Трои и во время его путешествія; то Virgilій и заставляешъ его во второй и въ прешей пѣсняхъ рассказывать Дидонѣ о своихъ пожденіяхъ. И такъ обѣ упомянутыя пѣсни предшешвуютъ первой въ историческомъ порядкѣ, хотя для сохраненія единства въ поемѣ положены онѣ послѣ первой. Мильтонъ, подражая симъ великимъ пѣшамъ, открываешъ Пошерианный Рай свой совѣщаніемъ злыхъ духовъ о погубленіи человека, которое предположилъ онъ главнымъ дѣйствіемъ поемы. Войну между ангелами и сотвореніе мѣра помѣщаешъ онъ эпизодически въ пятой, шестой и седмой книгахъ, для сохраненія единства главнаго дѣйствія, которое было бы нарушено, если бы произшествія предложилъ онъ въ историческомъ порядкѣ одно послѣ другаго.

Второе качество дѣйствія въ эпической поэмѣ должно быть *цѣлость*. Дѣйствіе тогда бываетъ цѣлымъ, когда имѣетъ всѣ свои части, или, какъ Аристотель опредѣляетъ, когда оно имѣетъ начало, середину и конецъ. Цѣлое дѣйствіе не должно имѣть ничего посторонняго ни передъ началомъ, ни въ серединѣ, ни послѣ окончанія; и наоборотъ, чрезъ все продолженіе поемы не должно быть выпущено ничего такого, что существенно принадлежитъ къ заключающемуся въ ней главному дѣйствію. Такимъ образомъ Гомеръ показываетъ намъ начало, продолженіе и послѣдствія Ахиллесова гнѣва, а Virgilій приводитъ Енея въ Италію чрезъ всѣ опасности на водахъ и на сушѣ. Дѣйствіе у Мильтона, говоритъ Аддисонъ, гораздо превосходитъ обоихъ прежнихъ: оно изображено во адѣ, исполнено на землѣ и наказано опъ неба. Части онаго слѣдуютъ одна за другою въ самомъ натуральномъ порядкѣ.

Далѣе требуется, чтобы дѣйствіе въ поэмѣ было *величественное*. Гнѣвъ Ахиллеса привелъ въ смятеніе царей Греческихъ, погубилъ героевъ Троянскихъ, и посѣлѣлъ вражду между богами. Поселеніе Енея въ Италію произвело Цезарей и Римскую Имперію. И здѣсь Мильтонъ выше обоихъ древнихъ писателей: у него дѣло идетъ

о судьбѣ не одного лица, не одного племени, но всего рода человѣческаго. Всѣ адскія силы соединились для погубленія человѣка. Успѣхъ ихъ былъ бы совершеннымъ, безъ посредства Божія всемогущества. Мужъ въ первобышномъ совершенствѣ своемъ и жена сіяющая красотою суть главныя дѣйствующія лица въ поэмѣ; враги ихъ — падшіе ангелы, другъ — Мессія, покровитель — Творецъ всемогущій. Словомъ: все, что ни есть великаго въ природѣ и внѣ оной, имѣетъ мѣсто свое въ сей удивительной поэмѣ.

(Продолж. въ слѣд. книжкѣ.)

IV. С М Ъ С Ъ.

О Лагарловомъ обращеніи (*).

. . . Въ удовлетвореніе желанію нѣкоторыхъ особъ, сообщающихъ публикѣ важ-

(*) Въ нынѣшнемъ году вышло изъ печати и продается: *Опроверженіе злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ философомъ ХРІІІ вѣка противъ христіан-*

нѣйшія спашьи изъ жизни Лагарповой, касательно его уклоненія отъ Христа и обращенія къ Нему. Извѣстное Вольперово Посланіе къ Ураніи (Eptre à Uranie) попало къ нему въ руки еще ненапечатанное, въ бытность его ученикомъ Рипорика. „Оно, говоритъ самъ Лагаръ, „очень много подѣйствовало на мою голову, вскруженную поезією и щеславіемъ; „я скоро выучилъ его наизусть. Искусство „сочинительное въ семъ произведеніи шѣмъ „обольстительное, что оно сокрыто подъ „личиною чистосердечія. Онъ предлагаетъ „своей Ураніи двѣ противоположныя системы о невѣрїи и вѣрїи: послѣдняя превосходна. Но сочинитель сію каршину старался представить послѣ многочисленныхъ лжеумствованій, напередъ обезобразившихъ краски и черны ея. Помомъ ославляетъ Уранію въ невѣрїи, предлагая ей на волю выбирать любую изъ двухъ системъ: а оканчиваетъ посланіе свое рѣшительнымъ для себя и для

скаго благочестія, послѣднее сочиненіе Лагарна, съ Французскаго языка переведенное г-мъ Бардовскимъ. Намъ извѣстно, что книгу сію одобряютъ многія почтенныя особы, и попому охотно исполняемъ препорученіе г-на переводчика, помѣщая здѣсь спашью о обращеніи Лагарна къ христіанству. Изд.

„нее выборомъ системы невѣрїя, пользуясь новыми лжеумствованиями, шлоко же не-
 „лѣпыми, какъ и первыя, но представлен-
 „ными со всѣми обольщенїями лжи.“

Такимъ образомъ, уловленный въ опас-
 ная для юношества Вольперовы сѣщи, Ла-
 гарпъ продолжалъ съ восторгомъ слушать
 смертоносное пѣнїе Сирены, и своими даро-
 ванїями сгоспѣшествовалъ намбренїю со-
 фистовъ до тѣхъ поръ, пока не ужа-
 снулся, увидѣвъ приближенїе бѣдспвїй, ими
 прїугошовленныхъ для Франціи и можно
 сказаць — для всей Европы. Предтечи
 революціонныхъ божеспвѣ *разума* и *фи-*
лософїи первые испытали злоредносць
 безначалїя. Лагарпъ, заключенный въ
 Люксамбургскую темницу, съ иренешомъ
 ожидалъ позорной смерти. Тушъ всѣ фило-
 софическїя системы исчезли; опчаянїе
 овладѣло его душою: одна только высокая
 христїанская философїя могла возвращиць
 ему спокойспвїе.

„Нѣкопорая благочеспивая особа, съ
 копорою Лагарпъ имѣлъ счаснїе позна-
 комицься въ темницѣ своей — шавъ ни-
 шешъ сочинишель записокъ о Лагарповой
 жизни — позабонилась обв ушвненїи его.
 Между средспвами, доспащочными для
 услажденїя горесни опчалинаго сердца, она

совѣщавала ему читашь Давидовы псалмы, копорые онѣ прежде пробѣгалѣ единствен-но для замѣчанія красотѣ стихотворче-скихъ, и копорые почти вовсе позабылѣ. Благоразумная и человекѣлюбивая особа сія, опасаясь раздражить философа, сначала предложила ему читашь Давида для раз-свѣянія; потомѣ просила его оказашь ей нѣ-копорую услугу сочиненіемѣ крипическихъ замѣчаній на сіи превосходныя шворенія. Лагарпѣ обрадовавшись занятію, съ его склонносшиями сообразному, и вмѣспѣ слу-чаю засвидѣтельсшвовашь свою благодар-ность за полученныя имѣ ушѣшенія, не-медленно приспустилѣ къ дѣлу. При са-момѣ началѣ упражненія своего онѣ на-шелѣ въ псалмахѣ красоты необыкновен-ныя. Сіе въ немѣ расположеніе усилива-лось по мѣрѣ его занятія начашымѣ дѣ-ломѣ: чпеніе другихѣ душеспасительныхѣ книгѣ скоро ушвердило оное; и наконецѣ Лагарпѣ узналѣ, гдѣ несчастный долженѣ искашь себѣ ушѣшенія и помощи — уз-налѣ, и обратился ко Христу.

„Сіе обращеніе подало инымѣ поводѣ ко многочисленнымѣ безумнымѣ клеветамѣ, безпреспавно оспориваемымѣ и всегда возоб-новляемымѣ, несомпря на всѣ признани искренности онаго. Собсшвенноручная Ла-гарпова записка предсшавляетѣ новое шому

доказательство, что его обращеніе было искренно. Безъ сердечныхъ чувствованій и убѣжденія не возможно такъ писать: „Я былъ въ своей шемницѣ, одинъ въ маленькой комнаткѣ, до чрезвычайности печаленъ. Нѣсколько уже дней сряду я читалъ Псалмы, Евангеліе и другія хорошія книги. Дѣйствіе отъ чтенія оныхъ было быстрое, хотя и поспешное. Обращаясь къ вѣрѣ, я видѣлъ новый свѣтъ, который однакожь приводилъ меня въ страхъ и опечаленіе, озаряя предомною бездну сорокалѣтняго заблужденія моего. Съ одной стороны представлялась моимъ взорамъ прошедшая жизнь моя въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ я находилъ ее при свѣтѣ небесной истины; а съ другой смерть, которую я ожидалъ ежедневно, и которую въ то время обыкновенно получали. Священникъ не показывался на эшафотѣ для утѣшенія умирающаго, но для того только чтобъ самому умереть. Сердце мое, преисполненное сими гореснѣйшими чувствованіями, было въ величайшемъ уныніи: оно изъ глубины своей взывало къ Богу, котораго я обрѣлъ, но котораго едва еще зналъ. Я вошелъ къ нему: *Что мнѣ дѣлать? что со мною будетъ?* На столахъ у меня лежала книга о *подражаніи Иисусу Христу*, и мнѣ сказывали, что въ сей превосходной книгѣ можно часто на-

„ходишь опившись на свои мысли. Раскрываю
 „ее на удачу, и слѣдующія слова попада-
 „ются мнѣ въ глаза: *Я предъ тобою,*
 „*сынъ мой! пришелъ къ тебѣ, услыша*
 „*призваніе твое.* Я неспалъ болѣе чи-
 „шаешь; нечаянное впечатлѣніе, сими Хри-
 „стовыми словами тогда во мнѣ произве-
 „денное, превосходитъ всякое изъясненіе:
 „мнѣ ни выразишь, ни забышь его не воз-
 „можно. Я палъ ницѣ на землю, залившись
 „слезами, задыхаясь опивъ вздохомъ, поми-
 „нушно вскрикивая и неоканчивая словъ
 „своихъ. Сердце мое нѣсколько облегчилось
 „и начало дышать свободнѣе; но въ по же
 „время какъ бы гошова было разорваться на
 „двое. Колеблемъ будучи множествомъ мы-
 „слей и чувствованій, я довольно долго пла-
 „калъ; однакожь у меня не оспалось дру-
 „гаго о семъ положеніи воспоминанія, кромѣ
 „того, что мнѣ никогда въ жизни неслу-
 „чилось чувствовать ничего насильствен-
 „нѣе и сладостнѣе, и что сїи слова: *Я*
 „*предъ тобою, сынъ мой!* безпрестанно
 „опызывались въ душѣ моей и сильно по-
 „прысали всѣ способности ея.“ — Вотъ ка-
 „кимъ образомъ Лагарпъ обращенъ на путь
 истины по дѣйствию благодати Божіей!
 Освободясь изъ пемницы, онъ употребилъ
 нѣсколько лѣтъ для выправки въ своихъ
 твореніяхъ мѣстъ, вредныхъ вѣрѣ Христї-
 анской, и для сочиненія книги въ защище-

нѣ оной отъ клеветы безумствующихъ: и хощя не успѣвъ окончить благонамѣреннаго труда своего, о чемъ наиболѣе сожалѣвъ передъ кончиною своею, за то написанныя главы доказываютъ, что Французскій Квинтиліанъ, послѣ обращенія своего ко Христу, усовершенствовался въ томъ поразительномъ краснорѣчїи, въ которомъ онъ отдаетъ преимущество Греческимъ опцамъ предъ Римскими (Cours de la Litterature, tome IV).“

Предувѣдомленіе объ издаваемомъ описаніи Персидскаго похода подъ главнѣйшмъ начальствомъ Графа Валеріана Александровича Зубова.

Покойный Графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ по особенной довѣренности своей отдалъ мнѣ всѣ бумаги, до Персидской кампаніи касающіяся, съ тѣмъ дабы подъ руководствомъ его написать исторію сего немногимъ извѣстнаго, а по многимъ политическимъ отношеніямъ столь важнаго похода. Охотно хощѣвъ я посвятить себя столько лучшимъ трудамъ и передать попомощву памятники храбрости и неупомимости Россіянъ въ знойной Персіи; но обязанности прежнихъ должностей моихъ и занятія по издаваемой мною исторіи Суворова воспрепятствовали до нынѣ исполненію моихъ желаній. Священна для меня

навсегда память достойнаго Графа, котораго люшая смерть въ цвѣту лѣтъ похитила у еполь многихъ облагодѣтельствованныхъ имъ соотечественниковъ. Онъ будетъ жить въ ихъ сердцахъ, и въ сердцахъ потомцевъ, которыхъ щедрою и человеколюбіемъ призрѣлъ и сдѣлался вторымъ ихъ отцемъ. Послѣднія минушы жизни обнаруживаютъ истинное достоинство человека. Графъ Валеріанъ Александровичъ, безпрепешно взиравъ на приближавшуюся кончину дней своихъ, преподаль планъ къ сооруженію на своемъ иждивеніи для преспарѣлыхъ, ранами и бѣдностію удрученныхъ воиновъ богадѣльни въ Сергіевой пустынѣ. Тамъ, въ той-то тихой обители покоишься и прахъ его, который, какъ и хлѣбъ насущный, имъ даруемый, орошаютъ сіи на полѣ брами увядшіе сыны Отечества признашельными слезами, и возсылаютъ теплыя моленія, конечно всѣхъ благъ Подателью угодныя. МОНАРХЪ почтилъ гробъ его Высочайшимъ своимъ посѣщеніемъ; оный былъ до могилы сопровождаемъ скорбными вздохами и слезами толпившагося народа; каковую дань платитъ всегда великой душѣ человекство.

Имѣя всѣ подлинныя бумаги, Высочайшіе Рескрипты и всю архиву Персидскаго похода, не могъ я изъ сихъ сокровищъ лучшаго сдѣлать употребленія, какъ въбришь ихъ перуг-на. Покровскаго, по Россійской словесности и по наукамъ извѣстнаго, который почерпнувъ изъ нихъ все нужное и полезное, представилъ скоро публикѣ. Мы оспаемся токмо радовашься моему выбору и его усердію, и обратимъсь здѣсь къ тогдашней эпохѣ и къ Персіи.

Токмо исполинскому генію Великой навсегда Екашеринны предославлено было перенести побѣдоносное оружіе свое на палящіе пески Персіи и преселиться въ вѣкъ Великаго же Пешра. Тѣ же ключи Дербенша, которые поднесены были Пешру Первому, повергаются шѣмъ же старцемъ къ подножію престола и Екашеринны Вшорой. Казалось, яко бы судьба съ намѣреніемъ сохранила долготѣшіе старца, дабы простерть шѣмъ большую разительность на картину событія сего; — когда юный военачальникъ приемиетъ сей залогъ вѣрности отъ руки столѣтняго, и врата Дербенша отвѣрзаются побѣдишело. —

Персидская Монархія по завоеваніи Турками Коаспаншинополя померкаетъ и скрывается во мракъ. Но вдругъ творчески вызывается ее изъ онаго, кто же? простой пастухъ, чрезвычайный человекъ, герой, любимецъ побѣды, шопъ, который поработаетъ произволу своему судьбу обширнѣйшихъ областей Поршы, Могола, самаго престола Персидскаго, простираетъ завоеванія свои въ Индію; — это шопъ Тахмасъ - Кули - Ханъ, который вмѣсто награды за таковыя чудесныя, быстрые подвиги бѣжитъ отъ свирѣпости народа въ свой станъ, гдѣ идолъ сей воиновъ своихъ сокрушается отъ ихъ же рукъ, а съ нимъ и колоссъ Персидской славы. — Таковъ былъ метеоръ на политическомъ горизонтѣ; онъ блеснулъ и исчезъ. — Но, къ несчастію смертныхъ, разрушенія такого рода въ нравственномъ мірѣ оставляютъ по себѣ долговременныя гибельныя слѣды. Еще до днесь раздирается Персія междуособными бранями, которыми единае счастье воз-

водишь и низвергаетъ хищниковъ престола попремѣнно. Сопредѣльность буйнаго народа сего съ Россійскою Имперіею возбудила все вниманіе безсмертной ея Обладательницы, кою рою благошворную, великую цѣль узришь благодарное Опечесство.

Е. Фуксъ.

Письма къ издателю В. Е.

1. О господинѣ Жилинѣ.

Едва ли кому неизвѣстны дарованія Алексѣя Дмитріевича Жилина, Русскаго Дворянина. Онъ лишился зрѣнія еще въ колыбели, на шестомъ мѣсяцѣ отъ роду. Въ дѣтскихъ лѣтахъ онъ оказывалъ уже великую спрасъ свою къ музыкѣ; наконецъ, безъ учителя, по одному только слуху, одаренъ будучи необычайною памяшью, онъ возвысилъ свои таланты до возможнаго совершенства. Фортепіано есть любимый инструментъ его; но г. Жилинъ прекрасно играетъ еще на гитарѣ, на віолончелѣ и на скрипкѣ. Съ какою быстротою перебѣгаетъ онъ клавиши, и какой чистой, пріятной тонъ изъ нихъ извлекаетъ! Извѣстны концерты, которые онъ давалъ въ Москвѣ и въ Пешербургѣ. Фанпазіи его по большей части печальныя, и до глубины прогаютъ душу. Въ нынѣшнемъ году опечатана небольшая часть его сочиненій, содержащая Русскія пѣсни, польскіе, марши и проч., которую онъ поднесъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ. Слыша игру его, и невидя игрока, никакъ не догадываешь, чтобъ это былъ слѣпой; и въ

семь искусствъ онъ превосходитъ можетъ бытъ всѣхъ артистовъ своего времени. Спрашивъ къ музыкѣ извлекла его изъ объявляемой родственниковъ. Онъ живетъ въ С. Петербургѣ, и служитъ въ тамошнемъ Институтѣ слѣсныхъ училемъ музыки, получая за то жалованье и пользуясь отъ Монаршихъ щедротъ назначенною пенсiею. Нынѣшнимъ льпомъ онъ посылалъ родныхъ своихъ, которые убѣждали его остаться съ ними; но г. Жилинъ никакъ незахотѣлъ на то согласиться, представляя, что палантъ и любимое занятiе заставляющъ его непремѣнно жить тамъ, гдѣ молодой артистъ находитъ возможные средства себя усовершенствовать. Г. Жилинъ живетъ въ столицѣ по своему желанiю и по обязанности. Какъ благородной человекъ, не въ состоянiи будучи управлять шпагою или перомъ, онъ починаетъ за долгъ служить обществу своимъ палантомъ, и служба его столько же приноситъ ему чести, сколько удивляетъ публичная игра его. Таковы главные причины, для которыхъ онъ разстался съ родными, любящими его отъ всего сердца. Истинные цѣнители изящности уважаютъ его, и отдающъ всю справедливость отличному его дарованiю. Вотъ краткая исторiя г-на Жилина. Теперь можно себѣ вообразить, съ какимъ огорченiемъ онъ услышалъ, а родственники его прочитали замѣчанiе въ Аглаи 1810 года X Ч. въ 3 книжкѣ на страницѣ 55, гдѣ г. Издашель, обманувшись ложными слухами, дозволилъ себѣ восклицать самымъ неприличнымъ образомъ, и родственниковъ г-на Жилина называтъ *безчеловѣками*! Г. Издашель можетъ бытъ не чувствуешь, какiя неприятности нанесъ чрезъ то цѣлому семей-

ству! А. Д. услышавъ о семъ оскорбленіи, просилъ роднаго брата своего, опсшавнаго Поручика Петра Дмипріевича Жилина, чшобъ написалъ къ г - ну Издащелю Аглаи, и спросилъ бы его, по какому праву осмѣливается онъ входить въ семейственныя дѣла и неизвѣстныхъ ему людей передъ всею публикою называть *безчеловѣчными*?

„Письмо ваше, такъ пишешъ г. Издащель Аглаи къ П. Д. Жилину, пронуло меня, почши сполько же, сколько достопамятныя концершты вашего брата. Онъ самъ долженъ бытъ ходашаемъ за невинность мою предъ вами; ибо одно живѣйшее участіе въ судьбѣ его заставило меня воскликнуть: *безчеловѣчные!* слово, кошорое шеперь повшорю съ насиліемъ моему сердцу.“ — Г. Издащель Аглаи говоритъ, что А. Д. Жилинъ долженъ бытъ ходашаемъ за его невинность, въ ш время когда самъ А. Д. желалъ, чшобъ къ нему написали; попомъ говоритъ, что одно живѣйшее участіе въ судьбѣ Жилина заставило его воскликнуть *безчеловѣчные*, между шѣмъ какъ судьба г - на Жилина совсѣмъ ему неизвѣстна! Ешо очень спранно! Такой неосшорожности совсѣмъ нельзя было ожидать опъ прелестной Аглаи при всей болшливости, какую приписываютъ ея полу!

Но посмотришь на доказательства, на кошорыхъ основывается г. Издащель Аглаи. Онъ продолжаетъ: „Вы читали: *десять чело-
вѣкъ говоритъ вокругъ васъ*,” и проч. — ешо слова, напечатанныя въ Аглаи. „Вопъ доказательства, и нужны ли мнѣ другія? Они, конечно не выдуманы.“ — Далѣе: „прибавлю еще,

„что десять человѣкъ говорили именно съ мною о братцѣ вашемъ то же самое.“ — Вотъ причины, понудившія восклицать г-на Издателя Аглаи. Но надобно ли было одиннадцатому человѣку повторять оскорбительную недѣлюсь, сказанную десятью человѣками? Можно ли по одному слуху, пустому и неосновательному, печатать въ книгѣ клевету на счётъ людей благородныхъ и честныхъ? Не запрещаетъ ли сего здравый разумъ и благоприсойность?

Признательный г. Издатель предлагаетъ въ письмѣ своемъ прислать оправданіе для напечатанія въ Аглаи, или въ другомъ какомъ либо журналѣ, и въ заключеніи письма говоритъ: — „Еще слово: могли ли я имѣть какую-либо причину нанести огорченіе вамъ, людемъ совсѣмъ мнѣ неизвѣстнымъ?“ Безъ сомнѣнія, не имѣлъ и не могъ имѣть ее. Причина конечно та, что г. Издатель судиши по однимъ наружностямъ, принимаетъ вздорныя слова десяти человѣкъ за общее мнѣніе, за приговоръ, коимъ потчасъ надобно обнародовать! Какъ бы то ни было, вопреки невыгодному объ насъ заключенію одиннадцати человѣкъ, считая съ г-мъ Издателемъ Аглаи, мы поступимъ *человѣколюбиво*, и заплашимъ за зло добромъ, то есть подадимъ ему полезный советъ впредь не называть *безчеловѣчьи* или пакихъ людей, о которыхъ онъ совсѣмъ ничего не знаетъ, и воздерживаться отъ *человѣколюбивыхъ* восклицаній, которыя могутъ воздѣлать его въ большія хлопоты. N. N.

Княгиница.

15 Сентября 1810.

2. О бѣдномъ семействѣ (*),

Назадъ пому болѣ двухъ мѣсяцовъ, одна почтенная особа поручила мнѣ описать къ вамъ м. г. объ одномъ бѣдномъ семействѣ. Частыя поѣздки и другія препяшствія не позволяли мнѣ выполнить сего порученія, и я боюсь, чтобъ не приписано было безлечности по, что было слѣдствіемъ непредвидимыхъ обстоятельствъ, спѣшу оправдать себя предъ почтеннымъ покровителемъ несчастнаго семейства, которое по истинѣ заслуживаетъ состраданія соотечественниковъ. Въ Киевѣ госпожа Бауршмицъ, вдова Люшеранскаго Пастора, которой послѣ смерти своей оставилъ ей нищету, пятерыхъ дѣтей, большіе долги и честное имя, на ходился въ совершенной крайности. Покорнѣе прошу васъ м. г. извѣстить публику о ея горестномъ положеніи. Ч а с т о благотворительный человекъ ищетъ страждущаго, не находить, и лишается числѣннаго изъ удовольствій, сдѣлать доброе дѣло. Я радуюсь, что могъ подать случай къ совершенію онаго. Можно письма адресовать въ Киевъ на имя вдовы Бауршмицъ. Честъ имѣю быть и проч. Б.

3. О представленіи Ханжеева (**).

Не могу сокрыть передъ вами, сколь я былъ вчера удивленъ и пораженъ. Не понимаю, какъ могло такое чудо случиться въ на-

(*) Сіе письмо получено отъ особы намъ весьма извѣстной. *Изд.*

(**) Сіе письмо должно бы помѣщено быть въ 2ой книжкѣ В. Европы, Но мы получили

шемъ просвѣщенномъ вѣкѣ. Читаю въ афишахъ, что будутъ давать *Han-jessy*, переводъ въ стихахъ Мольерова Тартюфа; спѣшу въ театръ и полагаю, что какъ бы переводъ ни былъ дуренъ, пѣса такъ хороша, что ее испорчить нѣтъ возможности. Чѣмъ же нахожу? и вы ни слова не говорите? и публика спокойно пребываетъ? Нахожу, что половина комедіи переведена стихами, а другая половина самую дурною прозою. Какъ переводчикъ сей могъ быть столь дерзокъ, чтобъ позволилъ себѣ такую вольность? Вы можете быть не повѣрите; но я вамъ божуся, что, выключая ролей г-жѣ Лобановыхъ и Лисицыной, г-дѣ Злова, Колпакова и Украсова, всѣ прочія писаны не стихами. Не могу ничего сказать объ роли г-на Черкасова, потому что въ столь короткое время не было возможности ему выучить ее; но мнѣ сказывали, будто и въ первый разъ, когда г-нъ Мочаловъ ее игралъ, примѣтили также, что роль сія писана не стихами, но самую дурною прозою. Вчера же, особливо все то, что говорила г-жа Воробьева, было почти вовсе безъ словъ, безъ рифмъ и безъ просодіи. Ещежь скажу вамъ, что только въ роляхъ г-на Злова и Колпакова я замѣтилъ, что это былъ переводъ изъ Мольера. Мнѣ Французская пѣса очень извѣстна. Но роль Ельмиры игранная г-жею Воробьевою, переводчикомъ совсѣмъ испорчена. Въ оригиналѣ сія Ельмира женщина умная, тонкая и живущая всегда въ самомъ лучшемъ обществѣ; но переводчикъ сдѣлалъ изъ нее бѣ-

его поздно, и теперь сообщаемъ оное читателямъ, не принимая никакого участія въ мнѣніи г-на сочинителя. *И т. д.*

глянку изъ какой - нибудь Нѣмецкой драмы , кошорая кричитъ голосомъ надушимъ и ненатуральнымъ , и что всего болѣе разрываетъ меня , кричитъ не стихами , а самую дурную прозою . Сю - то комедію называють переводомъ въ стихахъ Мольерова Тарпюфа ! Сколь жалки для меня бѣдные актеры , принужденные играть такіе переводы ; одного ешого довольно , чтобъ опинимать у нихъ охоту шрудиться ! Какъ это распространяетъ дурной вкусъ и невѣжесиво ! Я въ себя отъ бѣшенства : бѣгу сей часъ къ книгопродавцу , покупаю *Ханжеева* , и ни одного слова не оставаю безъ крипики . Честъ имѣю бышь и проч .

Н. Н.

Москва .

Октября 13 го дня

1810 года .

Московскія записки .

Октября 16 и 23 . Днѣпровской Русалки Ч . 1 и 2 . И такъ Русалка долго еще будетъ любимую оперою ! Надобно думать , что она писана подѣ счастливою планешою . Воиъ такъ - то говоряиъ и обѣ людяхъ : не родись ни пригожь ни уменъ , а родись счастливъ ! Жаль , очень жаль , что своенравная форшуна во всѣ дѣла мѣшаеяся , и беретъ даже власиъ надѣ хорошимъ вкусомъ въ изящныхъ искусствахъ и въ словесности .

Ахъ ! не все намъ рѣки слезныя
Лишь о бѣдствіяхъ существенныхъ !
На минушу позабудемся
Въ чародѣйствіяхъ красныхъ вымысловъ !

мовшоряетъ г. переводчикъ Русалки передъ началомъ 1 Части. Нѣтъ сомнѣнія, что *красивые* вымыслы доставляютъ пріятнѣйшее удовольствіе воображенію нашему въ праздное время. Однакожъ есть разница между вымыслами *красивыми* и вздорными; есть разница между тѣмъ что можешь забавлять людей хорошо воспитанныхъ и благомыслящихъ, и тѣмъ что приносишь удовольствіе черни грубой и непросвѣщенной. Человѣкъ, принадлежащій къ послѣднему сонму, ослѣпляется великолѣпьемъ, превращеніями, полупахабными оспрошами; но принадлежащій къ немногочисленному обществу первыхъ ищетъ правильности, порядка, здраваго разума и въ самыхъ даже вымыслахъ. Такъ на примѣръ для представленія вымышленнаго дѣйствія, взятаго изъ Греческой мифологіи, онъ гошовъ *на минуту позабыться* и вѣришь пому, чему вѣрили древніе Греки; но за то уже онъ требуетъ, чтобы отъ начала до конца не было ничего противнаго исторической истинѣ, правдоподобію и вѣроятности. Дафна, Аполлономъ преслѣдуемая, передъ глазами зрителя превращается въ лавровое дерево; крылатой пегасъ ударомъ копыла своего испочаетъ Иппокрену: все сіе на ту пору не кажется ему невозможнымъ. Но снѣ вознегодовалъ бы, когдабъ Греки, современники Церикла, говорили о завоеваніяхъ Юлія Цезаря, или когдабъ Римляне божились именемъ Скандинавскаго Одина; онъ негодуешь, когда показываютъ ему рыцарскія обыкновенія между Славянами того времени, въ кошорое совсѣмъ еще не могло быть рыцарства на свѣтѣ, ибо князей Славомысла и Видоспана предполагавъ надобно за нѣсколько вѣковъ прежде Рурика; онъ негодуешь, видя что

Гарабаръ боишся *сатаны*, которой для Славянина язычника не могъ бытъ спрашенъ.

Октября 25. *Коварство и любовь, Шиллерова Трагедія, переведенная г-мъ Смирновымъ.* Сія трагедія съ перваго представленія понравилась здѣшней публикѣ, и ее, по всей вѣроятности, оченъ долго еще будутъ смотрѣть съ большимъ удовольствіемъ. Шиллеръ преискусной сочинитель. Онъ умѣетъ выставлятъ на театрѣ почтенными и такими людьми, къ которымъ неимѣютъ почтенія въ обществѣ; и на оборотѣ заставляетъ ненавидѣть такихъ людей, которыхъ уважать должно; а иногда приводитъ зрителей въ такое состояніе, что они и сами не знаютъ, на что рѣшились. Лади Мильфортъ, пріятельница сладострастнаго и жестокосердаго Князя, котораго она нелюбя собираетъ, есть настоящій образчикъ высокой добродѣтели. Благомыслящій и честной Фердинандъ, герой трагедіи, вынимаетъ противъ своего отца шпагу, грозитъ обнаружить всѣ его бездѣльничества, отправляетъ ядомъ свою любовницу и самъ умираетъ отъ яду же. Баронъ фонъ Валтеръ, министръ и любимецъ владѣтельнаго Князя, говоритъ своему сыну: „Фердинандъ! для кого я такимъ проискамъ проложилъ себѣ дорогу къ сердцу государеву, навсегда поссорился съ Богомъ и своею совѣстію? Я говорю съ своимъ сыномъ. Для кого гибелью своего предшественника достигъ мѣсто въ министерствѣ?“ Съ Вурмомъ, секретаремъ своимъ, человекомъ подлѣйшимъ и самымъ бездушнымъ, онъ разговариваетъ весьма опроверженно о своихъ злодѣяніяхъ. Какъ можно представлятъ себѣ въ умѣ, чтобы человекъ

любимый государемъ, живущій въ большомъ свѣтѣ, имѣющій свои связи, сказалъ о себѣ въ слухъ, что онъ бездѣльникъ и злодѣй? Скупой называетъ себя бережливымъ, ибо онъ знаетъ, что скупость порокъ; распотчелъ хвастаетъ слышь щедрымъ, ибо щедрость похваляется, а мотовство никогда; жестокосердый закрываетъ звѣрство свое правдолюбиемъ, ибо извѣстно ему, что жестокостію столько же всѣ гнушаются, сколько любятъ справедливость. — Ни у какого актера не найдется довольно искусства, чтобы можно было незнаніе словъ утаить отъ зрителей. Г. Мочаловъ, котораго нѣкогда сцены игралъ хорошо, могъ бы еще лучше играть отъ начала до конца роль свою, ежели бы позаботился противрѣчить слова. Онъ по нуждѣ протягивалъ рѣчи и оспанавливался; и нѣкогда зрителямъ показалась игра г-на Мочалова удивительною! Очень жаль, ежели г. Мочаловъ соблазнился ничтожнымъ симъ ободреніемъ, и ежели думаетъ, что вызовомъ на сцену отдана ему справедливость, тогда какъ г. Зловъ, котораго игралъ Барона со всевозможнымъ искусствомъ, вовсе не былъ вызванъ. Примѣръ сей можетъ служить доказательствомъ, что рукоплесканія и вызовы актеръ долженъ принимать не безъ разборчивости, и не всегда почитать ихъ справедливою наградою. Г. Зловъ конечно имѣетъ дарованіе для разныхъ характеровъ; но судя по прекрасной игрѣ его въ *Коварствѣ и любви* и въ *Железной маскѣ*, можно думать, что лицо коварнаго и самолюбиваго вельможи принадлежитъ ему исключительно. Г. Колпаковъ и г-жа Воробьева были также вызваны. По мнѣнію нѣкогда знаменитѣйшая послѣдняя, пришедши къ Лади Мильфоршъ,

не довольно показала въ себѣ той благородной гордости, которую имѣшь ей надлежало въ присутствіи пышной Англичанки. Въ прочемъ, г-жа Воробьева, какъ извѣстно, доставляемъ публикѣ много удовольствія своею, во многихъ случаяхъ прекрасною игрою. Т.

V. ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе заграничныхъ произшествій.

Въ слѣдствіе недавно изданнаго Императорскаго указа обратно отбираются всѣ розданные купеческимъ кораблямъ позволишельные виды вывозить хлѣбъ изъ Франціи. Вывозъ сего произведенія запрещенъ спрожайшимъ образомъ. Другимъ указомъ повелѣно всѣхъ священниковъ Римскаго и Тразименскаго департаментовъ, опрекшихся отъ присяги въ вѣрности Императору и пѣхъ, кои впредь budou отъ оной отпрекаться, почитать пропивниками свѣтской власти и неспособными къ отправленію священнической должности. — Императорскій Австрійскій Министръ иностранныхъ дѣлъ Графъ Метшперникъ отправился изъ Парижа въ Вѣну. — Съ 25 числа Сентября Дворъ имѣеть пребываніе въ Фоншенбло.

И с л а н і я.

Корпусъ Аррагонской арміи, предводительствуемый Генераломъ Сюшетомъ, соединился съ корпусомъ Капалонской арміи. Надъ ними принялъ главное начальство Маршалъ Макдональдъ, Дюкъ Тарентяскій. Главная квартира его находилась въ Леридѣ. Онъ приказалъ начать осаду Торшозы.

Неаполитанское Королевство.

Сентября 5 опять происходило сраженіе подѣ Сциллы между Неаполитанскою и Англискою флотиліями, два часа продолжавшееся. На другой день оно возобновлено было съ чрезвычайною жестокостію. Двѣсти мѣдныхъ орудій цѣлый два часа непрерывно гремѣли съ обѣихъ сторонъ, въ разстояніи одна отъ другой на каршечной выстрѣль. Непріятельская флотилія принуждена была уступить мѣсто сраженія и съ потерянностію удалилась въ Мессинскую гавань. Англиской флотіи отступилъ въ великомъ безпорядкѣ. — Изъ лагера при Палѣ увѣдомляють, что отпущенные для рекогносцированія 25 гранадеровъ, сдѣлали высадку въ южной части города Мессины, и пѣмъ весьма испугали непріятели. Числа Неаполитанцы опять одержали верхъ надъ Англискимъ флотомъ и принудили непріятеля отступить съ урономъ.

А в с т р і я.

Герцогъ Виртембергскій назначенъ главнокомандующимъ Генераломъ въ Австріи и въ городъ Вѣнѣ. — Всѣмъ находящимся въ Австрійской службѣ военнымъ чиновникамъ и служителямъ какъ изъ природныхъ Францу-

зовѣ, такъ и родившихся въ усилупленныхъ Австрію обласняхъ, вѣлно возврапиться въ свое отечество. — Септября 29 за 100 Вѣнскихъ гульденовъ въ монетѣ плашили 510 гульденовъ банковыми ассигнаціями. Причина споль низкаго курса состоишь въ томъ, что правительство рѣшилось продать духовныя имѣнія и монастыри за наличныя деньги. — Ихъ Величества Императоръ и Императрица отправились изъ Вѣны въ Спирію и Каринтію. Септября 30 они находились въ Грецѣ.

Ш в е ц і я .

Прибывшій 22 Септября въ Оребро изъ Парижа Генералъ Графъ Розенъ вручилъ Королю письмо отъ Императора Наполеона, который извѣяляетъ согласіе свое на избраніе Князя Понше-Корво въ Наслѣдники Шведскаго престолоа. Князь Понше - Корво также прислалъ отъ себя письмо, въ которомъ чувствительно благодарить Короля и народъ, и общаешъ заслужить благоволеніе перваго и устройшь будущее благополучіе послѣдняго. — Послѣ того на претій день Е. В. Король въ данномъ приказѣ объявилъ, что Наслѣдный Принцъ Понше - Корво 21 числа минувшаго Августа пожалованъ Кавалеромъ орденовъ Серафима, Меча и Сѣверной звѣзды. Въ Стокгольмѣ пригешаются съ великою поспѣшностію комнаты для Наслѣднаго Принца и его фамиліи.

(Изъ Гамб. Корресп.)

Политическія извѣстія.

Вестфальское Королевство, послѣ присоединенія къ нему Ганноверской области, нынѣ содержитъ въ себѣ жителей съ лишкомъ полпретсѣя милліона.

Во Французскомъ Монистерѣ, подѣ спашь-ею изъ Спокгольма опѣ 1 Сентября, помѣщенъ избирапельный актѣ о Принцѣ Понте-Корво. Въ немъ именно упоминается, что сей Принцѣ до прибытія своего въ Шведское Королевство долженъ принять Евангелическо-Люшеранское исповѣданіе.

Сирѣ Артурѣ Веллеслей, начальствующій нынѣ надѣ Англійскимъ войскомъ въ Португалліи, естѣ претій сынѣ Графа Морнингтона. Поучившись въ Епонскомъ инспишуиѣ близъ Лондона, онѣ образовалъ себя для военной службы во Франціи, въ военной академіи города Анжера. Еще въ молодыхъ лѣтахъ вступилъ онѣ въ Англійскую службу Поручикомъ. Въ 1794 году имѣлъ случай опмичинься въ Голландіи, сдѣлавъ очень искусное опспуиленіе съ своею бригадою. Главные подвиги свои оказалъ онѣ въ Оспѣ-Индіи, куда опсправился вмѣстѣ съ брапомъ своимъ шамошнимъ Генералъ-Губернаторомъ. При завоеваніи Серингапашана, значенишой споліцы Типпо Саиба, въ 1799 году онѣ имѣлъ великое учаспіе, будучи Подполковникомъ; въ 1802 году, имѣя Генералъ-Майорской чинѣ, съ малымъ числомъ войска одержалъ славную побѣду надѣ Мараштами и принудилъ непріятельскихъ начальниковъ къ заключенію выгоднаго для себя мира. Во всѣхъ Оспѣ-Индскихъ походахъ онѣ опмичался быспрокою. По обратномъ прибытіи въ Англію,

поручено ему дѣйствовать въ Португалліи, гдѣ имѣлъ онъ успѣхъ прошивъ Дюка Абраншскаго, и принудилъ сего полководца къ отступленію. Однакожь выгодная для Французовъ капитуляція заключена не имѣ, но послѣ прибывшимъ главнокомандующимъ Генераломъ Дальримпломъ. Въ минувшемъ году подв. его начальствомъ происходило сраженіе при Телаверѣ, за которое получилъ онъ титулъ Лорда Веллингтона, Маркиза Телаверскаго; ибо Англичане присвоиваютъ себѣ побѣду.

Городъ Офенъ, или Буда, недавно претерпѣвшій ужасное разореніе отъ пожара, нѣкогда былъ столицей Королей Венгерскихъ, а нынѣ въ немъ находится правительство. Сей укрѣпленный, обширный и прекрасный городъ стоить на каменистой горѣ при Дунаѣ. Послѣ прежнихъ военныхъ опустошеній онъ мало по малу приходилъ въ цвѣтущее состояніе, и теперь содержитъ въ себѣ 30,000 жителей. Подлѣ него на горѣ возвышается укрѣпленной замокъ съ обсерваторією. Въ предмѣстіи Райценшпадтѣ живутъ большею частію Райцы или Сербы, и имѣютъ пребываніе свое два Епископа, Греческій и Уніатскій. Офенъ славится дынями и виномъ, которое неуступаетъ Бургонскому. Въ 1635 и 1723 годахъ онъ былъ почти совсѣмъ истребленъ пожарами. Значительной городъ Пестъ соединяется съ Офеномъ посредствомъ моста.

Въ Англійскихъ вѣдомостяхъ пишутъ, что съ 15 Іюля по 7 Августа прошло черезъ Байонну въ Испанію 26,000 человекъ отборнаго Французскаго войска.

Увѣдомляюшъ, что Валлисъ и Граубинденъ вступяиъ въ шбснбйшую связь со Франціею.

По кончинѣ Прусской Королевы при Англійскомъ дворѣ наложенъ шрауръ на одинъ мѣсяць.

Въ Мароккомъ государствѣ, по повелѣнію Императора, сдѣлано исчисленіе жителей, и оказалось 14,886,600 челоѣкъ. Изъ нихъ 900,000 живущъ въ городахъ; 10,300,000 въ собственно такъ называемомъ Марокко; 650,000 въ Тафилетѣ, и 3,000,000 въ пустыняхъ. Въ городѣ Марокко счисляется 270,000, а въ Фецѣ 380,000 жителей.

Въ *Журналѣ Имперіи* сказано подъ епашьею изъ Константинополя, что Англичане вовсе не имѣютъ союза съ Турками; что всѣ извѣстія объ оказываемыхъ будпо бы первыми послѣднимъ вспоможеніяхъ выдуманы, и что Англичане напрошивъ шого побуждали Египетскихъ Беевъ и Бассорскаго Губернатора къ возмущенію противу Порты, ибо они опасались, чтобы Каирскій Паша не выставилъ флота на Черномъ морѣ.

(Изъ Рижск. Зрил.)

29 Октябръ.

У в ѣ д о м л е н і е.

А. Я. Пошцкій увѣдомилъ Издашелей В. Е., что при письмѣ изъ Калуги 7 Октября отъ Л...а И...ва получилъ онъ *сто* рублей, которые и отдалъ бѣдной вдовѣ Майоршѣ А. К. Рейховой (см. Вѣсп. Евр. 1810. N 16, стр. 329), по желанію благотворителя.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

№ 22. НОЯБРЬ 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

У л е й.

(Разговоръ о бытїи Бога.)

„Но, государь мой — спросилъ молодой Берпгеймъ у Аббата Леграна, Французскаго оспроумца, ревностнаго защитника апейстовъ, — чемъ замѣните вы по понятїю о Богѣ, которое уничтожишь во мнѣ спараетесь? Я вижу и собтвенную и всѣхъ окружающихъ меня вещей зависимость; разсудокъ повелѣваетъ мнѣ искать первоначальной всему причины.“

— Вашъ разсудокъ прудился напрасно; вы никогда не найдете ешой мечтательной причины!

„Позвольте нѣсколько усумниться. Развѣ я не нашелъ ее въ понятїи моемъ о Богѣ?“

— Какой романъ! причина вещественнаго въ понятіи опвлеченномъ! Источникъ сущестственности въ имени, въ звукъ: я начинаю думать, что вы хотише понимать вещи посредствомъ непонятнаго, и просвѣщашь себя однимъ только мракомъ.

„Если въ самомъ дѣлѣ ваши слова заключающь въ себѣ какую нибудь основательную мысль“

— Теперь только возпавалъ я противъ словъ, не заключающихъ въ себѣ никакой мысли!

„Возмише же на себя трудъ указать мнѣ прямую дорогу; откройше мнѣ источникъ премудрости, въ которомъ почерпнули вы такое вѣрное знаніе. По-вторяю: разсудокъ величъ мнѣ искать первоначальной причины, ибо онъ почиташь ее необходимою. Но причину, обрѣ-щенную мною въ понятіи о Богѣ, именуете вы романомъ, мечпою, безразсудностію, ничтожествомъ! Смѣю надѣяться, что вы имѣете въ запасѣ нѣчто болѣе сущест-венное и слѣдственно болѣе удовлетворительное для разсудка.“

— Конечно имѣю! Единственное, первоначальное существо, признаваемое разсудкомъ просвѣщеннымъ; источникъ всего, что мы воображаемъ и видимъ, всего, что

небо и земля, прошедшее, наспоющее и будущее въ себѣ заключающѣ — —

„Конечно естѣ Богъ?“

— Романъ романъ, предрасудокъ младенческой! — Ешопъ испочникъ естѣ на шура!

„Такъ многіе разсуждающѣ и пишущѣ въ осьмомъ - надѣсящѣ вѣкѣ. Но я желалъ бы“

Имѣющѣ какое нибудь ясное понятіе объ епой напурѣ, хотѣлъ сказать Берштеймъ; но мудрый Логранъ позволилъ, уже дѣйствовать языку своему, а языкъ Француза имѣющѣ поворопливостѣ и словообиліе чудесное. И онъ продолжалъ вѣщивать: Я признаю, что всякая вещь должна имѣть свое основаніе — главная, коренная, неоприцаемая истина, изъ которой я извлекаю другую: что непременно должно существовать нѣчто необходимое, вѣчное, нѣчто такое, изъ чего и бытіе и образованіе каждаго существа само собою бы изпекало. Матерія и движеніе — въ нихъ обрѣщаю я епо вѣчное, необходимое. И господинъ Аббатъ весьма остроумно началъ доказывать, что все, обрѣщаемое нами въ мѣрѣ, какъ видимое, такъ и невидимое, произошло отъ матеріи и движенія; нипо весьма безрасудно предполагать воз-

возможнымъ такое существо, которое дѣй-
 ствовало бы собственною силою, ибо ни что
 не можетъ существовать и дѣйствовать
 само собою, но все заимствуетъ и силу
 свою и движеніе извнѣ, и что наконецъ ис-
 точникъ движенія, а потому и всѣхъ про-
 изшедшихъ отъ него вещей одна натура —
 а натуру объяснялъ онъ сліяніемъ той же
 самой матеріи съ движеніями разнообраз-
 ными; понятіе о существѣ, *производя-*
щемъ движеніе, о Богѣ/невидимомъ, имѣ-
 ющемъ качества непостижимыя, невообра-
 зимомъ, казалось ему смѣшнымъ и глупымъ;
 живыми красками описывалъ онъ ужасы
 фанатизма и суевѣрія: но онъ такъ часно
 возвращался на одну и ту же мысль, что
 господинъ Бершгеймъ потерялъ наконецъ
 всю охоту съ нимъ разсуждать, и думалъ
 единственно о томъ, какъ бы скорѣе изба-
 вить себя отъ упоминательнаго философа.
 Онъ далъ господину Аббату почувствовать,
 что не имѣетъ силы бороться съ высо-
 кимъ его умомъ, что изумленъ необычно-
 веннымъ даромъ господина Аббата выра-
 жаясь краснорѣчиво самыми опвлеченныя и
 глубокия мысли, и что наконецъ ему на-
 добно время, дабы понять и хорошенько
 обдумать все слышанное имъ отъ господи-
 на Аббата. И господинъ Аббатъ, который
 не могъ подумавъ, чтобы иронія была и
 Нѣмцамъ извѣстная риторическая фигура,

объявилъ молодому Берпгейму, что онъ сочтешъ за особенное удовольствіе разсуждать съ нимъ о философіи — епо. значило давать ему наставленія. Такимъ образомъ прекратилась высокопарная декламація объ атеизмѣ.

Сценою ешаго диспуша былъ Англійскій садъ, принадлежавшій Маркизъ дю Вальянъ, коропкой пріятельницѣ Аббата Леграна, который на всѣхъ ея ужинахъ блисталъ своимъ остроуміемъ. Маркиза была уже слишкомъ стара для любви, но еще слишкомъ молода для богомольства. Желая перейти со славою епошъ промежутковъ, она ударила въ мепифизину; шутя надъ религіею, она такъ сказала запасалась маперіалами для будущаго своего покаянія. Наружность молодаго Берпгейма ей нравилась; и сожалѣя, что внутренность его такъ мало соотвѣтствовала пріятности внѣшней, она усердно желала, чтобы остроумный Аббатъ Легранъ образовалъ его своею высокою мудростію.

Ученикъ и учитель, прогуливаясь по саду, пришли къ одному мѣсту, которое своею дикостію составляло пріятную противоположность съ упоминательными аллеями. Въ пѣвни прекрасной липовой роуци стояло нѣсколько ульевъ, убѣжище мирной

республики пчелъ, благоденствовавшей среди изобилія цвѣтшвъ и растѣнйй.

„Какъ привлекательно зрѣлище дѣятельности и жизни! сказалъ Берпгеймъ: для меня несравненно пріятнѣе смотрѣть на работу прилѣжной пчелы, нежели на эти пестрые, неодушевленные цвѣтшники, гдѣ замѣчаю одно только принужденіе и искусство! Здѣсь вижу запрошивъ свободу, порядокъ, спокойствіе!“

— А зрѣлище прилѣжанія и заботливости! Посмотрише, какое въ епомъ ульи движеніе: бѣгающъ, входящъ, выходящъ, шѣсняся, всѣ заняшы, нѣтъ ни минушы бездѣйствія.

„А цѣль епой неупомимой дѣятельности — согласишесь, что она превосходная! Произведеніе многочисленнаго потомства! образованіе маленькихъ будущихъ гражданъ!“

— Но епа цѣль не ешь ни единственная, ни главная.

„По крайней мѣрѣ принадлежащая къ главной. — Я знаю, что прилѣжные работники сѣи шрудяся для собственной и общей нужды; но попеченія чадолубія, гдѣ бы ни предспавляла ихъ мнѣ напура, все-

гда меня проганоуѣ , и самая презрѣнная шварь, являясь въ качествѣ нѣжной, заботливой мащери , кажется мнѣ существомъ любезнымъ, неприкосновеннымъ, святымъ!“

— Государь мой! вы говорите о мащеринской заботливости! Но развѣ неизвѣстно вамъ . . . ? Онъ остановился, внимательнo посмотрѣвъ на Бершгейма.

„Что неизвѣстно?“

Аббашъ опспунилъ на нѣсколько шаговъ въ неописанномъ удивленіи. Не вдругъ обнимаѣя глубокія, опвлеченныя испины — это еще казалось ему возможнымъ; ибо неоднократно уже испыталъ онъ, что мысли его, кощорыя онъ съ общимъ понятіемъ согласовать старался, были — непонимаемы. Не такого незнанія натуральной исторіи не могъ онъ предполагать даже и въ Бершгеймѣ. Какъ бы по ни было, Бершгеймъ, кощорый въ Нѣмецкихъ помѣщьяхъ своихъ имѣлъ богатые пчельники, узналъ опъ Аббаша Леграна, что маленькія насѣкомыя, кощорыхъ работою онъ любовался, не имѣли способности дѣспорожденія. Сначала такое несогласіе съ общими законами природы показалось ему невѣроятнымъ; но онъ принужденъ былъ повѣришь, когда господинъ Аббашъ сказалъ ему съ важнымъ видомъ училеля: клянусь вамъ честію, что это истинная правда!

„Признайшесь однако, любезной Аббатъ, что сказанное вами весьма удивительно. Не лзя же вообразить, чпобы мблнїя швари сїи родились вмѣстѣ съ мїромъ, и съ того самаго времени сущесшвующѣ! Но если онѣ лишены способности дѣпорожденїя. . . .“

— Продолжайте!

„То будетъ ли происхожденїе ихъ вамъ понятно? Какимъ же образомъ, скажите мнѣ, рождаются молодые рои, заступающїе мѣсто старыхъ?“

Аббатъ улыбнулся. Но развѣ думаете вы, господинъ Бершгеймъ, сказалъ онъ, что въ природѣ могутъ существовать только видимыя нами пчелы? и развѣ необходимо должны всѣ пчелы вылетать изъ улья, высасывать изъ цвѣтшвъ медъ и составлять сопы? Слушайте — и онъ величественно поднялъ правую руку — въ каждомъ изъ ешихъ ульевъ найдете вы пайную пчелу, маленькую царицу, окруженную сералемъ мужей; еша царица есть въ полномъ значенїи слова мать народа, есть божество, которое бышїемъ своимъ сохраняетъ и бышїе ешаго мблнкого мїра; которое въ гордомъ своемъ бездѣйствїи . . .

„Божество, господинъ Аббатъ?“ —

— О! господинъ Бершгеймъ, надѣюсь, что вы меня понимаете. Божество — говорю для одного сравненія — божество, царица, одно и то же; я хотѣлъ сказать, что еша пчела есть первое лицо въ республикѣ, ибо ею все держится; что безъ нее все бы могло придти въ неустройство и погибнуть.

„Теперь понимаю — но ваше описаніе пчелы - царицы невидимой, тайной (какъ вы ее называете), заставляя меня думать, что она оплична отъ всѣхъ другихъ пчелъ образованіемъ своимъ и натурою.“

— По крайней мѣрѣ замѣчено, что она ихъ болѣе, оплична отъ нихъ составомъ, образомъ жизни, инстинктомъ.

„Но ешо еще не даетъ мнѣ никакого обѣ ней понятія, и ваша пчела, скажу опроверженно, для меня еще не существуетъ.“

— Не существуетъ? А развѣ все то, о чемъ не имѣете яснаго, полнаго, чувственнаго понятія, почитаете вы не существующимъ! и развѣ по одно можетъ имѣть для васъ бытіе, что видѣли вы своими глазами, или могли ощупать своею рукою? Но пчелы существуютъ въ натурѣ — вы можете ихъ и видѣть и слышать, и даже почувствовать ихъ жало, если разсудите

раздражишь ихъ: слѣдовательно — если только не вздумаете утверждать, что эти насекомыя родятся изъ ничего — вамъ надобно будете согласиться со мною, что мапка ихъ существуетъ.

„А если захочу оприцать ваше мнѣнiе?“

— Оприцать! — и тогда оприцать, когда вы уверены будете, что эти пчелы-работницы лишены способности плодотворенiя?

„И тогда, государь мой! Эти способности совсѣмъ постороннее дѣло!“

— Постороннее дѣло? Признаюсь вамъ, я никогда бы не вообразилъ . . . и господинъ Аббашь громко засмѣялся. — Вы удивительно просподушны; скажите же ради Бога, какимъ образомъ понимаете вы происхожденiе пчелъ? Откуда, по мнѣнiю вашему, родятся молодые рои? Или опять прильпились вы къ своей гописической системѣ созданiя, и непонятная причина вещей опять поселилась въ головѣ вашей?

„О, господинъ Аббашь! — воскликнулъ Бершгеймъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ чувствительно пронутый — вы шутите; а я ожидалъ отъ васъ наставленiя! Не вы ли общались руководствовашь меня жь оп-

крышю истины. Но безъ сомнѣнiя хотѣли вы только пробудить мое оспроумiе; хотѣли узнать на опытъ, могу ли я съ помощiю шѣхъ положительныхъ правилъ, которыми вамъ угодно было мнѣ сообщить, проникнуть въ сокровенный смыслъ вашей загадки; и въ самомъ дѣлѣ — чемъ болѣе думаю, тѣмъ болѣе открываю здѣсь истиннаго, прекраснаго, высокаго !“

— А что это такое, смѣю спросить? —

„Мнѣнiе, согласованное съ вашимъ.“

— Право? Сердечно радуюсь — говорите !

„Но прежде, какъ человѣкъ неопытный въ искусствѣ мыслить, хочу я для избѣжанiя возможной ошибки еще разъ взглянуть на свой образецъ и повторить ваше нынѣшнее сужденiе съ начала до конца. Не утверждаете ли вы, какъ атеистъ просвѣщенный, умѣвший уничтожить всѣ предрасудки воспитанiя, что мысль о Божествѣ, невѣдомомъ, имѣющемъ качества недостижимыя, невообразимомъ, есть вовсе неосновательная, и что полагаешь такое Божество источникомъ, причиною творенiя смѣшно и безумно.“

— Ешо мое мнѣніе — но я желаю знать, какъ согласуете вы его съ вашимъ?

„Въ качествѣ основательнаго матеріаліста, котораго никакая мечта воображенія ослабить не можетъ, не полагаете ли вы, что нѣтъ и не можетъ быть такого существа, которое дѣйствовало бы само собою, и само себя опредѣляло, и что слѣдственно всякое дѣйствіе, всякое опредѣленіе извнѣ сообщающа.“

— Согласенъ; продолжайте.

„Не говорите ли вы, что каждое существо въ этомъ мірѣ, что самый епоть мірѣ произошли отъ движенія матеріи — а потому и не должны ли вы согласиться, что никакая вещь въ мірѣ не заключаешъ въ самой себѣ причины бытія своего и образованія?“

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь! но вы?

„Я продолжаю: если причина бытія и образованія вещи не въ ней самой заключаешся, то слѣдовательно всякая причина образованія и бытія, заключающаяся въ самой вещи, есть *ничто*. Одно и то же — но только другими словами выраженное.

— Согласенъ! Какое дѣло до выраженія!

„Иногда и выраженіе бываетъ весьма важно. Вы утверждаете, что натура есть

вѣчная, необходимая, единственная причина всякаго движенія, что она единая дѣйствуетъ, производитъ, творитъ, образуетъ? “

— Я утверждаю.

„Но еша напура, говорите вы, есть соединеніе, сумма, слѣяніе всѣхъ существъ и движеній, изъ коихъ ни одно само въ себѣ отдѣльно не заключаетъ причины бытія своего, а только въ обществѣ сославъ цѣлаго, слѣдственно въ пѣсномъ союзѣ съ цѣлымъ.“

— Согласенъ — но я не вижу вашей цѣли.

„Вотъ она, господинъ Аббатъ. Я желалъ только объяснить для самаго себя истину, на которой основываете вы свою систему: что *неимѣющее основанія отдѣльно* производитъ *основаніе въ цѣломъ*, что изъ безчисленнаго множества *недвижныхъ* сославляется въ цѣломъ *движеніе*, и что наконецъ *ничто*, если присоединить къ нему другое *ничто* (и еще *ничто*, и еще, и еще — наконецъ) производитъ *ничто*. Восруживъ себя епою аксіомою, смѣло приступаю къ рѣшенію моей задачи, и знаю напередъ, что епотъ Гордѣевъ узелъ будетъ развязанъ. Вотъ слѣдствіе мыслей моихъ: Я вижу ешихъ пчелъ; онѣ

для меня существующѣ, но имѣ не дана ошѣ природы способносѣ плодотворенїя ; и я , не сомнѣваясь въ бышїи каждой пчелы ошѣ дѣльно , поспигаю однако , что каждая изъ нихъ имѣетъ въ себя причину бышїя своего и образованїя . Но гдѣ же искашь мнѣ ешой причины ? Въ такой же пчелѣ какъ и онѣ ? Но пчелы , извѣстно уже намѣ , лишены плодотворящей силы ! Вы мнѣ укажете на пчелу - царицу ? Но гдѣ же она ? и какое могу имѣть понятїе о ея видѣ , составѣ , напурѣ ? Нѣтъ , господинѣ Аббашѣ ! вы сами сказали , что безразсудно искашь причины вещеспвеннаго въ имени , въ звукѣ , и я согласно съ вашею мыслїю изъ всѣхъ ешихъ пчелѣ , которыя и здѣсь и шамѣ и вездѣ работающѣ надѣ медомѣ , составляю понятїе обще : *вселенная пчель* ; сливаю ихъ частныя ошѣ дѣльныя силы плодотворенїя въ другую общую идею : природа пчелѣ . Конечно каждая изъ сихъ ошѣ дѣльныхъ плодотворящихъ способностей , разсмаприваемая особливо — есть ничто . Но мы уже знаемѣ , что наше *ничто* производитѣ въ суммѣ своей *нѣчто* ; слѣдовательно безчисленное множество невозможностей плодотворишь , соединенныхъ въ одно , даетѣ намѣ въ соединенїи своемѣ возмощность , и не одну возмощность , но самую силу плодотворенїя . Такѣ произведены , господинѣ Аббашѣ , всѣ зпѣ пчелы плодотворящую си

лою, изъ ничего происшедшею — другими словами: панъ образовалось существо, неимбующее ни въ самомъ себѣ, ни въ существвахъ ему подобныхъ, ни въ существвахъ ошъ него отличныхъ причины своего происхожденія. Видите ли наконецъ, что я поспигнулъ вашу мысль, что не имбю нужды въ вашей пчелѣ - царицѣ, и что наконецъ епо существо сокровенное, невидимое, мною непоспигаемое для насъ совсѣмъ бесполезно! — Но можетъ быть извясненіе мое кажется вамъ нѣсколько шемнымъ! Желаю знать“ —

— О господинъ Бершгеймъ! оно ясно! удивительно ясно! воскликнулъ Аббапъ, пожавши плечами съ принужденною улыбкою. Вы очень хорошо сдѣлаете, если поспѣшите сообщить его публикѣ! Такія мнѣнія благодѣтельны, ушѣщительны!

„Что вы говорите, господинъ Аббапъ?“

— Испину, господинъ Бершгеймъ! Берите перо, пишите. Вы сдѣлаете себѣ много чесни. — —

„Но еша чесць принадлежитъ единспвенно вамъ.“

Здѣсь кончился споръ. Они въ глубокомъ молчаніи возвратились въ замокъ. Скоро послѣ обѣда Бершгеймъ уѣхалъ; а

господинъ Аббатъ принялся описать Маркиза и ея обществу пошль разговоръ, кошорый имѣлъ онъ въ саду съ молодымъ Германскимъ мечпапелемъ ; но онъ описалъ его съ выгодной для себя спороны. Какое грубое невѣжество ! какая сумазбродная мысль ! обьяснять плодшвореніе какою-то суммою существъ, не имѣющихъ способности плодшворить. И общество очень долго забавлялось на счетъ несчастнаго Берштейма.

„Надобно однако признаться ; сказала наконецъ Маркиза , такое непонянное шу-поуміе можетъ родиться только за Рейномъ , въ Лапландіи , между Гипербореями, или Скиеами. Но мы , Французы , благодаря Богу, имѣемъ другія головы ! организація наша гораздо нѣжнѣе и пошве ! мы лучше другихъ народовъ умѣемъ смотрѣть на вещи и посшигаемъ ихъ несравненно скорѣе.

— Ешо правда , возникнуло нѣсколько голосовъ — и начался ужасный споръ о томъ, опъ чего происходитъ національная глуносшь : опъ климата, или опъ правленія ? Шумѣли, кричали, никто не рѣшилъ вопроса ; наконецъ всѣ развѣхались увѣренные, что бѣдный Берштеймъ, родившись за Рейномъ, не можетъ имѣть никакого ума , а развѣ иногда немного здраваго смысла.

Енгель.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Аполлонова шулка.

Езонъ да Федръ, и съ ними Лафоншенъ
Недавно жалобу вручили Аполлону :

„Мы (пишущъ) думали бышь чудомъ всѣхъ
времяхъ,

„Однакожь видимъ въ томъ препону!

„Явился Дмипріевъ... плѣнилъ собою свѣшъ,

„И нашу помрачаешъ славу!

„Помилуй насъ! не дай насмѣшникамъ въ за-
баву!“ —

Я накажу его (сказалъ имъ богъ въ отвѣшъ,
Не показавъ насмѣшливаго виду) —

И потѣчасъ упросилъ Фемиду,

Чтобъ Дмипріева взявъ она къ своимъ дѣламъ,
Велѣла бышь ему защитникомъ, покровомъ

Невинно спраждающимъ и сиропамъ,

И чшобы въ ешомъ званьи новомъ

Минушы для стиховъ не могъ оставишь онъ...
Исполнилось... но чшожь, что сдѣлалъ Апол-

лонъ?

Троихъ просителей отправилъ, успекеилъ,

И шѣмъ удвоилъ

Онъ Дмипріева блескъ вѣнца :

Мы зримъ поэта въ немъ, несчастные ошца!

О . . .

Изъ Вологды.

II. КРИТИКА.

*Радамисль и Зенобія, трагедія въ
ляли дѣйствіяхъ, въ стихахъ, со-
чиненіе Кребиллона. Перевель съ
Французскаго Спеланъ Вискаваловъ.*

Переводишь стихотворца можеть одинъ
только стихотворецъ. — „Какая премуд-
рость! воскликнетъ чинапель. Конечно жопи-
те вы намъ сказаетъ, что Родевъ концерпъ
можеть разыгрывать одинъ только пошъ,
кто уметь играть на скрипкѣ? Благода-
римъ за открьііе!“ — Государи мои! намъ
надобно обьяснить: Всякой скрипачъ
охотно согласенъ будетъ въ удовольствіе
ваше проскрипѣть на скрипкѣ своей Ро-
девъ концерпъ, если вы возьмете на себя
трудъ учить имъ образомъ уговорить его
на эпошъ подвигъ. Но я желаю знать,
будете ли вы слушать ешаго виртуоза съ
тѣмъ восхищеніемъ, которое производила
въ васъ Родева скрипка, одушевленная его
дарованіемъ. Чпобъ замѣнить для васъ
Роде, надобно, если не ошибаюсь, имѣть не
одни бѣглые пальцы его, но вмѣстѣ и его

душу. Переводя стихотворца, весьма полезно присоединить къ основательному понятію о рифмахъ богатыхъ и бѣдныхъ, о цезурѣ, о грамматикѣ, о помѣ языкѣ, съ кошорого переводить и еще о помѣ, на кошорой переводить, и дарованіе стихотворное — и чѣмъ оно ближе къ дарованію образца, тѣмъ лучше для подражателя; но я позволяю себѣ думать, что оно непременно должно быть съ нимъ одинаково. — „А что называете вы дарованіемъ стихотворнымъ?“ — Способность воображать и чувствовашь сильно, соединенную съ способностію находить въ языкѣ своемъ такія выраженія, кошорыя соотвѣтствовали бы тому, что чувствуешь и воображаешь! На примѣрѣ: Вамъ угодно обогатить Русской языкѣ превосходнымъ стихотвореніемъ иностраннымъ — трагедіею, баснею, одою, поемою. Прежде нежели вы рѣшитесь на ужасное и невозвратное чернилопролитіе — изповѣдайтесь передъ самимъ собою чистосердечно въ благодушномъ увѣреніи, что богъ Парнасскій васъ слышитъ, что предъ очами его никакая стихотворная совѣсть закрыта быть не можетъ; спросите у себя: чувствую ли я въ душѣ своей полнъ пламень, кошорымъ наполнена душа моего поэта, видимая въ его сочиненіи? Могу ли съ необыкновенною живостию со всѣхъ спорѣ, со всѣми оплѣтками, замѣшными для

одного только стихошворнаго взора, представляшь себѣ шопѣ предметѣ, который въ подлинникѣ моемъ изображенъ съ такимъ превосходствомъ? Чувствуешь, можешь, скажешь вамъ совѣсь. Спросите въ другой разъ, въ прешій — она повторитъ опѣвшѣ свой. Тогда прибавьте еще нѣсколько вопросовъ, менѣе важныхъ — однако важныхъ: знаю ли я грамматику? знакомъ ли съ хорями, ямбами и даже анапестами? имѣю ли разборчивое ухо, легко оскорбляемое скрипомъ и визгомъ проклятыхъ опѣ Аполлона словъ? врагъ ли я Сомбаспа? прошивна ли мнѣ галимашья, и прочее и прочее. И если ваша совѣсь опять не усумнишься сказать, что вы съ одной спорны имѣете всѣ вышеозначенныя добродѣтели грамматическiя, синтаксическiя и просодическiя, а съ другой совершенно чисты отъ всякаго поползновенiя на галимашью, бомбастъ и прочiе смершныя грѣхи стихошворцевъ — то вамъ останется только очинить перо, не пожалѣвъ чернилъ, и я увѣряю васъ, что всѣ папрѣшны, люди со вкусомъ, порадуются на вашего новорожденнаго младенца, и вамъ отъ всей души пожелаютъ прилѣжанiя и плодовиности. Скажу вамъ, если вы не знаете — но вы безъ сомнѣнiя уже ешо знаете — что переводчикъ стихошворца естѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ самъ шворецъ оригина-

нальный. Конечно первая мысль, на ко-
рой основано зданіе стихотворное, и планъ
эшаго зданія принадлежатъ не ему — и
надобно признахся, что планъ великое,
едва ли не главное дѣло, особливо въ эпи-
ческой поэмѣ, трагедіи, комедіи, ибо отъ
него зависитъ дѣйствіе цѣлаго — но усту-
пивъ епо почепное преимущесство ориги-
нальному автору, переводчикъ оспается
творцемъ *выраженія*, ибо для выраженія
имѣетъ онъ уже собственныя матеріалы,
которыя пользоваться долженъ самъ безъ
всякаго руководства и безъ всякаго посо-
бія посторонняго. — „А выраженія автор-
а оригинальнаго?“ Ихъ не найдетъ онъ
въ собственномъ своемъ языкѣ; ихъ дол-
женъ онъ сотворить. А сотворить ихъ
можетъ только тогда, когда, наполнив-
шись идеаломъ, представляющимъ ему
въ твореніи переводимаго имъ поэта, пре-
образитъ его такъ сказать въ созданіе
собственного воображенія; когда, руковод-
ствуемый авторомъ оригинальнымъ, повто-
ритъ съ начала до конца работу его генія —
но сія способность дѣйствовать одинаково
съ творческимъ геніемъ, не естъли сама по
себѣ уже творческая способность? Чшобъ
перевести искусно Лафонтеневу басню, необхо-
димо надобно имѣть и собственное обра-
женіе и собственное чувство одинакаго, или
почти одинакаго съ Лафонтеневыми. Пль-

нишѣ ли меня переводѣ Гораціева посланія, если переводчикѣ не, будещѣ одаренѣ любезнымѣ воображеніемѣ Римскаго поета, одушевляющимѣ самыя обыкновенныя мысли его, если не будещѣ ему знакома та привлекапельная философія, а въ сердцѣ его не будещѣ ни пошѣ меланхолической нѣжности, ни шого глубокаго чувствѣ напуры, кошорыми шоль часшо приводишѣ насѣ въ восхищеніе Горацій! Но ошѣ посланія и басни — какой переходѣ къ трагедіи! Переводчикѣ, обязанный прежде всего понимать своего автора, шогда шолько можещѣ понять его совершенно, когда человѣческая напура, служившая образѣмѣ для трагика, будещѣ и ему близко знакома, когда онѣ въ состояніи будещѣ сличишѣ сѣ подлинникомѣ списокѣ. Онѣ долженѣ говоришѣ языкомѣ спросей, слѣдовательно и самыя законы спросей должны бышѣ ему извѣстны. Кѣ изображенію спросей *трагическихъ* онѣ долженѣ бышѣ приговоренѣ разсмашриваніемѣ спросей *естественныхъ* — наука сія почти также нужна для него, какѣ и синтаксисѣ и просодія! Въ противномѣ случаѣ изображаемые имѣ герои, не смотря на пособіе оригинала, при всемѣ богатствѣ рифмѣ, при самомѣ усѣрдномѣ наблюденіи цезуры и знаковѣ препинанія будишѣ говоришѣ — безсмыслицу! Не думаю, чшобы ешо ушѣшно было для слушателей.

Открываю Русскій переводъ Радамиста и Зенобіи. Если вы не *варваръ*, если родили вы не позабыли научить васъ языку Дюпрео и Расина; но вы должны знать, что еша трагедія, сочиненная покойнымъ Кребиллономъ, есть лучшее произведеніе сею трагика и одна изъ самихъ лучшихъ между трагедіями Французовъ. Мы взглянемъ мимоходомъ на подлинникъ, дабы получить понятіе о помъ исполинскомъ подвигъ, на которъ опваживался господинъ переводчикъ.

Ему надлежало изобразить характеръ *Радамиста*, одно изъ тѣхъ необычайныхъ созданій природы, въ которомъ все поражаетъ, все сильно и все ужасно. Каждое желаніе его есть спросъ, и каждая спросъ — есть буря, и двѣ самыя разрушительныя въ немъ господствуютъ: любовь — какажъ любовь? спраданіе распаленной души, неуспокоемое никакою надеждою. Зенобіи для него уже нѣтъ! Въ ту самую мину, когда она представлялась ему существомъ восхищеннымъ, когда говорила ему нѣжнѣйшія слова любви, онъ умершилъ ее въ испуленіи ревности — но вошъ ужасный и неизяснимый законъ великой спроси: чувство невозвратимой утраты на вѣки привязало его къ пому незабвенному благу, которе для него погиб-

ло; грызеніе совѣспи, воспоминаніе, ненависть къ жизни, все было для него любовью; онъ обожалъ безмолвную тѣнь; пылалъ къ безчувственному праху; и съ эпою страстію соединялась въ душѣ его другая, ею произведенная, слѣдственно непобѣдимая — ненависть къ виновнику пресупленій его и бѣдствій. Но эпошъ виновникъ — его ошецъ! Напрасно вопіешъ иногда въ сердцѣ его голосъ природы. Надежда опмститъ замѣнила для него надежду насладиться любовью — два бога владычествуютъ его душею, Зенобія и мщеніе. И епа Зенобія жива: чудесная судьба привела ее ко двору Фаразмана, Радамиспова опца. Въ вѣстѣ съ другими увѣрена она въ гибели своего супруга; уже въ сердце ея начинаешъ вкрадываться нѣжная склонность къ брапу его великодушному, благородному Арзаму; но Фаразманъ, жестокій и ужасный, плѣнилъ ея красотою; онъ предлагаетъ ей руку — и въ эту минушу являешся при дворѣ его Радамистъ, влекомый жаждою мщенія, сокрытый подъ видомъ Неронова посла, никому неизвѣстный, ибо и самъ Фаразманъ оплучилъ его опѣ себя еще младенцемъ.

Надежало имѣшь дарованія великаго стихотворца, дабы созданы Радамисповѣ характеръ, и попомъ изобразить его съ соопвѣствующею ему силою. Почши такого же

дарованія прѣбывалось и ошѣ переводчика , дабы въ языкѣ своемъ найши выраженія , приличныя шѣмъ ужаснымъ спраснямъ , кошорыя буншуютъ въ душѣ Радамиспа : шакія спраспи сущъ необычайныя метеоры нравственнаго мѣра , необычайныя , однако основанныя на обыкновенныхъ законахъ его и ими объясняемыя . Но чшобы ихъ постигнушь и попомъ объяснить , надлежишѣ имѣшѣ воображеніе быспрое и взоръ дальновидный . И Кребильонъ имѣлъ ихъ — а переводчикъ его ? Увидимъ .

Гіеронъ , посланникъ Арменіи , встрѣчается съ Радамиспомъ (дѣйств. II. явл. I) — онъ узнаешѣ его ; ибо Радамистъ , убыновленный Мипридапомъ , Царемъ Арменіи , ошцемъ Зенобіи , съ самаго младенческаго жилъ при дворѣ сего государя . Какъ умерпвилъ онъ Мипридапа , и какъ наконецъ очушился посланникомъ при дворѣ Нерона Фаразманъ , о помѣ узнаешѣ изъ самой прагедіи . Ты ли ешо Радамистъ ? спрациваешѣ Гіеронъ . Тебя почищали мерпвымъ ! но шы живъ ? Какая счастливая судьба спасла тебя ошѣ погибели ?

И вопъ ошѣшѣ Кребильонова Радамиспа : —

Hieron, plutôt aux dieux, que la main ennemie,
Qui me ravit le sceptre, eût terminé ma vie!

Mais le ciel m' a laissé, pour prix de ma fureur,
 Des jours, qu' il a tiffu de tristesse et d' horreur.
 Loin de faire éclater ton zele ni ta joie,
 Pour un roi malheureux que le sort te renvoie,
 Ne me regarde plus, que comme un furieux,
 Trop digne du courroux des hommes et de dieux,
 Qu' a proscrit des longtems la vengeance céleste;
 De crimes, de remords assemblage funeste;
 Indigne de la vie et de ton amitié;
 Objet digne d' horreur, mais digne de pitié;
 Traître envers la nature, envers l' amour perfide,
 Usurpateur, ingrat, parjure, parricide —
 Sans les remords affreux, qui déchirent mon coeur,
 Hieron, j' oublierai qu' il est un ciel vengeur.

Вопль опившъ Русскаго Радамиста:

О! естли бы враги похипя мой вѣнецъ
 Моглибъ и смерть мѣ дашь мученіямъ ко-
 нецъ?

Но, Геронъ, судьбы, карая злодѣянье,
 Продлили жизнь мою — въ позоръ мнѣ, въ
 наказанье!

Злощаснаго Царя теперь ты зря въ живыхъ
 Не радуйся, восплачь о бѣдствіяхъ моихъ.
 Узри во мнѣ предмешъ, доспойный грозна
 мщенья

И смертныхъ и боговъ. — Соборъ зри пре-
 ступленья,

Раскаянія, мукъ . . . ужаснѣйшій соборъ!
 Не смѣю обращать ко небесамъ мой взоръ.
 Преступникъ я любви, злодѣи моей породы;
 Убийца — хищникъ я — спрашилище природы!
 И естлибъ муки мнѣ преспали духъ поминь,
 Что боги мстятъ за зло! — и шобъ я могъ
 забыть.

Одна эта сцена можетъ увѣрить васъ,
 что переводчикъ совсѣмъ не вошелъ въ Ра-

дамистовъ характеръ. Судите сами: Русскій Радамистъ начинаеиъ восклицаніемъ:

О! ешли бы враги, и проч.

Не думаю, чшобы такая живость была у мѣста въ началѣ. Свирѣпое оичаяніе Радамиса, глубокое, но не живое чувство еиъ нѣкопорымъ образомъ спокойствіе; онъ долженъ выдти изъ него не вдругъ — и первымъ его словамъ надлежало бы сообществовать такому ужасному состоянію духа. Перечитайте въ оригиналѣ отъ стиха

Hieron, plût aux dieux, que la main ennemie —
до стиха,

Ne me regarde plus que comme un furieux,
въ нихъ не найдете вы той быспропы, которая прилична сильному движенію сердца; они составляютъ одинъ періодъ, котораго члены всѣ очень тѣсно между собою связаны; хотя вы и увидите, что стихъ

Loin de faire éclater ton zele ni ta joie
отдѣленъ отъ предыдущаго — но онъ соединяется съ нимъ умственной связью. И читая эти стихи, не чувствовали ли вы, что сильное волненіе сокрыто подъ щипною обманчивою; это волненіе совершенно обнаруживается на словѣ furieux, которое какъ будто даетъ свободу стѣсненной душѣ Радамиса; и слѣдующіе за оными стихи всѣ до одного быспры; каждой изъ нихъ отдѣльный, предвѣдущій усиливается по-

слѣдующимъ , и быспроша сїя съ самага конца возраспаешъ ; сначала каждое чувспво изображаешъ стихомъ полнымъ , потомъ спѣсняюпся они въ полуспишїя , наконецъ чпо слово , по чувспво :

Ufurpateur , ingrat , parjure , parricide —

И на послѣднемъ Радамиспъ оспанавливаешъ — ибо онъ не можешъ иди далѣе ; онъ прибавляешъ съ большимъ спокойспвіемъ :

Sans les remords affreux qui déchirent mon coeur,
Hieron, j'oublierais qu'il est un ciel vengeur.

Таково искусствво великаго прагика , полнога изображаемою имъ спраспїю ; онъ выражаешъ ее не одними словами , но вмѣспѣи расположенїемъ словъ. — Посмопримъ пеперь на искусствво нашего переводчика .

Напрасно въ стихахъ его будеше выискашь сего механизма , споль много соопвѣспспвующаго печенїю спраспи — быспропта оригинала совершенно исчезла въ переводѣ :

Но , Геронъ , судьбы , карая злодѣянье
Продлили жизнь мою — въ позоръ мнѣ , въ
наказанье !

Можно ли слабѣе перевести два стиха , необыкновенно сильные ?

Mais le ciel m'a lais   pour prix de ma fureur
Des jours, qu'il a tiss   de tristesse et d'horreur.

Небо *оставило* ему жизнь въ награду за его бѣшенство, а не *продлило* ее! Не забудьте, что передъ вами говоритъ Радамисъ, ненавидящій, презирающій жизнь свою. Епѣ презрѣннѣе приписываетъ онъ и самимъ богамъ. Они *оставили* ему жизнь — слѣдовательно *пренебрегли* ее; *продлить* ее было бы обратишь на нее вниманіе. Далѣе: что значатъ слова: *въ позоръ мнѣ, въ наказанье*, послѣ того, когда уже сказано выше: *карая злодѣянье?* и желаю знать, какимъ волшебствомъ очутился въ епомъ мѣстѣ *позоръ*? Для Радамиса нѣтъ *позора*; всѣ его несчастія въ немъ самомъ — опчаянный независимъ отъ мѣннн. Tristesse et horreur, горестъ и ужасъ, вотъ его мучители. И какъ прекрасно въ двухъ словахъ соединилъ Кребийонъ всѣ разнообразныя муки своего Радамиса, *горестъ*, въ душѣ его пылаетъ спрасть безнадежная, воспоминаніе о благѣ погибшемъ беспреспанно его преслѣдуетъ, желаніе разпалается въ немъ безнадежностію. *Ужасъ!* онъ убійца Зенобіи! и въ сердцѣ его свирѣпствуетъ неодолимая жажда мщенія, прошивъ котораго напрасно вооружается голосъ природы! — Слѣдующіе два стиха

Злощастнаго Царя теперь ты зря *въ жи-
выхъ,*

Не гадайся, *восплачь* о бѣдствіяхъ моихъ
имбюишь особенное свое достоинство — они

забавны, и Гіерону прудненько было бы послѣ пакихъ двухъ стиховъ восплакать.

Не смѣю обращать ко небесамъ мой взоръ! Испинный Радамисъ, по ешь Кребилюновъ, ешаго не говоришь, и говоришь не можешь; одинъ шотъ не смѣешь взирашь на небо, кому ужасны мспительные боги, — казнь была бы для Радамиса благомъ. Но въ предвидуемъ стихъ читаешь вы *ужаснѣйшій соборъ*, и пошчасъ догадываешься, что Русской Радамисъ для *собора* не смѣешь усремляшь на небо *взора!* Ешо дѣло другое; мы позволяемъ себѣ однако здѣсь замѣшишь, что Радамису, имѣющему пакія сильныя спраши, едва ли свойственны бышь покорнымъ слугою рифмы. Но увы! прочитавъ слѣдующіе два стиха, мы совершенно увѣримся, что грозная рифма повелѣваетъ имъ съ самовласціемъ воспочнаго деспота; что еша соперница Зенобіи можешь заспавишь его иногда говоришь и безсмыслицу:

Пресступникъ я любви, *злодѣй мойя породы!*
Убийца — хищникъ я — *страшилище при-*
роды!

Немилосердая! по крайней мѣрѣ въ первыхъ двухъ стихахъ Радамисъ, угождая прихотямъ ея, спрашился *глядѣль на небо* — ешо еще сносно. Теперь же, для шого что бы имѣшь удовольствіе преобразишь его въ какого-шо неизъяснимаго *злодѣя свой*

Намъ злата не даритъ... но воиновъ раждаетъ.
Изъ хладныхъ нѣдръ своихъ желѣзо намъ
даетъ.

Здѣсь алчности Римлянъ ни малой пищи нѣтъ.

И Русскіе стихи можешъ быть сами по себѣ недурны; но что же они въ сравненіи съ оригиналомъ? Я могу ошибиться — но эти девять стиховъ доказываютъ мнѣ, что переводчикъ не весьма силенъ въ живописи стихотворной; какъ могъ бы онъ въ прозивномъ случаѣ, превосходные стихи Кребилона,

La nature, marâtre en ces affreux climats
Ne produit au lieu d'or, que du fer, de soldats;
Son sein tout herissé n'offre aux desir de l'homme
Rien qui puisse tenter l'avarice de Rome;

въ которыхъ и самые звуки представляють воображенію нашему какую-то грозную, дикую природу, перевести слѣдующими слабыми, неживописными стихами:

Не мать природа намъ — она насъ не ласкаетъ!

Намъ злата не *даритъ* но воиновъ
раждаетъ.

Изъ хладныхъ нѣдръ своихъ желѣзо намъ
даетъ.

Здѣсь алчности Римлянъ ни малой пищи
нѣтъ.

Природу весьма позволено и въ стихахъ и въ прозѣ называть матерью; но представлять ее въ видѣ матери, которая *ласкаетъ*, или *не ласкаетъ* свое дѣтище, не будешъ ли

ли уже близко къ карриканпурѣ! Требуется перевести живописной стихъ:

La nature maratre en ces affreux climats!

Если бы переводчикъ сказалъ:

Природа мачиха въ ужасной сей странѣ, онъ перевелъ бы ближе, но также бы неудачно. Дѣло не въ томъ, чтобы каждое отдѣльное слово оригинала было изображено такимъ же отдѣльнымъ и поже значущимъ словомъ въ переводѣ — *maratre* мачиха, *affreux* ужасный: всѣ эти слова, съ нѣкоторымъ перифраземъ, весьма удачно найдешь въ лексиконѣ — но въ томъ, чтобы стихъ переведенный такоежъ производилъ на душѣ читателя впечатлѣннѣе въ дѣломъ, какъ и стихъ оригинальный; чтобы на примѣрѣ слова *maratre*, *affreux*, удивительно сильныя во Французскомъ, были если не переведены, то непременно замѣнены другими, имѣющими соотвѣтственную имъ силу въ Русскомъ — но такихъ словъ надобно искать не въ лексиконѣ, а въ воображеніи стихотворномъ, и вотъ одинъ изъ безчисленныхъ случаевъ, въ которыхъ переводчикъ необходимо долженъ быть самъ творцемъ оригинальнымъ.

Последнее замѣчаніе: Фаразманъ не зная, кто Радамистъ, умертвилъ его собственною своею рукою. Умирающаго Радамиста приносятъ въ чертоги царя. *За чель*

идешь сюда? всвѣщаетъ Фаразанъ,
 кошорый при всей жестокости характера
 своего чувствуетъ какое-то непонятное
 для него сожалѣнїе къ епой-жертвѣ. *Хочу*
умереть въ твоёмъ присутствїи, ош-
 вѣчаетъ Радамистъ Кребильонсвѣ,

. . . . je viens expirer à vos yeux.

Слова сїи чрезвычайно прогательны. Рада-
 миствѣ, кошорого некрїязвенная судьба ввер-
 гнула въ страшныя преступленїя, изпор-
 тивши извѣ границы сильныя страсти его,
 является здѣсь такимъ, каковъ онѣ соз-
 данъ Природою — чувствительнымъ, спо-
 собнымъ любить, и даже ивнѣнымъ. Умирая,
 онѣ хочетъ увидѣть въ убійцѣ своемъ ошца;
 онѣ хочетъ вкусить послѣднее наслажденїе
 любви, просивъ жестокому истребителю
 своего счастїи. Кребильонъ гамбрень былъ
 сдѣлашь въ нашихъ глазахъ любезнымъ шо-
 го Радамиста, кошорый за минушу ужа-
 салъ насъ своимъ характеромъ, и ему уда-
 лось; а переводчикъ? Русскїй Фаразанъ
 восклицаетъ:

О люлости моей злощастнѣйшая жертва!
 За чемъ ведутъ тебя? Чшо мнѣшъ найти
 ты здѣсь? . . .

Радамистъ

Смерть!

Хочу, чшобы ты могъ мою колчину зрѣшь!
 Новая и чрезвычайно обидная несправедли-
 вость рифмы! Она принудила переводчика

огромоздишь Фаразмановъ послѣдній стихъ изъ шестипи спопѣ съ половиною, и за епомъ прудъ заплашила ему очень скупо. убогимъ еловцемъ *зрѣль*, копорое совсѣмъ не можетъ быть рифмою къ *смерть*. Достойное возмездіе переводчику за собственную несправедливосъ его Радамиспу!

Что мнишь найши ты здѣсь? — Смерть!
Но онъ уже ее нашелъ — онъ ужираетъ!

Хочу, чтобы ты могъ мою кончину зрѣть!
и слѣдовательно *мучиться, видя кончину
твоего сына*. Такое ли чувство въ истинномъ Радамисѣ? и еша послѣдняя черта не служишь ли новымъ доказательствомъ, что переводчикъ совсѣмъ не вошелъ въ характеръ своего героя, и что онъ слѣдовательно не исполнилъ одного изъ главныхъ условій — переводчика-прагика.

Но время кончилось. Скажемъ, что въ епомъ переводѣ есть и нѣсколько сильныхъ стиховъ; но ихъ число весьма невелико. Замѣшимъ одинъ самый лучшій. Радамисъ, описывая Герону любовь свою къ мершвой Зенобіи, говоритъ:

Ко умноженью мукъ злосчастная любовь
Снѣдая сердце мнѣ, мою волнуя кровь,
Мнѣ невозвратную потерю представляла —
Ко праху хладному душа моя пылала!

Послѣдній стихъ удивительно счастливъ и выразишеленъ; и не смотря на епомъ

прекрасный стихъ, мы должны признашья, что Кребильоновъ Радемиснъ ожидаетъ еще искуснаго Переводчика. Ж.

Полерянный Рай, поэма Гоанна Мильтона; новый переводъ съ Ангелійскаго подлинника, Часть I, II и III.

(Окончаніе.)

Ариспощель полагаетъ величіе не только въ важности главнаго дѣйсвія, но и въ соразмѣрномъ продолженіи онаго. Сію соразмѣрность извясняетъ онъ слѣдующимъ уподобленіемъ: Самое малое насекомое не можетъ казаться совершеннымъ взору человѣческому, потому что объемля цѣлое, онъ невидитъ каждой части особенно; и напротивъ, — разсматривая огромное живошное, проспирающеея въ длину на нѣсколько тысячъ стадій, глазъ едва объемлетъ одну только часть онаго, и не даетъ понятія о цѣломъ живошномъ. Равнымъ образомъ очень малое дѣйсвіе, такъ сказать, могло бы затеряться въ памяти, а слишкомъ большее неумѣстилось бы въ оной. Гомеръ и Виргилій показали удивительное искусство въ семъ отношеніи: главныя дѣйсвія въ *Илладѣ* и въ *Енеидѣ*,

сами по себѣ очень хорошия, такъ хорошо распространены эпизодами и пѣишическими украшеніями, что каждое представляется пріятною повѣстію, доспапочною для наполненія памяти, необременяюною излишнимъ продолженіемъ. У Мильмона главное дѣйствіе также обогащено разнообразными прикрасами; поему его читать можно съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и масперское описаніе какого-нибудь извѣснаго произшествія. Очень вѣроятно, что преданія, изъ коихъ составлены Иліада и Енеида, заключали въ себѣ гораздо болѣе подробностей, нежели *паденіе челоѵка*, описанное въ священныхъ книгахъ. Сверхъ того какъ Гомеръ такъ и Виргилій имѣли возможность, каждой по своему произволу, къ истинѣ прибавлять пѣишическіе вымыслы, неоскорбляя религіи своихъ соотечественниковъ. Мильмонъ же при немногихъ подробностяхъ, служащихъ къ составленію Пошерянаго Рая, долженъ былъ наблюдать крайнюю осторожность въ прибавленіи своихъ собственныхъ вымысловъ. Будучи такъ спѣсеннымъ, онъ умѣлъ наполнить поему свою чудесными произшествіями, коихъ ни мало непротивно Священному писанію и ни для какаго набожнаго читателя неоскорбительны.

По разнымъ предположеніямъ и догадкамъ, кристики вычислили продолженіе вре-

мени въ главномъ дѣйствіи какъ Иліады, такъ и Енеиды. Большая часпъ Мильпоновой исторіи происходишь за предѣлами нашего міра; и попому нѣшь возможности удовлетворишь чашапеля подобнымъ вычисленіемъ.

Послѣ главнаго дѣйствія по Аристотелеву порядку обыкновенно разсмашириваюшь такъ называемые нравы, или, говоря по нынѣшнему, характеры. Гомеръ превосходишь всѣхъ героическихъ поешовъ множествомъ и разнообразіемъ описанныхъ имъ характеровъ. Каждой изъ боговъ, дѣйствующихъ въ поемѣ его, особеннымъ чѣмъ-нибудь опличаешся; изъ всѣхъ царей ни одинъ непоходишь на другаго, такъ что и въ самой храбрости наблюдаена приличная каждому лицу постепенность. Виргилій, подражая Гомеру, немогъ сравнишья съ нимъ ни въ разнообразіи, ни въ новостии характеровъ. У Мильпона весь родъ челоѳческой состоишь изъ двухъ прародителей; и въ сихъ двухъ лицахъ мы видимъ чешыре различные характера: видимъ мужа и жену сперва въ состояніи невинности и совершенства, а потомъ униженныхъ и бѣдствующихъ. Послѣдніе характеры очень обыкновенны; но первыхъ двухъ не находимъ ни у Гомера, ни у Виргилія. Можешь бышь за недосмашкомъ ха-

ракперовъ Мильшонъ принужденъ былъ одушевить *Грѣхъ* и *Смерть* и дать имъ мѣсто въ своей поэмѣ. Сцѣпана, предводитель надшихъ ангеловъ, представляетъ здѣсь такое важное лицо, что нѣкоторые криптики, разумеется для шутки, назвали его героемъ поэмы. Урїилъ, Гаврїилъ, Михаилъ, Рафаилъ представлены въ разныхъ положенїяхъ, и каждой изъ нихъ оплеченъ особеннымъ характеромъ.

У Гомера и Виргилїя главные лица имѣютъ близкое отношенїе къ шѣмъ народамъ, для коихъ писаны ихъ поэмы. Ахиллесъ былъ Грекъ: Еней былъ родоначальникъ Римлянъ: слѣдственно Греки не могли чинить Ахиллесовыхъ похищенїй, не принимая въ нихъ участїя; равнымъ образомъ Римляне должны были столько же веселиться побѣдами, Енеемъ одержанными, сколько печалиться объ его злоключенїяхъ. Для насъ очарованїе сїе несуществуетъ: никакія связи не соединяютъ насъ съ баснословными героями Греціи и Рима. Напропивъ того Мильшонови главные лица близки нашему сердцу; они прародители наши, и счастїе наше зависѣло отъ ихъ поведенїя.

Многіе криптики, отдавая въ прочемъ всю справедливостъ выпренимъ красочамъ

Поперяннаго Рая, находящѣ въ немѣ отвращительныя погрѣшности. Они немогутъ понять, какая нужда заставила Сатану построишь среди ада большую храмину со столпами дорическаго чина, увѣнчанными гордымъ архиправомъ, и для чего огромные дѣволы превратились въ пигмеевъ, чтобы умѣвшихся въ новопостроенной храминѣ, тогда какъ они могли бы разсуждать о дѣлахъ своихъ на просторѣ. Не менѣе странно читать описаніе побоища между добрыми и злыми ангелами, гдѣ послѣдніе употребляютъ изобрѣтенныя ими ужасной величины пушки, а первые бросаютъ цѣлыя горы на своихъ непріятелей, и заваливаютъ ими сатанинскую артиллерію. Сюда принадлежатъ: превращеніе Сатаны въ ворона и въ жабу, аллегорія о Грѣхѣ и Смерти, о медѣномъ ихъ сочешаніи и о чудовищахъ оныхъ нихъ родившихся и проч. и проч. Но всѣ сіи странности исчезаютъ передъ множествомъ смѣлыхъ мыслей и прекраснѣйшихъ описаній. Что можешь сравниться съ изображеніемъ величія перваго человека, съ невинностію первой жены, съ высокою и вмѣстѣ простою ихъ бесѣдою, гдѣ нѣживущая любовь говоритъ языкомъ чистой добродѣтели! Въ другихъ поемахъ любовь предъставлена въ видѣ слабости; одинъ Мильтонъ умѣлъ для своихъ читательницъ содѣлать ее сираспійю непорочною; одинъ

онѣ умѣла показашъ ее безъ покрывала, не-
ескорбля цѣломудрїя.

Полперянный Рай, переведенный съ
Англїйскаго подлинника, былъ напечатанъ
въ Москвѣ 1795 года. Къ сему изданїю не-
приложено ни извѣстїя о жизни сочините-
ля, ни замѣчанїй, копорыя очень приго-
дились бы для многихъ читателей. Не безъ
прискорбїя должно признашъся, что въ дру-
гихъ государственныхъ классическїя книги из-
даются гораздо тщательнѣе и съ лучшимъ
намбренїемъ. Тамъ переводчики объявля-
ютъ имена свои, и слѣдственно ручаются
за исправность изданїя. Знашони и люби-
тели Словесности сличаютъ переводы, вы-
бираютъ ихъ по своему вкусу, и одному пе-
редъ другимъ отдаютъ преимущество.
Французской лишператоръ дастъ вамъ оп-
тешъ о достоинствѣ Полперяннаго Рая въ
перелогахъ Дюпре и Расина и Моснерона и
Делиля. Каждой изъ сихъ господъ въ пре-
дисловіи своемъ говоритъ публикѣ все то,
о чемъ за нужное почитаетъ увѣдомитъ
ее, и въ примѣчанїяхъ сообщаетъ или раз-
ныя любопытныя свѣдѣнїя, или мнѣнїе свое
о прудныхъ мѣстахъ подлинника. У насъ
во всемъ видна удивительная поспѣшность:
спѣшатъ переводитъ, сочинитъ, печатанъ,
переплешанъ, а особливо продаванъ ученой
товаръ за наличныя деньги. Купивши кни-

гу, прочтите ее, разумеется, ежели вы перифливы, и попомъ раскуривайте ею трубку; ибо ссыласть на нее бесполезно. Наши переводы неизвестныхъ переводчиковъ подобны воздушнымъ метеорамъ или ночнымъ призракамъ, которые мгновенно исчезають, неоспавляя по себѣ ничего вещественнаго.

При новомъ переводѣ Потеряннаго Рая приложена *Жизнь автора*. Жаль, что и при семъ изданіи нѣтъ никакихъ примѣчаній, которыми весьма одолжилъ бы своихъ читателей господинъ переводчикъ. Напримѣръ въ подлинникѣ стоить:

. . . and with ambitious aim
Against the throne and monarchy of God,
Rais'd impious war in heaven, and battle proud,
With vain attempt. Him the almighty power
Hurl'd headlong flaming from th' ethereal sky;
With hideous ruin and combustion, down
To bottomless perdition, и проч.

Мѣсто сіе выражено въ прежнемъ переводѣ (Ч. I. стр. 6): „Въ семъ честолюбивомъ „предпріятіи противу законовъ Божественнаго Единодержца, гордый возмущитель „посѣялъ вражду на небесахъ и возжегъ „огнь беззаконной брани. *Тщельныя усилія!* „Десница Всемогущаго низринула „его съ высоты зеира, откуда онъ низпаде въ вихрь пожирающаго пламени

„въ неизмѣримую глубину“ и проч. Въ новомъ переводѣ (Ч. I. стр. 4): „Въ семъ высокомъ злоумышленіи пропавшаго прона, всесильнаго Монарха, посвѣля оныя вражду на небесахъ и возжегъ огонь беззаконной брани. *Тщелтное жокнушеніе! Десница Господня* низринула его съ высоты, зѣвряной, опкуда, палимый молніею и покрытый ужасными *язвами*, палъ оныи сиремглавъ въ неизмѣримую глубину,“ и проч. Здѣсь чинашело прѣяшно было бы узнать, для чего господа переводчики расположили слова свои несходственно съ Англійскимъ подлинникомъ, гдѣ часпицею him, которою начинаеися періодъ, искусно выражена удивительная быспроша дѣйствія. Моснероу, Французскій переводчикъ, жалуется на языкъ свой, неперпящій переставокъ, свойшвенныхъ Греческому, Латинскому и Англійскому. Для Русскаго переводчика препящство сіе несуществуеши, и оны могъ бы здѣсь поспавить слова въ томъ порядкѣ, въ какомъ употребилъ ихъ самъ стихотворецъ, и котораго безъ нужды нарушашь ненадлежало. По крайней мѣрѣ оны долженъ бы изясниться, для чего поступилъ шакъ, а не иначе. Вошъ другой случай, для доказательства, какъ нужны примѣчанія. Мильшонъ написалъ:

... for never since created man,
Met such imbodyed force, as nam'd with these
Could, merit more than that *small infantry*
Warred on by cranes;

Спихи сѣи выражены на Русскомъ языкѣ
вѣ прежнемъ переводѣ (Ч. I. стр. 37):
„Всѣ полки земнаго шара, еспьлибѣ мож-
но было собрать ихъ вмѣстѣ, показались
бы вѣ сравненіи сѣ сею преужасною гро-
мадою духовъ *кучею муравьевъ, сражаю-*
щихся съ журавлями. Вѣ новомъ пере-
водѣ (Ч. I. стр. 42): „Всѣ рашныя си-
лы сего мѣра, если бы можно было
собрать ихъ вѣ единое мѣсто, показа-
лись бы вѣ сравненіи сѣ сими грозными
могущесшвами *кучею муравьевъ, воюю-*
щихъ съ журавлями.“ Во первыхъ, за
неимѣнемъ примѣчаній, иному чипапелю
придесть вѣ голову мысль, будто одинъ
переводчикъ писалъ не сѣ Англійскаго тек-
ста, но сѣ Французскаго, а другой перево-
дилъ или сѣ Русскаго или сѣ Французска-
го же (*); во вторыхъ, вѣ подлинникѣ дѣло
идеть не о муравьяхъ, которые никогда
невоюють сѣ журавлями, но о баснослов-
ныхъ Пигмеяхъ, которые вѣ самомъ дѣлѣ
храбро сражались со враждебными пернашы.

(*) Toutes les armées de la terre réunies et com-
parées a cette troupe d'êtres énormes, ne paroî-
troient que des fourmillières de Pygmées en
guerre avec les Grues.

ми. Французское слово fourmilliere значитъ здѣсь муравейникъ, но есть великое множество Пигмеевъ; въ подлинникъ small infantry.

Для примѣра выпишемъ начало одного мѣста, которое всѣми почтается за образцовое. Читатели угадываютъ, что мы говоримъ о восклицаніи Сашаны къ солнцу, когда онъ уже приближался къ Едему,

Пѣснь IV. стр. 202. „То устремляешь
 „онъ печальные взоры на верпоградъ Едем-
 „скій, котораго прелестный видъ открытъ
 „предъ его глазами; но, обращаетъ ихъ къ
 „небесамъ, къ сему лучезарному свѣтилу,
 „которое достигнувъ до середины путя
 „своего, блистало на *высотѣ гордой ба-*
 „*шни.*“ Какой башни? Правда что въ под-
 линникъ написано sat high in his meridian
 tow'g; но здѣсь tower лучше было бы при-
 нять за *высоту*, въ значеніи глагола.

„Наконецъ выходитъ изъ мрачныхъ
 „своихъ мыслей и восклицаетъ, спеная *):
 „О ты, увѣнчанное несравненною славою,
 „*единый царю* (seul roi) въ своемъ влады-
 „чествѣ, *являющийся* богомъ (semble le

(**) Sortant enfin de ses sombres pensées, il s'éc-
 rie en gemissant. Въ подлинникъ иначе: Then
 muck rewoiving, thus in sighs began.

„dieu) новой сей вселенной, предъ лицемъ
 „копорога всѣ звѣзды преклоняють по-
 „мраченныя (eclipse) свои выи. Солнце!
 „внемли гласу моему, копорый *не есть* уже
 „гласъ дружеспва.“ Въ прежнемъ переводѣ
 еще *слихотворнѣ*: „О ты, копорое
 „увѣнчано лучезарнаго славою! единый
 „царь въ своемъ владычествѣ, являющій-
 „ся богомъ сей новой вселенной, предъ ко-
 „шорымъ всѣ звѣзды преклоняють по-
 „мраченныя чела свои, солнце! внемли
 „гласу моему, копорой *не есть* уже гласъ
 „дружбы.“ Поняшь нельзя, для чего господа
 переводчики, копорые, какъ шеперь уже по
 всему видно, переводили не съ одного Англійскаго
 подлинника, болѣе полагались на Француза,
 нежели на самаго Мильшова! Гласъ Сапаны
не есть уже гласъ дружеспва! какъ будто
 Сапана ирежде былъ другомъ бездушному
 солнцу! Ссылаясь на всѣхъ, разумѣющихъ
 сколько нибудь по Англійски, смѣло утверждаемъ,
 что слѣдующіе стихи можно бы перевести гораздо
 вѣрнѣ:

O thou, that with surpassing glory chown'd
 Look'st from thy sole dominion like the God
 Of this new world; at whose sight all the stars
 Hide their diminish'd heads: to thee I call,
 But with no friendly voice. . . .

Сей новый переводъ Поперяннаго Рая можеть
 пригодить и для шѣхъ, копорые, не забоясь
 о строгости точности, читають

книги для препровожденія времени. Въ про-
чёмъ и для шакихъ чипашелей надобно пи-
сашъ рачисельнѣе и наблюдашъ въ слоги
чиспопу и приличность. Г. перевод-
чикъ весьма часто упошребляешъ часпи-
цу да въ шакомъ смыслѣ, въ какомъ не-
должна она бышъ шерпима въ епическихъ
поемахъ. *Да можель быль луть ка-
жется вамъ труднымъ!* или: *да какъ
можель излитъ сіе шценіе?* или: *да для
чего же не такъ?* и проч. Та же самая ча-
спица, прилагаемая къ глаголу въ жела-
тельномъ наклоненіи, дѣлаешъ рѣчь возвы-
шеннѣе, на примѣрѣ: *Да будетъ прокля-
та благость сія . . . да будетъ ла-
че провляль возмутитель.* Г. перевод-
чикъ вмѣсто кушъ, рошъ, вездѣ спавишъ:
кущей, рощей. Сочинители подписей къ
карпинкамъ продающимся у Казанскаго
собора и нѣкопорые изъ числа безграмош-
ныхъ нашихъ прагиковъ пишущъ *почлу-
ся, почлился,* вмѣсто пошщуся, по-
шцился. Напрасно г. переводчикъ Пошерян-
наго Рая слѣдуешъ шакимъ ненадежнымъ
авшорамъ.

Потерянный Рай состоишъ, по рас-
положенію издашеля, изъ шрехъ часней,
а четшвершая содержишъ въ себѣ *Возвра-
щенный Рай*, другую поему Мильшонову.
Такимъ образомъ изъ двухъ различныхъ со-

чиненій составлена одна книга подъ разными названіями! Если пришедши въ лавку спросите вы четвертую часть *Полеряннаго Рай*, то вамъ подадутъ *Возвращенный Рай*. Въ какомъ завидномъ состояніи наша книжная торговля! Передъ заглавнымъ листкомъ и передъ каждою пѣснью спойте по одной каршинкѣ; первая ошъ части сносна; всѣ же или почти всѣ прочія, по видимому, приложены для показанія, на какой степени рѣзное искусство находилось во времена праотца Адама и до потопа. Т.

III. С М Ъ С Ъ.

Толкъ о глупцахъ.

Надобно или умѣть уживаться съ глупцами, или вовсе отказатьсь ошъ свѣта, которой наполненъ ими. Последнее трудновато; но за то уже безопасно. По склонности къ уединенію, я, слава Богу, свободенъ, и пользуюсь правомъ своей независимости, живу въ опдаленіи ошъ нѣкошорыхъ

людей, коихъ присутствіе для меня не-
спасно, и копорыхъ не могу перпыль да-
же и тогда, когда знаю, что они находящ-
ся подлѣ меня близко.

Есть глупцы разныхъ разборовъ, и мнѣ
кажется, что если бы можно было съ нечи-
стотою раздѣлить ихъ на снпшты, то сей
шрудъ очень послужилъ бы въ пользу шѣхъ,
кои обманываются наружностію, и копоры-
е по оплошности почитаютъ шѣнь са-
мою вещью.

Есть глупцы, копорые ослабляютъ
своимъ блескомъ, и они едва ли не опаснѣе
всѣхъ прочихъ. Есть глупцы добреннѣе,
настоящіе проспачки; надъ ними смѣ-
ются, не подозрѣвая ихъ ни въ какомъ
дурномъ умыслѣ: они и въ самомъ дѣ-
лѣ рѣдко дѣлаютъ зло, а особливо когда
никто ихъ не обижаетъ. Глупцы, имѣ-
ющіе высокое мнѣніе о своихъ достоин-
ствахъ, всѣхъ опаснѣе: они мучатъ всѣхъ
шѣхъ, съ копорыми обращаются; а болѣе
всего перпятъ опъ нихъ люди мыслящіе.
Какое перпнѣе имѣть должно, когда они
важнымъ и рѣшишельнымъ пономъ на угадъ
судятъ о достоинствѣ поемы, или картин-
ны, или сонпшы, ниже повпшїя не имѣя
о сщхшшворствѣ, живописи и музыкѣ!
До какой степени должно быть сщхшшш-
шельнымъ, чтобы слушать ихъ пустосло*

вѣе, — вѣжливымъ, чпобы во всемъ соглашались съ ними, — низкимъ, чпобы одобряли все ихъ мнѣнїя! Какая, можно сказать, геройская попребна швердосшь, чпобы молчалъ, слушая, какъ они оскорбляютъ и хорошій вкусъ, и здравой разумъ, и истинное дарованїе!

Глупцы сего разбора обыкновенно бываютъ наглы, а наглосшь присвоиваютъ они себѣ по праву. Человѣкъ богатый и сильный, копорой всегда былъ глупцомъ, но не всегда обладалъ богатствомъ, при счастливыхъ обстоятельствахъ становившя часъ отъ часу глупѣе и заносчивѣе. Онъ окруженъ ласкапелями, копорые пріучаютъ его распочивельность почищать хорошимъ вкусомъ и все блестящее называть изящнымъ. Все по прекрасно, что ему нравится: картина, за копорую заплашилъ онъ двойную цѣну, есть образчикъ совершенства; книга въ богатомъ переплетѣ, копорой онъ передъ вами хвастаетъ, есть самое исправнѣйшее, драгоценнѣйшее изданїе. Бѣда, если скажете, что вамъ извѣстно другое, гораздо лучшее! Онъ предложитъ вамъ удариться объ закладъ о тысячѣ рублехъ, и ежели вы оспанешесь при своемъ мнѣнїи, то знайте, что въ послѣднїй разъ у него обидели.

Острые глупцы принадлежатъ къ особому разбору. Имѣя нѣкошорыя поверхностныя свѣдѣнiя, пробѣжавши слегка нѣсколько модныхъ книжекъ, они съ невѣроятнымъ безстыдствомъ и щеславiемъ мечтающъ о себѣ; что занимающъ важное мѣсто въ свѣтѣ, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ вездѣ бывающъ не на своемъ мѣстѣ. Они всегда собою довольны; всегда довольны и тѣмъ что сдѣлали, и тѣмъ что сказали, и тѣмъ даже что намѣрены сказать или сдѣлать; иначе не подходятъ къ вамъ какъ съ улыбкою на губахъ, или съ остроумною поговоркою. Безполковой каламбуръ, холодная двузначительность, принужденная игра въ словахъ — вошъ обыкновенныя ихъ орудiя наступательныя и оборонительныя. Они безпрестанно мучатъ себя, желая оплчаться и бытъ любезными, и весь вънѣ свой гоняющъ за остроумiемъ, удаляясь отъ здраваго смысла.

Есть еще глупцы другаго разбору; они многочисленны. Я хочу говорить о тѣхъ праздныхъ существахъ, о тѣхъ невѣждахъ, которые и для общества и для себя тягостны, и которые вездѣ носятъ съ собою мучительную скуку. Удовольствiе бѣжитъ отъ нихъ, куда они приходятъ; веселость исчезаетъ, гдѣ они являющъся; дрожь пронимаетъ васъ въ ихъ присутствiи, и въ-

воша бываетъ предвѣстницею молчанія и оцепенѣлости. Таково дѣйствіе, производимое присутствіемъ глупцовъ сего разбора, болтливыхъ, докучливыхъ и неопвязныхъ. Вы оспаваете ихъ здѣсь, и черезъ минушу они попадаются вамъ въ другомъ мѣстѣ; вездѣ преслѣдуютъ васъ, подобно шѣмъ ночнымъ призракамъ, которые мгновенно исчезаютъ и снова появляются. Будучи всегда одинаковы, всегда съ пустою головою и съ пустымъ сердцемъ, сїи враги нашего спокойствія никогда не чувствуютъ усталости. Напередъ можно знать содержаніе ихъ разговора, и вы очень счастливы, ежели все дѣло кончано разсужденіемъ о погодѣ, и ежели сїи пустомѣли незаботяща о политическихъ произшествіяхъ. Между глупцами сего разбора бываютъ и такіе, которые, при всей бесполезности своей и шупоумїи, надушы гордостїю и никого кромѣ себя не любятъ.

Есть глупцы незнающіе вѣжливости, грубые, неловкіе и своенравные; они ласкаютъ васъ, обижаютъ; самыя даже одолженія ихъ оскорбительны; они упокребляютъ обидныя слова, желая сказать вамъ учинивость; дѣйствуютъ всегда не въ понадѣ; одинакимъ пономъ и ругаютъ и привѣщиваютъ. Сїи опличныя существа, избалованныя форшунюю, испорченныя дурнымъ со-

обществомъ, равно способны и къ добрымъ и къ злымъ поступкамъ, между которыми они незнающъ никакого различія ; неудоспоивая вниманіемъ своимъ скромной добродѣтели, они оказываютъ покровительство дерзновенному пороку ; припадки человѣкълюбія и жестокости находящъ на нихъ попеременно ; сего дня они одолжаютъ того, кого вчера выслушать нехотѣли. Такое безымянное созданіе обыкновенно бываетъ надупно гордостію, и думаетъ, что все ему дозволено, потому только что все ему прощается. Горе крошкѣй и бояливой женщинѣ, которая обращаетъ на себя его вниманіе, или которая по обстоятельствомъ должна быть часто у него передъ глазами ! Горе шой, которая ввѣрила ему шайну своего сердца ! А еще большее горе шой, которую судьба соединила съ нимъ неразрывнымъ союзомъ !

Можно бы здѣсь упомянуть еще о другихъ глупцахъ, которые всегда и вездѣ попадающъ на встрѣчу ; но я пишу не книгу, а только небольшой опытъ. Т.

Отрывокъ изъ Шалобріанова путеше- ствія въ Грецію.

Я нехотѣлъ возвратиться въ Мизи-
пру, и прямо съ развалинъ Спарфы поб-
халъ въ Аргосъ. Я оставлялъ безъ сожалѣ-
нія Лакедемонъ; однако немогъ удержашь
себя отъ того чувства, которое напол-
няетъ душу при видѣ великой развалины,
и когда удаляешься отъ такого мѣста, ко-
шораго уже никогда въ жизни своей не
увидишь. Дорога, ведущая изъ Лаконіи въ
Арголиду, и въ древности была, какъ и ны-
нѣ, чрезвычайно затруднительная и ок-
руженная дикими мѣстами. Насупала ночь,
когда мы переправились черезъ Европасъ въ
помѣ самомъ мѣстѣ, гдѣ переплывали че-
резъ него на пути изъ Трополицы — но
мы цоворотили на воспокъ и скоро цопомъ
въѣхали въ горы. . . . Въ два часа ночи
прибыли мы въ деревеньку, находящуюся
почти на самомъ берегу моря. Здѣсь раз-
сказали намъ слѣдующее печальное произ-
шествіе:

Одна молодая поселынка епой деревни,
оспавшись по смерти родителей своихъ съ
хорошимъ наслѣдствомъ, опцравлена была
родственницами въ Конспаншинополь. Осъ-
мнадцати лѣтъ возвратилась она въ свою
отчину. Она была прекрасна лицомъ; гово-

рила по шурецки, по ипаліански, по французски; угощала въ домѣ своемъ путешественниковъ, проѣзжавшихъ черезъ ея деревню, и ещо наконецъ заставило сомнѣваться въ ея добродѣтели. Деревенскіе спаршины собрались, нѣсколько времени разсуждали между собою о поведеніи молодой крестьянки, наконецъ положили, что непременно надобно было избавить деревню ихъ отъ посрамленія, которое наносила она ей своими поступками. Они сложились, сославили сумму, назначенную въ Турціи за убійство христіанки; пощомъ вошли ночью въ жилище молодой сироты, умертвили ее, и нарочный, по данному знаку что убійство совершено, поскакалъ съ деньгами къ Пашѣ. Мы пріѣзжаемъ въ ешу деревеньку, и находимъ всѣхъ жителей въ волненіи; но ещо волненіе произведено было не ужасомъ злодѣйскаго убійства, а гнуснымъ корысполюбіемъ Паши, который, не находя въ убійствѣ ничего противнаго закону и признаваясь, что получилъ опредѣленную за *простое убійство* сумму, требовалъ однако прибавки; на которую онъ — Паша Мореи — имѣлъ полное право, по той причинѣ что молодая сирота была хороша собою, учена и много путешествовала. Въ самый день нашего пріѣзда прислалъ онъ въ ешу деревню двухъ янычаръ, которые грозно требовали,

чиною имъ выдана была назначенная Царскою сумма.

Перемѣнивъ въ этой дѣревнѣ лошадей, въсправились мы въ древнюю Кинурію. Было уже при часа по полудни; вдругъ проводникъ завричалъ намъ: оснерегилсь! разбойникъ! И въ самомъ дѣлѣ черезъ минушу увидѣли мы нѣсколькихъ вооруженныхъ скачущихъ по горѣ. Мы вынуди исполешы; но они остановились, нѣсколько времени на насъ смотрѣли, наконецъ дали намъ дорогу, и мы спокойно побѣхали далѣе. Оставивъ за собою Трезніанскія горы, мы наконецъ приближились къ берегу моря. Съ одной стороны представлялась намъ цитадель Аргоса, прямо передъ нами лежала Навплія, и горы Коринтскія возвыщались со стороны Микены,

Заря занималась, когда я приближался къ Аргосу. Въ дѣревнѣ, заступающей мѣсто ешаго славнаго града, нашелъ я болѣе численны и живосны, нежели въ другихъ дѣревняхъ Морей. Она лежишь въ двухъ миляхъ отъ моря при самомъ Аргосскомъ или Навплійскомъ заливѣ. Съ одной стороны видише вы горы Арнадіи и Кинуріи, съ другой возвыщенія Трезены и Эпидавра.

Можетъ быть воображеніе мое омрачено было воспоминаніемъ о ужасахъ и

несчастіяхъ Пелопидовъ; всѣ окрестныя поля показались мнѣ дикими, а горы ужасными и пустыми — я видѣлъ передъ собою природу изобильную великими добродѣтелями и злодѣйствами. Я посѣтилъ остатки дворца Агамемнонова, развалины театра и Римскаго водопровода; и наконецъ осмотрѣлъ цитадель, желая видѣть всякой камень, къ которому нѣкогда могла прикоснуться рука царя царей.

Кто можешь величаться своею славою при сихъ чудесныхъ полубогахъ, воспѣтыхъ Гомеромъ, Эсхиломъ, Софокломъ, Еврипидомъ, Расиномъ! Но когда вы придете на то мѣсто, на которомъ они нѣкогда жили; когда увидите, сколь мало осталось отъ славнаго бытія ихъ: по сердцу ваше наполнится уныніемъ неизвѣстнымъ . . . Съ такимъ уныніемъ смотрѣлъ я на сіи развалины Агамемнонова жилища.

Пріѣхавъ въ Мегару, я неискалъ слѣдовъ Евклідовой школы; я желалъ бы отрыть Фокіоновы кости, или какуюнибудь старую Праксигелеву; и въ ту минуту, когда я думалъ о Виргиліи, занемогшемъ въ епомъ мѣстѣ пою болѣзнію, отъ которой онъ нанеслѣдовъ и умеръ, пришли мнѣ сказать, что просящъ меня посѣишь одну бѣдную.

И Греки и Турки увѣрены, что всякой Франкъ долженъ быть знающимъ въ медицинѣ и имѣть тайные способы къ излѣченію всякой болѣзни. Пропосердечіе, съ какимъ просятъ они всякаго иноспранца подать имъ помощь, весьма для меня пророгашельно, и напоминаетъ о временахъ древнихъ, о временахъ брапской довѣренности и любви взаимной. Американскіе дикари имѣютъ попрежнему обычай. Я думаю, что въ такихъ случаяхъ и человѣчество и религія повелѣваютъ путешественнику не разрушать утѣшительнаго на счетъ его заблужденія: видъ смѣлой увѣренности и нѣсколько словъ опрады могутъ иногда спасти умирающаго и возвращить цѣлому семейству его счастье.

Ко мнѣ пришель Грекъ съ усердною просьбою навѣсипить его дочь. Я нашелъ бѣдную сирадалицу лежащую на рогожѣ, окутанную въ лохмоще. Она съ спыдли-восптію и съ видомъ робкой застѣнчивости освободила руку свою отъ нищенскаго рубища, хотѣла ее ко мнѣ пропянуть, но рука упала мертвая, ослабѣвшая, на бѣдный покровъ. Мнѣ показалось, что ея несчастная была въ гнилой горячкѣ. Я приказалъ снять съ головы ея серебряныя монеты — обыкновенной головной уборъ Албанскихъ женщинъ: тяжесипь мешалла

и нѣсколькихъ косъ, въ которыя заплетены были ея волосы, соединяли въ головѣ ея шеплошу. У меня въ карманѣ было нѣсколько канфоры, которою запасся я для предохраненія себя отъ заразы — я подблизился эпимѣ лѣкарствомъ съ больною. Ее кормили виноградомъ — я сказалъ, что эта пища будетъ ей полезна. вмѣстѣ съ отцомъ прочитали мы нѣсколько молиштвъ Христу и Богоматери, и наконецъ я общалъ, что больная будетъ здорова. Надежда воцарилась, въ епой обипели спраданія.

По выходѣ моемъ изъ хижины былъ я окруженъ всѣми жителями деревни. *Краси! Краси!* вина! вина! кричали женщины. Онѣ хотѣли извѣстить мнѣ свою благодарность, заславивъ меня ницъ вино. Послѣ ешаго важное достоинство Медика показалось мнѣ нѣсколько забавнымъ. Но мысль, что въ Мегарѣ имѣлъ я случай прибавить еще одного человекъ къ числу тѣхъ, которые въ разныхъ странахъ мѣра, гдѣ я скипался, могутъ желать мнѣ добра, веселила мое сердце: оставляя по себѣ много воспоминаній и жить въ душѣ иностранца, увы! не рѣдко долѣе нежели въ душѣ друга, есть сладостная привиллегія путешественника.

Изъ Елевзиса выѣхали мы на разсвѣтѣ дня. Окруживъ проливъ Саламинскій, вступили

пили мы въ узкой дефиле, находящійся между горами Коридалусомъ и Икаромъ и примыкающій къ равнинѣ Аѣинской, у самаго пригорка, именовавшагося нѣкогда Пецилемъ. Вдругъ представился глазамъ моимъ Акрополисъ — смѣсь капищелей Пропилея, колоннъ Панпеона и Ерехпеева храма, амбразуръ сѣбны, въ кошорыхъ стояли пушки, гошическихъ развалинъ вѣка Герцоговъ и бѣдныхъ Музульманскихъ жилищъ. На сѣверъ отъ ципадели возвышались пригорки Анхезмъ и Ликабетъ, а между ими являлись Аѣины. Плоскія кровли домовъ, между кошорыми мелькали минареты, пальмы, развалины, высокія колонны и куполы мечешей съ большими гнѣздами цапель, кошорыя ихъ какъ будто бы вѣнчали — все это при восходящемъ солнцѣ составляло пріятнѣйшую картину для взора. Но если путешественникъ по нѣкошорымъ развалинамъ и узнавалъ древнее мѣсто Аѣинъ, по общій характеръ памятниковъ и странная смѣсь зданій разнообразныхъ увѣряли его, что городъ Минервы уже не былъ обитаемъ ея народомъ. А.

Отрывки изъ писемъ объ изверженіи Везувія.

Сентября 12. Какъ жаль, что вы, любезный другъ, не наслаждались вмѣстѣ со мною великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ въ природѣ! Я былъ на Везувіѣ, и теперь только возвратился. Послѣ продолжительнаго спокойствія, онъ воспламенился незапно. При насъ началось изверженіе, какого не видали съ 1794 года. Мы взлѣзали къ самому опверзшюу горы, и оставались въ шестидесяти шагахъ отъ бездны, извергающей пламя, золу, дымъ и камень, до тѣхъ поръ пока подушій въ нашу сторону вѣтеръ и падашія передъ нами камня не напомнили намъ о надобности удалиться, если нехотимъ погибнуть подобно Плинію и Емпедоклу. Какое удивительное, какое великолѣпное зрѣлище! Представьте себѣ Творца, окруженнаго молніями и громами на вершинѣ Синая; представьте себѣ гиганшовъ, воющихъ прошивъ неба и поражаемыхъ Юпитеромъ громовержцемъ; вообразите все величественное и ужасное, чего не могушъ выразить ни живопись, ни поезія; вообразите описанное Мильпономъ сраженіе между небеснымъ воинствомъ и опверженными ангелами; вспомните, что говорятъ объ Епнѣ Пиндары и Виргиліи: все прекрасно, однакожъ ничто не можетъ сравниться съ видомъ сихъ пылающихъ жерлъ, съ потоками раскаленной лавы, съ огненнымъ дымомъ, съ ужасными явленіями, отъ которыхъ земля колеблется на своемъ основаніи. Представьте себѣ при семъ необъятномъ пожарѣ, при громахъ и прескахъ, луну, спокойно возносящуюся и являющую серебряный кругъ свой надъ

пылающею горою: епо Гекаша, выходящая изъ адскихъ пропастей со всѣмъ ужаснымъ своимъ великолѣпиемъ! Но я не въ силахъ дать вамъ достапочное понятіе о семъ чудесномъ явленіи природы; будьте довольны крапкою запискою о томъ, что происходишь на Везувіѣ. Сего дня раздавались весьма сильные удары, опъ которыхъ чувствовано было прясеніе въ Неаполѣ; волканъ извергалъ большое количество дыма; ввечеру полилась лава гораздо меньшая однакожь вчерашней. Иногда вылетало красное пламя; задняя часть горы со стороны Опаяно являлась въ огнѣ и была покрыта краснымъ дымомъ, поднимавшимся очень высоко.

13 *Числа*. Во всю ночь, а особливо около чепырехъ часовъ упра, были слышны непрерывные и весьма сильные удары. Надъ отверстіемъ возносился высокой столпъ гуспаго, сбраго дыма, къ три раза большій самаго волкана и опдѣлявшійся въ видѣ облакъ. Конусъ Везувія, съ той стороны гдѣ текла лава, покрытъ былъ легкимъ дымомъ, которой медленно поднимаясь, оспанавливался при бокахъ горы; черновашья и шемносинія части ея видны были изъ подъ сбраго дыма. Въ вечеру въ пятомъ часу удары удвоились. То раздаются продолжительные громы, то слышатся мгновенные прески. Окна и двери прясутся; по всему видно, что опять будетъ очень сильное изверженіе; мы боимся, чтобы оно не причинило вреда на сторонѣ къ Опаяно; сказываютъ, что сего дня поушру шесшь или семь мызъ испреблено пламенемъ. Въ пять часовъ безъ пяти минутъ сильнымъ ударомъ опбро-сило голову мою яверхъ опъ сполика, на ко-

шоромъ теперь пишу наклонившись. Въ пять часовъ съ половиною спукнуло ужаснымъ образомъ; окна дрожашъ въ моей комнашъ.

14 *Числа*. Вчера, переставши писать, я всходилъ на земляную насыпь и дѣлалъ свои наблюденія. Лава текла спремительно, приближаясь къ сторонѣ Порпичи; и ешо начинало беспокоить жителей. Мы смонрѣли въ телескопы въ слѣдъ за теченіемъ лавы, которая приближеніемъ своимъ отгоняла толпу любопытныхъ. По утру было уже покрыто ею 300 десяшинъ земли обработанной. Явились два новыя опверзнія. Я обѣдалъ въ городѣ; нѣкто предложилъ намъ послѣ театра гулять по морю въ лодкѣ. Беремъ лодку съ парусомъ и отдаемся на произволъ непостоянной стихіи, которая на ту пору была не совсѣмъ спокойна. Мы условились кашаться не болѣе одного часа, и велѣли дожидаться коляскѣ у пристани; но гребцы наши были надежные, вѣтеръ попушной, и мы пустились къ Порпичи. Оттуда недалеко и до лавы, которая лилась въ полумилѣ отъ Резины. Садимся на ословъ и ѣдемъ. Дорога была покрыта народомъ; одни шуда же шли, другіе отшуда; нѣкоторые изъ несчастныхъ бѣжали съ остатками своего имущества. Бѣдствие однихъ служитъ для другихъ предметомъ любопытства. Наши вожаыые говорили, что лава была прекрасная и *работала* удивительно. Несчастные рыдали; мы ѣхали впередъ и досадовали на свое любопытство. Мы направили путь свой прямо къ лавѣ, которая текла уже медленно. Вся сторона горы и часть долины были въ пламени; лава на сей сторонѣ залила уже 500 десяшинъ земли воздѣланной.

Мѣсто, на которомъ мы находились, принадлежало одному семейству, имѣющему только пять десятинъ; четыре уже покрыты были пылающимъ пошомъ, а пятая ожидала подобной участи. Бѣдные люди кричали, зывали къ святому Януарію и пѣли моливы. Лава начала оспанавливаться; ввечеру она прошекала по сороку ладоней въ минушу. Подосва Везувія съ той стороны, откуда обыкновенно восходили на гору, почти на три мили залипа лавою, которая испребила всѣ виноградники и другія деревья со зрѣлыми плодами. Часто деревья загараются въ нѣкоторомъ еще разстояніи отъ лавы; сперва засохши отъ чрезмѣрнаго жара; иногда стоятъ они среди сего жидкаго вещества, которое охладѣвши, служитъ новою почвою для разоренныхъ земледѣльцовъ. Мы возвращались въ Неаполь не прежде пяти часовъ по утру.

15 Числа. Сего дня поутру неслышно было ударовъ. Я еще не сморгнулъ на Везувій, и незнаю, что съ нимъ происходитъ. *Въ 4 часа съ половиною.* Волканъ спокоенъ; изъ него выходитъ дымъ густой и черной; полоса бѣловапатаго дыма показывается протяженіе лавы; она неприбавляется и кажется со вчерашняго дня остановилась. Теперь очень жарко; падаетъ дождь золы самой мѣлкой; ее можно замѣнить, прикоснувшись пальцомъ къ поверхности предметовъ. *Въ шесть часовъ.* Теперь только мы сошли съ насыпи; зола заставила насъ отсюда удалиться. Везувій походитъ на свинцовую гору. Дымъ и облака сѣрой золы просшираются даже до Неаполя со стороны предмѣстія Магдамины. Вчера пылавшій Везувій нынѣ мраченъ.

16 Числа, въ семь часовъ съ половиною по утра. Раздаются сильные удары; незнаю былили они въ минувшую ночь слышны; дождь льется какъ изъ ведра; Везувій выпустилъ такое множество облаковъ, что сряду нѣсколь-ко дней мы не будемъ имѣть въ дождѣ недо-спанка. Я дѣлалъ опытъ надъ золою, кото-рая намъ бла глаза вчера, и копорой немно-го при семъ къ вамъ посылаю; она притяги-вается магнитомъ, слѣдственно есть желѣз-наго свойства. *Въ пять часовъ.* Ничего но-ваго; все по прежнему дымя и зола. Едва замѣненъ легкой паръ надъ полосю лавы; въроятно, къ вечеру онъ исчезнетъ. Тепереш-нее изверженіе пѣмъ достопамятно, что очень скоро прекратилось, скорѣе нежели чаять мо-жно было, судя по его стремительности. Ска-зываютъ, когда волканы выбрасываютъ пламя многими опверзніями, то это есть признакъ ихъ вѣхости, и что бока горы, сдѣлавшись поше и слабѣе послѣ изверженія большаго количества матеріи, удобно проламываются отъ внутреннихъ ударовъ. Ежели Везувій те-перь достигъ своей дряхлости; то надобно признахся, что это старикъ очень бодрой и свѣжий.

(Изъ Публициста.)

Письмо къ Издателямъ Вѣстника Европы.

Прошу поставишь въ Журналъ вашемъ и мое письмо въ отвѣтъ на письмо о *господинѣ Жилинѣ*.

Знаю и зналъ, что самыя добрыя намѣренія, самыя добрыя чувствованія дурнымъ толкомъ обращаются нерѣдко въ дурную спорону. Бываюшъ къ етому и другія причины, которыя хуже всего на свѣтѣ; но я не спану именовать ихъ. Знаю, говорю, и зналъ; не смотря на то, я *воскликнулъ*: *безчеловѣчные!* по невольному движенію сердца — не для риторической фигуры конечно; ибо видѣлъ *славца* дворянина, дающаго концертъ *за деньги*, и слышалъ въ *публикѣ*, и можно сказать отъ *публики* (*), о томъ, что сказано, или справедливѣе, пересказано мною въ *примѣчаніи на стихи къ г-нѣ Жилинѣ*. Теперь спрашиваю: значилъ ли ето *входитъ въ семейственныя дѣла?* и яли *передъ всею публикою*, или вся публика *передо мною* называла *безчеловѣчными* людей, *извѣстныхъ* ей, или *неизвѣстныхъ* — ето ей тайна?

Сохрани меня Богъ отъ несчастія не только *печатать*, ниже *помыслишь* о кле-

(*) Теперь я обязанъ извѣститься прямо, безъ всякаго упребинельнаго образа рѣчи, и попому скажу, что во всѣхъ концертахъ г-на Жилина *общимъ разговоромъ* были его *несчастія*. К. Ш.

ветѣ на счетъ людей благородныхъ и честныхъ! Но молва носилась не о такихъ людяхъ, и я повторилъ ее не вопреки здравому разсудку и благопристойности, которыми уважаются мною болѣе, нежели мнѣніе господъ Жилиныхъ; но — да будетъ позволено мнѣ сказать откровенно — именно потому, что честенъ и благороденъ самъ; ибо принялъ душевное участіе въ судьбѣ человека, представленнаго *глазомъ народа* съ печальнѣйшей стороны въ свѣтѣ, и кому же — спрашиваю смѣло — возстать противъ порока, если не писателю? Онъ и публика могутъ по какому-либо случаю быть въ заблужденіи; но когда случай подобенъ тому, о которомъ идетъ дѣло, то остается вывести изъ заблужденія публику и писателя . . . совѣмъ инымъ образомъ, нежели какъ поступаютъ господа Жилины.

Говоря о себѣ, скажу, что я не только не прибавилъ *зла* повтореніемъ въ *Аглаѣ* слышаннаго въ *Московской публикѣ*, но еще сдѣлалъ и *добро*; ибо — оставя прочее — подалъ случай А. Д. Жилину опровергнуть *невыгодное* о родственникахъ его *заключеніе* — хотя бы *одинадцати* человекъ — двумя словами, послѣ которыхъ никто не имѣетъ права называть сихъ родственниковъ *безчеловѣчными*.

Не требуя благодарности, не благодарю и за *совѣтъ*, *полезный* для того, кто имѣетъ нужду въ немъ; а я, по счастью, не имѣю.

К я

Наконецъ вступаюсь за полъ Аглаи, спрашиваю у господъ Жилиныхъ, или у сочинителя письма ошъ ихъ имени: назовушъ ли они *болтливымъ* его, когда оно передаетъ слуху нашему какіе-либо звуки? Я былъ — если угодно — *ехомъ* общества и не инымъ чѣмъ; слѣдовательно *женщины* оскорблены безъ всякой *справедливой* причины.

Жалѣю, что П. Д. Жилинъ не напечаталъ всего письма моего, которое довольно уже оправдывало меня со всѣхъ сторонъ.

Что касается до *угрозъ*, — я не спрашивался, ибо не заслуживалъ до сихъ поръ никакихъ, и презираю всякія.

К. Шаликовъ.

8 Ноября, 1810.

С. Прасолово.

Московскія записки.

Ноября 2. *Желѣзная Маска и Разсѣянные*. — Подъ названіемъ *Желѣзной Маски* разумѣютъ таинственнаго арестанта, которой въ царствованіе Лудовика XIV сперва содержался въ Пиньерольскомъ замкѣ, потомъ перевезенъ былъ на островъ Св. Маргариты, и наконецъ умеръ въ Бастиліи 1703 года. Во время переѣздовъ изъ одного мѣста въ другое, также въ присутствіи врачей, неизвѣстный несчастливецъ имѣлъ на лицѣ своемъ *бархатную* маску со стальными пружинами.

Приказано было умершвить его, когда бы онъ вздумалъ отккрыться; въ прочемъ, оспаваясь одинъ безъ свидѣтелей, онъ могъ снимать свою маску. *Сенъ-Маръ*, начальникъ Пиньерольскаго замка, бывший у Короля въ особливой довѣренности, получивъ должность намѣстника на островахъ Леринскихъ, перевезъ *Желѣзную Маску* на островъ Св. Маргариты, а оттуда опять съ собою же перевезъ его въ Басцилію, куда *Сенъ-Маръ* пожалованъ былъ губернаторомъ. Незвѣстному деспотавляемы были всевозможныя выгоды: по желанію своему онъ получалъ самыя богатыя платья и все чего ни пребодалъ, кромѣ только свободы. Губернаторъ рѣдко передъ нимъ садился, и Маркизъ Луваа, посѣщавшій Желѣзную Маску на островъ Св. Маргариты незадолго до отправления его въ Басцилію, обходился съ нимъ весьма почтительно. Нельзя сомнѣваться, что сей узникъ былъ знаменипая особа; но удивительно, что около того времени, какъ вообще думаютъ, изъ числа людей извѣстныхъ въ Европѣ ни одинъ чловкъ не пропалъ безъ вѣсти. Ктожъ такой былъ Желѣзная Маска? О подлинномъ имени его не знали современники, не узнаетъ и потомство; ибо все, что ни было писано о немъ до сихъ поръ, есть не иное что какъ или догадки, или вымыслы. Одни хотѣли найти въ Желѣзной Маскѣ Дюка Бофора; но Бофоръ убитъ при осадѣ Кандіи 1669 года. Другіе говорили, что еяю Графъ Вермандоа, сынъ Лудовика XIV и Дюшессы Лавальеръ, копорго надлежало наказать за то, что осмѣлился дать пощечину Дофину; но время смерти сего Графа также извѣстно, равно какъ и

мѣсто его погребенія. Все вздоръ ! говорятъ претъи : Желѣзная Маска былъ нѣкто Маньи, государственный секретарь Дюка Маншюанскаго ; онъ подкупленъ былъ Императоромъ , и склонялъ разныхъ государей возстать противу Франціи ; за то Лувуа приказалъ схватить его на охотѣ близъ Турина и отвезти въ Пиньерольскій замокъ. Въ примѣчаніяхъ Кондорсета къ Вольперовой жизни сказано, что Желѣзная Маска былъ не кто другой, какъ старшій братъ Лудовика XIV, и въ Историческомъ словарѣ подтверждается достоверность сего извѣстія тѣмъ, что арестантъ любилъ шонкое бѣлье, точно какъ и мать Лудовика XIV такое бѣлье любила же ! Оставляя другія догадки, вообще скажемъ, что гораздо легче доказать, чѣмъ не былъ человекъ съ желѣзною маскою, нежели чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. — Сочинителю драмы, по видимому, очень хотѣлось бы, чтобы Желѣзная Маска былъ старшимъ братомъ Лудовика XIV, или по крайней мѣрѣ чтобы всѣ люди такимъ его почитали. Но этого еще недовольно ! надобно было Желѣзную Маску женить на родственницѣ Комменданпа ; возбудить въ Маркизѣ Лувуа ненависть къ бѣдному узнику ; сего Министра, котораго умеръ на постелѣ у себя дома 1691 года, по есть почти за восемь лѣтъ до смерти арестанта, заколотъ шпагою при ворапахъ Баспильской крѣпости ; и въ заключеніе всего помирилъ Лудовика съ братомъ ! Удивительно, какъ сочинитель не вложилъ мысли въ Лудовика уступить Французскій престолъ старшему своему брату ! Съ историческими происшествіями, которыя у всѣхъ въ свѣжей памяти,

едва ли можно поступать какъ съ баснословными сказаніями о дѣянiяхъ героевъ, жившихъ до войны Троянской.

Комедія *Разсѣянные* сочинена г-мъ Коцебу. Иносказательно говоритсѣ о *мысляхъ*, что онѣ въ *разсѣяніи*, когда человекъ въ одно и по же время думаетъ о разныхъ предметахъ, будучи занятъ многими дѣлами: это *разсѣянность мыслей* временная; но иногда по склонности или по привычкѣ человекъ имѣетъ непрерывно *мысли разсѣяныя*: такую разсѣянность назвать можно постоянною. Человекъ *разсѣянный* значитъ уже другое: *разсѣяннымъ* называется тотъ, кто не живетъ дома и не бываетъ долго на одномъ мѣстѣ. И такъ судя по названію, вы надѣнешь видѣть въ комедіи людей до крайности озабоченныхъ ничего незначащими дѣлами, и находите двухъ заслуженныхъ спариковъ, которые поминутно забываются въ словахъ своихъ и поступкахъ, и забываются даже до невѣроятности. Сіи почтенные воины, у которыхъ память ослабла, какъ видно, отъ старости, достойны сожалѣнія, а не смѣха. Порокъ и дурныя привычки выставляются на позорищахъ сколько для увеселенія, столько и для пользы зрительей. И то правда, что въ комедіи *Разсѣянные* есть своя мораль: молодой зритель можетъ сказать себѣ — *невозносись крѣпостію силъ душевныхъ и тѣлесныхъ! и ты нѣкогда составишься! и надъ тобою стануть смѣяться!*

Ноября 4. *Темница, или торжествующая невинность*, драма, и *Женщины солд*

даты, или худо защищаемая крепость, опера водевиль. — Въ началѣ семнадцатаго вѣка Голландія раздираема была внутренними несогласіями между Арминіанами и Гомаристами, между Ремонстрантами и Консрв. ремонстрантами. Барневельдтъ, благодѣтель Гроція, герой драмы, держался одной стороны; Маврицій, Принцъ Оранскій, покровительствовалъ другую. Безпрестанно кричали и спорили о благодати и о предопредѣленіи; обѣ партіи выдавали одна противъ другой ругательныя сочиненія; проповѣдники съ церковныхъ кафедръ бросали громы проклятій на своихъ непріятелей, а словесныя овцы ихъ, вступаясь за пастырей, не отставали отъ нихъ въ ревности и соперничествѣ. Отъ споровъ и ругательствъ доходило до драки. Можетъ быть возгорѣлась бы война междуособная, еслибъ Генеральные штаты не рѣшились созвать духовной соборъ для рѣшенія споровъ. На семъ соборѣ Арминіане проиграли свое дѣло, и Барневельдтъ приговоренъ къ смерти. Дѣти его Ренатъ и Вильгельмъ, желая отмстить за смерть своего родителя, сдѣлали заговоръ, коимъ былъ открытъ начальству. Вильгельмъ успѣлъ спастись бѣгствомъ; Ренатъ схваченъ и осужденъ къ смерти. Несчастная мать просила помилованія сыну своему у Принца Оранскаго. *Очень странно, сказалъ ей Принцъ, что вы для сына дѣлаете то, чего нехотѣли сдѣлать для мужа.* Достоянная супруга Барневельдта отвѣчала съ негодованіемъ: *я не просила о помилованіи мужа своего, потому что онъ былъ невиненъ; но за сына прошу, потому что онъ виновенъ.* — Содержаніе драмы взято изъ исторіи:

Гроцій державши сторону Барневельдпа, помогаль ему своимъ умомъ и дарованіями: за то осудили его на вѣчное заключеніе въ крѣпости Левеншпейнѣ. Супруга его прислала къ нему въ большемъ сундукѣ книги; знаменитый узникъ спрятался въ него, и сею хитростію избавился отъ своихъ гонителей. Коцебу въ драмѣ помирилъ Гроція съ Принцомъ; въ самомъ же дѣлѣ Гроцій бѣжалъ во Францію, гдѣ нашель себѣ сильное покровительство. Драма сія переведена г-мъ Кувичинскимъ. Недавно напечатанъ въ Прибавленіи къ Театру г-на Коцебу и другой переводъ этой же драмы, подъ названіемъ *Гуго Гроцій*.

По оперѣ *Женщины солдаты* можно судить о несходствѣ Французскихъ обычаевъ съ нашими. Возможное за Рейномъ для насъ кажется совершенно несбыточнымъ. Въ приморской крѣпости, охраняемой однимъ престарѣлымъ офицеромъ и двумя дряхлыми инвалидами, содержатся шесть арестантовъ. Сестры сихъ арестантовъ и любовница одного, пользуясь временемъ карнавала, наряжаются солдатами и приходятъ въ крѣпость будто бы служить подъ начальствомъ престарѣлаго офицера. Коммандантъ города узнаетъ о шалости сихъ отважныхъ проказницъ, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ и пятью арестантами, копорыхъ онъ велѣлъ освободить изъ подъ стражи, переодѣвается въ Турецкое платье и беретъ крѣпость штурмомъ, не встрѣтивъ ни малго сопротивленія отъ гарнизона. Всѣ женщины явлются передъ побѣдителями въ платьѣ, приличномъ ихъ полу, и тѣмъ оканчивается шутка. Музыка простая, однакожь довольно припная. Опера сія

переведена съ Французскаго имѣ же г-мѣ Ку-
вичинскимѣ.

Ноября 9. *Отелло или Венеціанскій
Мавръ*, трагедія изъ сочиненій Шекспира.
Лучшими пвореніями сего славнаго поета по-
читаются: *Оттелло, Виндзорскія женщины,
Гамлетъ, Макбетъ, Юлій Цезарь, Ген-
рихъ IV и Смерть Ричарда III*. Нѣкошо-
рѣя трагедіи передѣланы Дюсисомѣ для Фран-
цузскаго театра. Напура соединила въ головѣ
Шекспира чудесное величіе съ самыми низки-
ми, отвращительными нелѣпостями. Хорошій
вкусъ и необходимыя правила, кажется, были
ему совершенно неизвѣстны. Вообще сочиненія
его наполнены удивительнымъ уродствомъ; но
есть въ нихъ сцены превосходныя, мысли ве-
личественныя, чувства благородныя и поло-
женія протасительныя. Сами Французы, непри-
миримые соперники Англичанъ въ драматиче-
скомъ искусствѣ, отдають ему справедли-
вость.

Cet Anglois sans connoitre l'art
Des grands auteurs de la Grece et de Rome,
D'un gothique pinceau, fans graces et sans fard
A cependant su peindre l'homme.

Шекспиръ ненаблюдалъ ни правилъ, ни при-
личности; не смотря на то почиташели ве-
ликаго таланта съ удовольствіемъ говорятъ
о немъ:

N'importe, il règne, et son peuple l'adore;
Après mille ans il doit régner encore;
Tant le sublime a de droits sur nos coeurs!

Гордость, ненависть, любовь, ревность, мще-
ніе, зависть и опщаніе суть главныя прѣ-

жины, управляющія дѣйствіемъ въ трагедіи *Отелло*. Гордоспъ заставляетъ Сенатора Бранціо ненавидѣть Мавра, дерзнувшаго полюбить Едельмону (*). Пылающій любовью Отелло предаётся мучительной ревности, и движимый сею спрассію удовлетворяетъ мщенію своему смертію любовницы, и потомъ перзаемый опчаяніемъ лишаетъ самъ себя жизни. Червь зависти почитъ сердце Пезарра и совершаетъ погибель легковѣрнаго Мавра. Дождь Венеціанскій, наперсница Едельмоны и Кассіо принадлежатъ къ числу тѣхъ лицъ, которыхъ авторы выпускаютъ на театръ для причинъ не весьма важныхъ. Но въ подлинникѣ у Шекспира такихъ лицъ еще больше. Любопышно замѣтитъ, что сія трагедія на Англійскомъ языкѣ писана попеременно то прозою, то стихами, и что первой актъ происходитъ въ Венеціи, а всѣ прочіе на островѣ Кипрѣ.

Вышла въ свѣтъ *Краткая теорія законовъ* г - на Проф. Цвѣтаева, въ трехъ частяхъ. Сочинитель, преподающій въ здѣшнемъ Университетѣ Права разныхъ народовъ и Теорію законовъ, собиралъ, подобно пчелѣ, отовсюду полезное для составленія сей книги, систематически расположенной и содержащей въ себѣ сущность законодательства и судопроизводства. Россійскія узаконенія, Римское право, Наполеоново уложеніе, сочиненія Монтескья, Филанжіера, Беншама, Беккарія, Пасгоре и другихъ служили для него источниками и важнѣйшими пособіями.

(*) У Шекспира называется она *Дездемоною*.

На картинкѣ, приложенной къ концу сего нумера, изображены Ворота Св. Марпына, одно изъ числа достопамятныхъ зданій Парижскихъ. Они находятся въ самой старой части города на улицѣ, получившей отъ нихъ свое названіе. Жители Парижскіе соорудили ихъ въ честь Лудовику XIV.

Разныя извѣстія.

Одинъ Нѣмецъ, актеръ Рижскаго театра, посредствомъ Вѣдомостей предлагаетъ юношамъ зрѣлаго возраста лекціи свои объ *Исторіи Россійской Монархіи по Шлецерову Нестору*. Господинъ преподаватель не успѣлъ еще освѣдомиться, что Несторъ, жившій въ концѣ одиннадцатаго и въ началѣ двенадцатаго столѣтій, не могъ написать такой книги, по которой теперь можно было бы преподавать *Исторію Россійской Монархіи*, и что Шлецеръ писалъ примѣчанія на текстъ нашего лѣтописца; онъ знаетъ только то, что за лекціи можно собрать нѣсколько денегъ.

Профессоръ Лесли въ Единбургѣ изобрѣлъ новой способъ производить искусственной ледъ. Посредствомъ самаго простаго и дешеваго снаряда онъ заморозилъ воду, и въ одинъ часъ досталъ кусокъ льду въ 6 дюймовъ въ поперешникѣ, а толщиною въ три четверти дюйма. Ему извѣстенъ способъ произвести искусственную продолжительную стужу въ 90 градусовъ ниже о Фаренгейсова термометра.

Во Французскихъ листкахъ упоминаются любопытные примѣры перелипія (transfusion) крови изъ шѣла одного животного въ другое. Екклипсъ, бѣгунъ Англійскаго полковника Окелля, пять лѣтъ невыигриваль призовъ, потому единственно что никто нехотѣлъ противъ него обзакладъ биться; и для того держали его при заводѣ, гдѣ приносилъ онъ хозяину своему ежегодно по 1000 гиней до осьмнадцатаго года своей жизни. На послѣдокъ жеребецъ сей изнемогъ отъ старости. Окелля слышалъ объ опытахъ перелипія крови между собаками, и назначилъ двухъ самыхъ лучшихъ жеребятъ для обновленія силъ своего любимца. Братъ его Филиппъ Окелля, искусный врачъ скотовъ, разрѣзалъ у Екклипса двѣ жилы: изъ одного отверстія вытекала старая кровь, а въ другое вливалась кровь жеребятъ. Цѣлую недѣлю поили больного Екклипса только мадерою и кормили сухарями. Послѣ того жеребецъ сей еще пять лѣтъ былъ полезенъ заводу. Лордъ Мерчъ, бывший послѣ того Герцогомъ Квинбургскимъ, освѣдомившись о спасительныхъ слѣдствіяхъ перелипія крови, вздумалъ шѣмъ же способомъ возобновить силы свои, преждевременно истощившіяся. Врачи несогласились мѣшались въ сіе опасное дѣло; однакожь Филиппъ Окелля помогъ ему перелипъ въ жилы его кровь изъ молодыхъ козъ, и шѣмъ еще на шесть лѣтъ продлилъ удовольствія, которыя почивалъ онъ для себя необходимыми. Думать надобно, что такой надежной способъ возобновлять изнемогшія силы понравился многимъ нынѣшнимъ двадцатилѣтнимъ старцамъ.

Въ Берлинскихъ листкахъ пишутъ между прочимъ : „Господинъ Директоръ Иффландъ (извѣстный актеръ Нѣмецкій), окруженный происками разнаго рода, все еще пользуется милостию Королевскою. Е. В. недавно прислалъ ему въ подарокъ чайной приборъ изъ блага фарфора при милостивомъ извѣщеніи, что онъ часто пилъ изъ него вмѣстѣ съ Королевою, что не рѣдко вспоминали объ немъ Иффландъ, и что для того жалуешь ему приборъ сей на память.“

Коммисія, учрежденная при Национальномъ институтѣ для опредѣленія наградъ за сочиненія, признала Доктора Кораю, Смирнскаго Грека, достойнымъ получить 5,000 ливровъ за переведенныя имъ съ Греческаго языка на Французской семь съ половиною страницъ полулистовыхъ. Извѣстный Профессоръ Галь, переводчикъ Эукидида, Ксенофона, Анакреона и Теоκριпа, написалъ цѣлую книгу; изъ 200 страницъ состоящую, нарочно для доказательства, что награда ему принадлежитъ, а не Кораю. Въ книгѣ своей г. Галь говоритъ о себѣ, что онъ не прусъ, и что однажды уже хѣлѣлъ нѣкотораго Еллиниста выбросить за окошко! Въ другомъ мѣстѣ онъ проситъ Национальный институтъ непременно купить переводъ Эукидида для раздачи ученикамъ за прилѣжаніе. „Книга, говоритъ онъ, стоитъ мнѣ 40,000 ливровъ, и я не для себя одного ее напечаталъ; для меня довольно и одного экземпляра!“

Сочиненіе г-жи Сталь объ Германіи было одобрено прѣмъ цензорами, и оно уже печат-

шалось; вдругъ Префектъ въ Блоа приказалъ арестовать пробныя листы и самую рукопись. Г-жѣ Спаль объявлено, чтобы она удалилась изъ Франціи, и жила бы или въ Копенъ, Швейцарскомъ своемъ владѣніи, или въ Минхенѣ, или же отправилась бы въ Сѣверную Америку, и въ такомъ случаѣ сѣла бы на корабль въ Гаврской пристани. Она выбрала послѣднее.

Въ пюръмѣ города Торгау нашли заключеннаго въ оковы солдата до половины сѣденнаго крысами. Несчастный, не будучи въ состояніи свободно управлять членами своего тѣла, не могъ оборониться отъ сихъ прожорливыхъ шварей.

IV. ПОЛИТИКА.

Статья изъ Лондона ().*

Съ превеликимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ въ здѣшней столицѣ извѣстій отъ Лорда Веллингтона. Крипическое положеніе, въ которомъ онъ теперь находится, возбуждаетъ справедливую боязнь въ сердцахъ каждого чело-

(*) 9 Октября. Переведена изъ Journal de l'Empire.

вѣка, размышляющаго о состояніи Португалліи. Невозможно скрыть, что у насъ осталась только одна армія, шамъ находящаяся. Правда, что еслибъ мы потеряли ее, то изъ разсѣянныхъ частей войска, изъ нѣкоторыхъ гарнизоновъ можно было бы составить новую; но армія, о которой здѣсь говорится, есть, такъ сказать, цѣлѣ и сила всего нашего войска; а нынѣшнее опасное состояніе оной таково, что до сихъ поръ никогда еще не было подобнаго примѣра. Мы не хотимъ сказать, будто армія не должна подвергаться опасностямъ, сколь ни были бы онѣ велики; бывають случаи, что цѣлая армія или самая лучшая дивизія иногда очень къ спашу можетъ на все опваживаться: но думаемъ, что никакое правительство не должно предписывать и никакой полководецъ не долженъ самъ собою вдаваться въ опасности безъ крайней нужды, то есть когда нѣтъ въ виду необходимой выгоды, которая была бы соразмѣрна опасности, и которой иначе получить не можно, какъ одержавши побѣду, или подвергаясь опасности потерять сраженіе. Теперь желательна знать, какую необходимую, соразмѣрную опасности выгоду получитъ Лордъ Веллингтонъ, еслибъ ему и удалось одержать побѣду? Покоривши Португаллію думаетъ ли онъ удержаться въ ней? Если одержанная побѣда побавитъ людей въ Англійскомъ войскѣ, то можетъ ли онъ дополнить его и снова поставитъ противъ ополченій, которыя изъ Франціи присланы будутъ въ Португаллію? Самъ Наполеонъ не придумалъ бы для разоренія Англи лучшаго средства, какъ найти такую землю, за которую сражалась бы она до послѣдняго

испощенія! Для своей собственной пользы онъ охотно дозволилъ вамъ выиграть два или три сраженія въ одну кампанію ; ибо на послѣдокъ все шѣмъ же бы окончилось, то есть онъ сражался бы съ ошашкомъ вашего войска, а попереявщи опять сраженіе, спокойно дожидался бы, пока вы сами не увидите себя принужденными съѣсть на корабли съ малымъ своимъ войскомъ. По необходимости шаковы должны бытъ слѣдствія, когда два государства, въ коихъ число жителей споль не равно между собою, какъ во Франціи и въ Англіи, воюющъ за уголокъ земли ; рано или поздно слабѣйшая спорона уступитъ мѣсто, а сильнѣйшая должна только сражаться, нѣтъ нужды выгодно или съ потерею. Всѣ наши политики шакъ думаютъ, и *военныя дѣйствія*, производима въ Португалліи нашими министрами, только что *снѣшатъ* военныхъ людей, разумѣется когда могутъ они снѣяться, забывши о прошлой крови своихъ товарищей и *неплакать* о ненавистной охотѣ проливать кровь безъ всякой надобности. Что же касается до окончанія нынѣшней кампаніи, то мы объявили свои опасенія, наблюдая военные планы Лорда Веллингтона, и теперь уже неспанемъ болѣе говорить о семъ дѣлѣ. Замѣшимъ однакожь, что *Время* и *Утрення почта* (*), обѣщавшія намъ и надежду и ободреніе, не сдержали своего слова. Самыя причины, о которыхъ предложено во *Времени*, снова повергаютъ насъ въ уныніе. *Измѣна*, о слѣдствіяхъ коея упоминается въ семъ журналѣ, шакже есть причиною нашего страха.

(*) Times и Morning - Post , названія Англійскихъ журналовъ.

Ежели жилили съ намбрениемъ зажгли магазины въ Алмейдѣ, то чего не долженъ спрашиваться Лордъ Веллингтонъ, хопя бы со многочисленнымъ войскомъ своимъ и могъ стоянь прошивъ непріятеля? Но *Утренняя почта*, дабы довершить и украсить сію ушбщительную каршину, увбряетъ насъ, что армія Массенина проспираетъ отъ 70 до 80 тысячъ человекъ, а Веллингтонова отъ 50 до 60 тысячъ. Нбтъ сомнбнія, что въ семъ журналѣ наблюдаена почность, и шакъ чбмъ же должны мы ушбщать себя? Сражающіяся арміи, сказано далѣе въ *Утренней почтѣ*, находились одна отъ другой въ пяти миляхъ. Лордъ Веллингтонъ слабѣе двадцатью тысячами; и изъ какихъ воиновъ состоитъ четвертая часть людей, находящихся подъ начальствомъ Его Превосходительства? Изъ рекрутъ, въ Англии набранныхъ? Нбтъ, въ шакомъ случаѣ съ равнымъ числомъ нечего было бы опасаться. Большая часть Веллингтоновой арміи состоитъ изъ Португальцовъ, недавно набранныхъ и сверхъ того еще подозрѣваемыхъ въ измбнѣ. Увы! шакія обстоятельства ни для кого неушбщительны! Хопя бы Лордъ Веллингтонъ одержалъ побѣду, то и въ шакомъ случаѣ мы осмблваемся сказать, что нбтъ извиненія для министровъ, которые завели храбрую армію въ столь опасныя обстоятельства и поставили Англию въ такое положеніе, что ей теперь угрожаетъ конечная погибель!

(*The Statesman.*)

Обозрѣніе заграничныхъ произше- ствій.

Ф р а н ц і я.

Уничтожены всѣ монастыри, находившіеся въ департаментѣхъ Генуезскомъ, Апеннинскомъ, Монпенотскомъ и Сѣверо-Альпійскомъ. Равнымъ образомъ уничтожаются же всѣ монастыри въ Великомъ Герцогствѣ Тосканскомъ. — Императорскимъ указомъ повелѣно Кардиналу Мори быть Архіепископомъ Парижскимъ на мѣсто умершаго Кардинала дю Беллоа. — Графъ Андреосси пожалованъ Великимъ Канцлеромъ Трехъ Золотыхъ Рунъ, а Графъ Шиммельпеннингъ Великимъ Казначеемъ сего же ордена. — По письмамъ изъ Иль-де-Франса извѣстно, что Англичане овладѣли островомъ Бонапарше, которой прежде назывался Бурбономъ. — Послѣ сраженія 27 Сентября въ Португалліи, Французскія войска вступили въ Коимбру, большой городъ, лежащій на половинѣ дороги между Алмейдою и Лиссабономъ. — Императорскимъ указомъ повелѣно наложить секвестръ на всѣ Англійскіе и колоніальныя товары, какіе найдены будутъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Въ слѣдствіе другаго указа, 19 Октября изданнаго, всѣ запрещенныя Англійскіе товары во всѣхъ зависящихъ отъ Франціи государствѣхъ и областяхъ должны быть по поимкѣ непременно сожигаемы.

Вестфальское Королевство.

Король повелѣлъ упразднить многіе монастыри. Принадлежавшія къ нимъ духовныя

еобызъ будуще получать пенсію отъ правительства, а монастырскія имѣнія продадутся съ публичнаго торгу. По примѣру Франціи и другихъ областей Рейнскаго Союза увеличены пошлины на колоніальные товары, которые отъ того чрезвычайно вздорожали. Фунтъ кофе и сахару продается по одному рейхсгалеру.

Неаполитанское Королевство.

Е. В. Король Іоакимъ возвратился въ Неаполь изъ Калабріи. Озданнымъ въ главной кватирѣ Сциллѣ приказомъ 26 Сентября объявлено войску, что предполагаемая экспедиція въ Сицилію отложена до другаго времени. Для защищенія береговъ Калабріи останутся при оныхъ всѣ канонерскія лодки и 6000 человекъ войска.

Баварское Королевство.

Октября 12 въ Минхенской придворной церкви совершенъ обрядъ бракосочетанія Баварскаго наследнаго Принца съ Принцессою Саксенъ - Гильбурггаузенскою Терезіею.

А в с т р і я.

Императоръ и Императрица пробывъ до 11 числа Октября въ Грецѣ, предприняли путь въ Кроацію и южную Спирію. Октября 12 Ихъ Величества находились въ Вараждинѣ.

А н г л і я.

Съ приплывшимъ въ Фальмутъ пакетботомъ получено извѣстіе о бывшемъ въ Лис-

сабонѣ заговорѣ. Положено было умертвить всѣхъ находящихся шамѣ Англичанѣ. По открытіи сего злоумышленія болѣе 300 чело-вѣкъ виновныхъ преданы смертной казни. Найдено великое множество разнаго оружія, въ похаенныхъ мѣстахъ скрыпаго. Къ исполненію заговора назначено было время, когда Маршалъ Массена сдѣлаетъ нападеніе на армію Лорда Веллингтона.

Д а н і я.

Наслѣдный Принцъ Шведскій 16 Октября благополучно переправился черезъ Бельтъ въ виду Англійскихъ судовъ, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ къ сѣверу и къ югу. Въ Фридрихсбергѣ былъ онъ принятъ Королемъ съ великими почестями. Въ Гельсингерѣ принявъ Лютеранское исповѣданіе въ присутствіи Архіепископа Линдблома и нѣкоторыхъ другихъ особъ, на другой день (21 числа) при пушечной пальбѣ съ крѣпости и съ кораблей отправился онъ на противоположащій Шведскій берегъ.

Ш в е ц і я.

Наслѣдный Принцъ Шведскій 2 Ноября торжественно прибылъ въ Стокгольмъ. Спусти два дни, онъ далъ присягу, послѣ ко-рой Государственныя Чины также присягали ему въ вѣрности и подданствѣ. Наслѣдный Принцъ принялъ имя Карла Іоанна.

(Изъ Гамбург. Корресп. и Рижск. Зрителя.)

Политическія извѣстія.

Въ Майнцѣ производится шеперь судъ надъ обличенными разбойниками, число коихъ проспирается до *ста шестидесяти пяти*.

Слѣдующіе военные чиновники, родившіеся во Франціи и находясь въ Австрійской службѣ воевавшіе прошивъ своего опечества, приговорены къ смерти за опсуществомъ (*per contumaciam*): Фельдмаршалъ-Лейтенантъ Деве, Генераль-Майоръ Маркетъ, Генераль-Майоръ Вакантъ, Капшанъ Деманде и проч.

Увѣряющъ, что прежній Король Голландскій намѣренъ жить въ Авспрійскихъ областяхъ, и что онъ за одно духовное имѣніе, лежащее близъ Вѣны, предлагалъ уже 250,000 червонцовъ.

До присоединенія Церковной области и Голландіи ко Франціи, сіе государство содержало въ себѣ 12,243 географическія квадратныя мили. Съ Церковною областью Франція получила 245, а съ Голландією 578 кв. миль; слѣдовательно шеперь проспространство ея состоиптъ изъ 13,166 миль квадратныхъ. Жителей во Франціи было 38 милліоновъ. Въ Церковной области считалось ихъ 900,000, а въ Голландіи 2,068, 438; слѣдственнно шеперь Франція вмѣщасштъ въ себѣ около 41 милліона жителей.

(Изъ Рижск. Зрителя и
Гамбург. Корресп.)

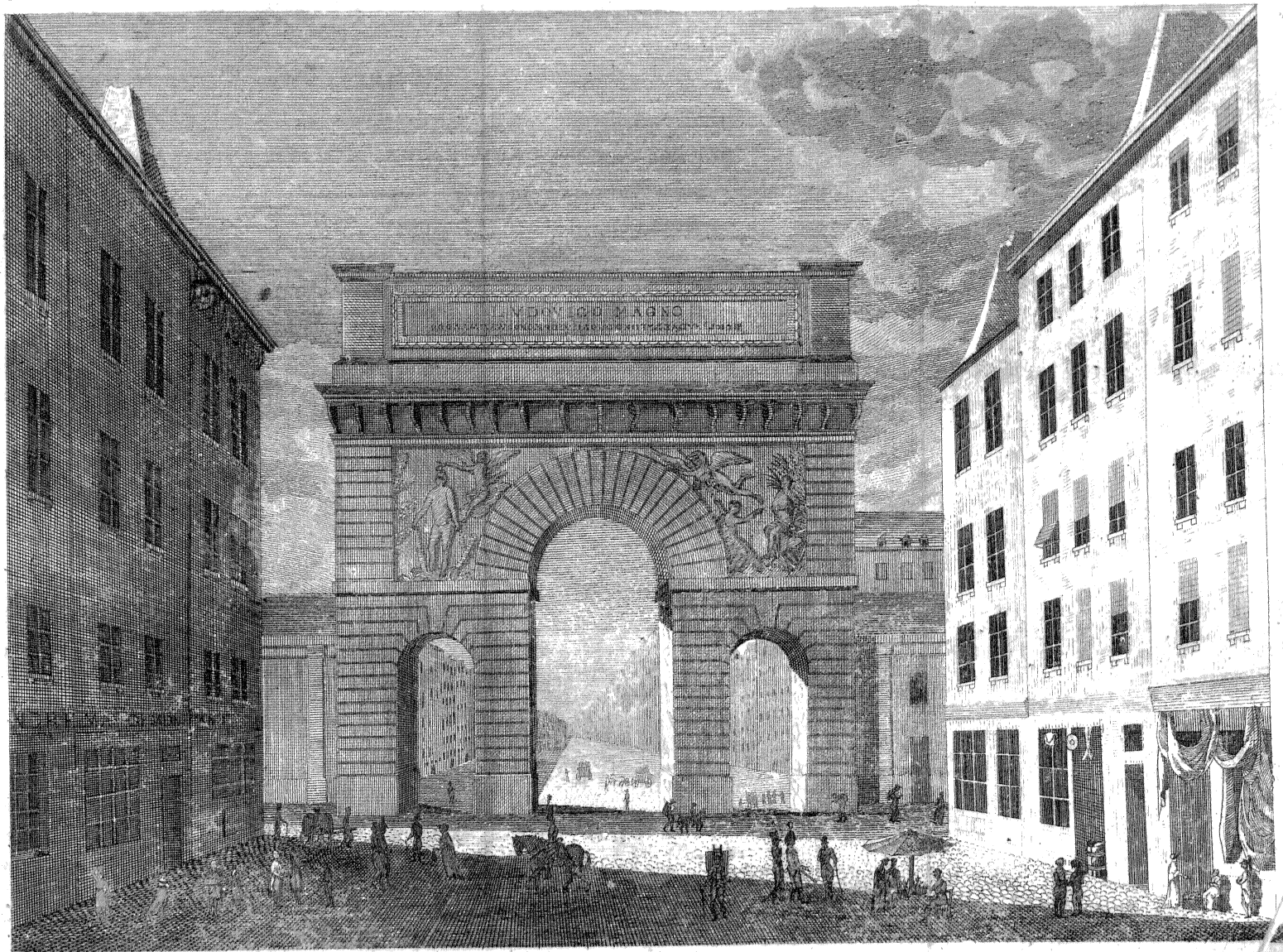
15 Ноября.

У в ъ д о м л е н і е .

Доставленные къ Издашелямъ отъ неиз-
вѣстной особы 50 рублей отправлены въ Ки-
евъ ко вдовѣ пасториѣ Бауршмитцъ (Вѣстн.
Евр. 1810 № 21 стр. 71).

Видъ триумфальныхъ воротъ Людовика, или воротъ св. Мартына въ Туринѣ
со стороны города.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Дорсанъ и Люція.

Новѣсть госпожи Жанлисъ ().*

Вольнисъ, проживши около десяти лѣтъ въ печальномъ изгнаніи, наконецъ возвратился въ семействомъ своимъ во Францію. Провѣдя нѣскольکو времени въ Парижѣ, отправился онъ въ деревню свою, находившуюся въ Бургони: онъ нашелъ ее совершенно разоренною; однѣ развалины жилищъ показывали по мѣсто, на которомъ некогда существовало селеніе многолюдное; по-

(*) Справедливая во всѣхъ подробностяхъ, говоритъ г-жа Жанлисъ. Люція невыдуманное лице; она существуетъ; счастливая супруга и мать. Кію ее знаешь, тому не трудно будетъ замѣнить, что списанъ мой весьма успешенъ оригиналу.

ля были запущены; господскій домъ, церковь, сады — все исчезло, повсюду являлись слѣды неисповодной руки испребишелей. Одна только бѣдная хижина уцѣлѣла; по было смиренное жилище Герара, прежняго управителя Вольнисова, старика добраго и необыкновенно честнаго. — Вольнисъ запрепепалъ, увидя ещѣ знакомую хижину, со всѣхъ сторонъ окруженную развалинами; она поразила его какъ древній величественный памятникъ; котораго многіе вѣки не могли низпровергнуть. . . . Нѣтъ сомнѣнія, что мы всѣ имѣемъ право оставить опечество; когда ширанство опшметъ у насъ свободу опправлять богослуженіе по закону опцовъ нашихъ, когда лишимся безопасности личной; но сколь же напрощивъ достойна будетъ удивленія нашего швердая неуспрашимость шого, кто, смѣло рѣшившись и самую жизнь пожерпвовать вѣрѣ, оппанется среди опасностей; и презритѣ гоненія вѣ надеждѣ принести опечеству пользу хотя малую по какому нибудь чувству привязанности; благодарности; дружбы. Гераръ изъ любви къ доброму господину своему остался во Франціи; ибо онъ надѣялся сберечь нѣкоторыя нужныя вещи, ему принадлежавшія; Провидѣніе спасло его отъ гибели; онъ онышѣ увидѣлъ добраго своего господина; онъ опдалъ ему сохраненный

имъ важныя бумаги, безъ которыхъ Вольнисъ конечно не избѣгнулъбы пядьбы, въ его положеніи чрезвычайно разорительной; нѣсколько драгоценныхъ вещей, серебра и портретъ Вольнисова отца шутъ же сохранены были Гераромъ. Вольнисъ, жена его Ельмира и дѣши ихъ Юлія и Карлъ должны были на время поселиться въ Гераровой хижинѣ — и добрый старикъ былъ въ себя отъ восхищенія.

На другое утро по прѣздѣ своемъ въ дѣревню; Вольнисъ и Ельмира, проснувшись очень рано, пошли осматривать по мѣсто, на которомъ нѣкогда находился и замокъ и цѣрковь — и самое основаніе ихъ исчезло; но благодаря попеченіямъ Герара, слѣды разрушеннаго Божія храма были еще замѣтны. Въ епой цѣркви, говорилъ онъ Вольнису, благословили нѣкогда бракъ вашъ. Въ то самое время, когда она была разрушена, посѣялъ я между развалинами множество ландышей, фіялокъ и рѣзеды — всѣ цвѣты взошли на слѣдующую весну; а на томъ мѣстѣ, гдѣ находился олтарь, посадилъ я молодое гебановое дерево — оно принялось, и вы найдете его шеперь во всемъ цвѣтѣ. Всякое утро на зарѣ приходилъ и съ женою и дочерью къ етому дереву — оно служило для насъ Божіимъ храмомъ; а мѣсто, на которомъ оно цвѣло, называли мы *церковною землей*; шамъ уже не было ни мрам-

жорнаго олшаря, ни прекрасныхъ образовъ, ни пѣзолоты богачей; но тамъ присутствовалъ самъ Господь: Онъ слышалъ наши молитвы, и Онъ ихъ исполнилъ; ибо добрые господа наши сохранены милосердіемъ Его, счастливы и опять вмѣстѣ съ нами. Подъ пѣвнью гебановаго дерева на маленькомъ дерновомъ холмикѣ стоить деревянный крестъ — я самъ его сдѣлалъ и самъ утвердилъ, какъ скоро опечесству нашему возвратили спокойствіе и религію.

Вольнисъ и Ельмира, взявшись за руки, пошли на мѣсто прежняго своего жилища — они молчали; сердца ихъ были расстроены. Около четверти часа продолжалось ихъ шествіе; вдругъ Ельмира задремтала; взорамъ ея представилась молодая гебанъ, кошораго вѣтви, обремененныя прекрасными какъ яркое золото блиставшими цвѣтами, пріятно склонялись на деревянный крестъ; она пожала Вольнису руку — супруги подходящъ и падающъ на колѣна у подножія креста, на томъ самомъ мѣстѣ, на кошоромъ за семнадцать лѣтъ соединились они союзомъ священнымъ. . . . О, какъ съ того времени любовь ихъ усилилась среди несчастій! . . . Съ какою живостію, съ какимъ глубокимъ чувствомъ благодарности возобновили они священную клятву, нѣкогда запечатлѣвшую ихъ

узы. Вольнисъ сѣлъ на дерновый холмикъ, и крѣпко поджавъ Ельмирину руку, сказалъ: Другъ мой! когда пвоя мапъ на самомъ епомъ мѣспѣ ввѣрда шебя моей любви и уступила мнѣ всѣ права свои надъ шобою, то она конечно надѣялась, что жребій дочери ея будетъ блестящій! . . . И что же я долженъ былъ раздѣлить съ шобою? . . . убожество и изгнаніе! Лучшіе годы жизни швоей прошекли подъ чужимъ небомъ, въ нуждѣ и печаляхъ! Но, другъ мой, безъ епихъ ужасныхъ несчастій я не узналъ бы ни швоего великодушія, ни силы швоего характера, ни всей чувспвишельности швоего сердца! — „Ахъ, Вольнисъ! сказала Ельмира, Богъ слышитъ меня, я не жалѣла обѣ ушратъ богашства, оплакивала одну потерю нашихъ друзей, и не могла быть спокойна; ибо я думала, что пы несчастливъ. Опреѣленіе мушины еспъ быть полезнымъ — но пысячи случаевъ могутъ или на время опдалишь его опъ епой великой цѣли, или и навсегда лишитъ его способовъ къ ней доспигушь. Женцина, определенная довольшвоваться жребіемъ скромнымъ, не сполько подвержена измѣненію форшуну: если она была нѣжною дочерью, вѣрною женою, доброю маперью, то всѣ уже пребованія судьбы ея совершенно исполнены; а ихъ исполнишь всегда въ ел шолѣ — не значитъ ли ешо повелѣвать своєю

судьбою? Лишившись чиновъ и богатства, ты потерялъ все средства служить отечеству и приобрести благородную славу; но я — я сохранила и друзей и супруга; а раздвываясь с ними изгнаніе, имѣла болѣе способовъ и любить ихъ и посвящать имъ все попеченія моей нѣжности. . . . Мой другъ! наше убѣжище было непышно; но въ епомѣ непышномъ, госпепрѣимномъ убѣжищѣ я не была ошдаляема ошъ тебя обязанностими общежитія и благоприснойности; а ты, не будучи развлеченъ ни честолюбіемъ, ни суешноспію придворной жизни, всегда былъ вмѣстѣ со мною. Ты одинъ заботился о воспитаніи нашего сына; каждый день видѣла я тебя добрымъ опцемъ, наставникомъ нѣжнымъ и неусыпнымъ; наконецъ одна я была повѣреннымъ твоихъ печалей, одна я была необходимою для тебя во всякую минушу жизни . . . въ какіе же дни, благопріятные для честолюбія и суешноспи, могла бы я насладиться такими чистыми благами?“ — Ельмира! сказалъ Вольнисъ: здѣсь ошдаешь тебя по счастью, которое такъ прогашельно побою описано — мы насладимся имъ, безъ всякой примѣси безпокойства, въ отечествѣ, окружены милыми намъ людьми. И самыя прежнія горести наши могутъ теперь послужить намъ въ пользу: онъ научаешь насъ опличаешь истинныя блага ошъ ложныхъ. Мы уже не

будемъ распочать нашу жизнь на суетное удовольствіе, ослѣплять глаза людей, намъ чуждыхъ; нашъ домъ не прослышетъ самымъ богатымъ и великолѣпнымъ въ провинціи: за то не спанемъ входить и въ долги, чпобъ угощать въ немъ такихъ людей, которыхъ сопутствуютъ скучное принужденіе и обряды; за то нашъ кругъ будетъ составленъ изъ друзей искреннихъ и намъ во всякое время пріятныхъ; никому не придетъ въ голову превозносить наши чудесные сады, въ которыхъ не найдешь ни сырыхъ грошовъ, ни поддѣланныхъ рѣкъ, ни шинисныхъ озеръ, ни пущныхъ гробницъ, ни новыхъ развалинъ, ни шумельныхъ кривыхъ дорогъ, опъ которыхъ прогулка превращается въ трудное путешествіе — за то, съ какимъ удовольствіемъ будемъ собирать плоды, собственною рукою нашею обработанныя! и какъ пріятно будетъ намъ, доживши до старости, сидѣть подъ тѣнью молодыхъ деревьевъ, нами воспитанныхъ, или нами насажденныхъ! О! благословляю Провидѣніе, которое жестокими, но благотѣльными и полезными уроками просвѣтило меня. Я знаю теперь, гдѣ обитаетъ прямое счастье! Оно въ поляхъ, оно посреди сельскихъ, пріятныхъ работъ; удалено опъ суетности и честолюбія, въ союзъ съ невинностію, природою, дружбою. И здѣсь я найду ещо сча-

стїе; но я обдзанъ имъ буду одной Ельмирой! . . .

Въ ешу минушу явились ихъ дѣти, копорья вели съ собою архисейшора, призваннаго изъ ближняго города, для сдѣланїя плана будущему Вольнисову дому. Назначили мѣсто; начертили планъ — прекраснаго, скромнаго и спокойнаго сельскаго замка, въ копоромъ ничшо нужное и служащее для истиннаго наслажденїя жизнию не было забыто. Потомъ началась и постройка: Вольнисъ и Карлъ сами смотрѣли за всѣми работами. Ельмира и Юлія между шѣмъ, съ помощію дочери Гераровой, горничныхъ дѣвокъ и двухъ или трехъ молодыхъ кресельяновъ, вышивали мебели — время летѣло, они его не примѣчали — наконецъ домъ опспроенъ, мебели гощовы, надобно разсвататься съ хижинною Герара.

И день переселенїя въ новое жилище былъ днемъ великаго торжества для всего семейства. Какое счастье наконецъ наслаждаться плодами собственнаго труда. И съ какимъ удовольствіемъ осматривали они всѣ горницы замка, убранныя просто, но нисшо и со вкусомъ. . . Ахъ! мой другъ, сказала Ельмира, мы уже никогда неоспазимъ ешаго восхищительнаго мѣста — здѣсь проведемъ послѣдніе годы жизни!

Полно скитаться! мы уже не удалимся отъ нашей родины, отъ счастливаго жилища нашихъ отцевъ! — Такъ Ельмира, отъвѣчалъ Вольнисъ, мы наконецъ пристали къ опеческому берегу послѣ несчастнаго плаванія по чужимъ морямъ. Вспи спокойную жизнь въ отчизнѣ, въ кругу семейства и милыхъ друзей — вотъ счастье совершенное, вотъ то, что я называю благословеніемъ Неба! *Ты будешь скитаться по землѣ безъ пристанища!* шакowo первое проклятіе противъ перваго преслупника, изреченное Создателемъ!... Онъ не сказалъ брагоубійцѣ: ты потеряешь силу, здоровье и бѣдспвеннымъ образомъ погибнешь; но Онъ возвѣспилъ ему всѣ печали, Онъ соединилъ для него всѣ горести и спраданія въ одномъ ужасномъ приговорѣ: *Ты будешь скитаться по землѣ безъ пристанища!* — О мой другъ! воскликнула Ельмира, отдали отъ себя сїи печальныя воспоминанія! . . . „Нѣтъ, Ельмира, онъ со мною неразлучны; но я сохраняю ихъ въ сердцѣ своемъ безъ всякой причины негодованія или злобы. Я менѣе спрадалъ, нежели другіе; ибо ничто не принуждало меня ненавидѣть, да и прежнія горести мои приготоовили меня къ живѣйшему наслажденію наспоаящимъ.

И въ эпошъ день счастье семейства Вольнисова увеличено было радостными изъ

вѣспіями изв Америки; онъ получилъ письмо отъ брата своего Дорсана, который увѣдомлялъ, что наконецъ оставляетъ Америку, и что Вольнисъ не въ продолжительномъ времени увидитъ его у себя въ домѣ.

Преходитъ мѣсяцъ — ожиданіе увеличивается; наконецъ оно обратилось въ нетерпѣніе. Въ одинъ вечеръ Вольнисъ и его семейство сидѣли на прекрасной терасѣ замка — вдругъ слышатъ они хлопанье бича, возвѣщающее прибытіе почтальона — бѣгутъ. Они не обманулись — посланный отъ Дорсана. Вольнисъ спрашиваетъ его о братѣ, узнаетъ, что Дорсанъ здоровъ, что онъ уже близко, что онъ черезъ нѣсколько минутъ будетъ въ замкѣ. Какая радость! Вечеръ былъ прекрасный. Вольнисъ, Ельмира и дѣти ихъ бѣгутъ на встрѣчу къ милымъ путешественникамъ. Вольнисъ болѣе чепырнадцати лѣтъ не видалъ Дорсана, съ которымъ до самой эпохи изгнанія не разлучался ни на минушу — можно вообразить его восхищеніе. Ельмира, всегда имѣвшая нѣжнаго друга въ Люціи, Дорсановой женѣ, раздѣляла Вольнисову радость, и Карлъ и Юлія не менѣе ихъ восхищались; они увѣряли, что очень помянутъ и любезнаго своего дядюшку и брата Феликса, и были въ великомъ нетерпѣніи увидѣть людей, родителемъ ихъ

еще близких и им самим заранее уже любимых. О льна счастья, в которых душа наша, еще неопытная, так быстро и так свободно предается привязанности и нужной, в которых для удовольствия в любви так мало размышления, так мало доказательств нам нужно, что кажется, будто невдомый таинственный голос говорит нам: для наслаждения милою мечтою не перяйте первых весенних льн вашей жизни.

Между пьм Вольнис, Ельмира и дьпи их вышли на большую дорогу — вдруг вдалек показалась карета — еще они — обгупь, лешапь — карета остановилась — слышались голоса — знакомые, милые; обнимаются, проливая сладкия слезы восторга . . . но в ешу минушу желаннаго соединенія инокшорое чувство прискорбья смьшано было с восхищительным ощущенем счастья, и иужность, которою сердце наполнено и самая радость свиданья напоминающь о горестях продолжительной разлуки, о драгоценных днях, проведенных в изгнаньи и невозвратно погибших для дружбы! . . . Мьспо встрьчи окружали пьнисья деревья; было шемно — желали и иьсколько спрашили увидь друг друга в лице; ибо распались во всем блиспаньи молодости и красоте,

а разлука продолжалась нештырнадцать спраш-
 шныхъ лѣтъ. Но Юлія, Карлъ и Феликсъ
 не могли имѣть ешаго безпокойнаго чув-
 ства; они вошли въ освѣщенную залу съ
 ожиданіемъ пріятнымъ; первый взглядъ
 Юліи встрѣтился съ первымъ взглядомъ
 Феликса, и онъ и она были прекрасны, и
 мысль, что они должны другъ друга любить,
 наполнила въ ешу минушу неизбясимую
 радостію ихъ сердце.

Люція, придцати шести лѣтъ, имѣ-
 ла еще всю живость блестящей красоты;
 сама Ельмира не замѣтила въ ней никакой
 перемѣны, а женщина въ ешомъ случаѣ,
 какъ и во многихъ другихъ, судитъ вѣрно,
 и взглядъ ея бываетъ столь пронцаде-
 ленъ, что ни малѣйшее измѣненіе на лицѣ
 другой женщины не можетъ ошъ него упа-
 иться.

Дорсанъ, проходя черезъ комнаты зам-
 ка, нѣсколько разъ воскликнулъ съ при-
 скорбіемъ: *Все новое! все перемѣнилось!
 ни одного восломианія! . . . ни одного
 признака первыхъ привязанностей и
 перваго счастья жизни! . . .* Но вошедши
 въ гостинную и еще разъ обнявши Вольни-
 са, онъ неизбясимо обрадовался, когда,
 окинувъ глазами предметы, увидѣлъ самыя
 тѣ же мебели, которыя вышивала нѣкогда машь

Ихъ — и бархатъ, и цвѣтъ, и узоръ, и самое дерево были шѣ же; но мебели назвались совсѣмъ обновленными. — Загадку объяснили: онъ видѣлъ работу Ельмиры и Юліи, но самый образецъ сохраненъ былъ Гераромъ. Ельмира сняла богатый апласный чехолъ съ большого кресла, споявшаго у камина — и Дорсанъ, увидя его, почувствовалъ въ сердцѣ своемъ прелесть невольный — на епомъ креслѣ обыкновенно сидѣла его мать! Надъ нимъ повѣшенъ былъ портретъ ихъ отца: Дорсанъ весьма долго съ чувствомъ благоговѣнія разсматривалъ епомъ образъ; все было въ немъ для него проташельно; самая древняя готическая рама имѣла особенную прелесть — она приводила на память прошедшее. Дорсанъ съ полными слезъ глазами пропнулся къ супругѣ своей руку. „О Люція! сказалъ онъ: для чего она въ епу минушу не съ нами! съ какимъ восхищеніемъ благословила бы себя моя мать за то, что сдѣлала ты для ея сына! Я, кажется, вижу ея слезы; кажется слышу, какъ она своимъ прѣшнымъ, проташельнымъ голосомъ благодаритъ мою Люцію за то, что она вопреки самой форшунѣ заставляла меня всякую минушу восхищаться жизнью!“ Люція заплакала; и еша минуша могла бы наградишь ея за все, когда бы нѣжность супруги уже давно не была для нее самою сладкою наградою. . . . Весь епомъ вечеръ

Прошелъ какъ одна восхищительная мигуша; но радость соединенныхъ друзей была задумчивая, казалась унылою: такова радость людей, прешерпывшихъ большія несчастія — сердце распрогано, чувствительность его сходствуетъ съ печалію.

Дорсанъ проснулся на другой день очень рано; онъ отворилъ окно, изъ кошораго были видны съ одной стороны новый садъ, а съ другой луга, орошаемые прекрасною рѣкою и на берегу ея дѣревни, рощи, зеленые пригорки. Новое положеніе замка было несравненно выгоднѣе и лучше стараго — но Дорсанъ по первому движенію сердца воскликнулъ съ нѣкоторою унылостію: „Боже мой! какъ это печально! Мнѣ кажется, что я на чужой сторонѣ — все видимое мною для меня ново и мнѣ совсѣмъ незнакомо.“ Съ такимъ же унылымъ чувствомъ прогуливался онъ и по саду; но въ вечеру, когда все семейство соединилось въ гостиной; это уныніе совсѣмъ исчезло; Дорсанъ опять увидѣлъ себя въ кругу ближайшихъ сердцу его людей; онъ чувствовалъ одну восхищительную радость соединенія. Вольнисъ, желая усовершенствовать удовольствія сего очаровательнаго вечера, просилъ Дорсана рассказать въ связи случившееся съ нимъ во все продолженіе изгнаннической жизни его, и ему почти неизбежное; ибо Дорсанъ очень мало

имѣлъ способовъ часто писалъ изъ Америки и многія изъ писемъ его были поперяны.

Дорсанъ весьма охотно согласился исполнить епо желаніе — говоря о себѣ, онъ долженъ былъ говорить о Люціи. Онъ сѣлъ между Ельмирою и ея дочерью. Ты помнишь, сказалъ онъ Вольнису, насъ направленія бапюшки, данныя намъ въ то время, когда онъ началъ думать о нашей женишьбѣ. Я повторю его слова, могущія для дѣшей нашихъ быть полезными. Друзья мои! сказалъ онъ: молодымъ людямъ всегда позволено избирать кругъ дѣйствія, приличный ихъ склонностямъ и дарованіямъ; но еша свобода необходимо должна согласоваться съ разумомъ и приличіями общежитія. То же самое надлежитъ наблюдать и при свободномъ выборѣ супруги: отецъ дастъ своему сыну епо право свободы съ тѣмъ необходимымъ условіемъ, чпобы онъ избиралъ не слѣпо, а согласуясь съ совѣтомъ разсудка. Чемъ выше занимаемая имъ въ обществѣ степень, тѣмъ менѣе позволено ему слѣдовать одному побужденію чувства: степени высокія можно называть пожертвованіями, копорыя любовь къ спокойствію дѣлаешь благородной любви ко славѣ. Супружество Государей имѣетъ единственную цѣлью благо общественное. Государь, соединя-

къ съ Принцессою; нимало ему неизвѣстною, дѣйствуетъ какъ отецъ своихъ подданныхъ, какъ истинный благотворитель отечества. И поржество брака его, освященное сими возвыщенными чувствами, должно производить всеобщую благодарность въ народѣ, ему подвластномъ. Частный человекъ имѣетъ въ епомъ случаѣ болѣе свободы, и онъ до нѣкоторой степени можетъ предаваться влеченію сердца; но со всѣми тѣми обязанностями фамиліи должны имѣть большое вліяніе на его поступки: за избраніе супруги отвѣчаетъ онъ и своему роду и своимъ потомкамъ. Я соглашаюсь, что отвращеніе исключаетъ союзъ; но также не менѣе увѣренъ и въ томъ, что не одна любовь должна его производить, и что любовь не есть необходимое условіе счастья. Вотъ правила, мой друзья — руководствуйтесь ими, ищите себѣ супругъ, которыя могли бы сдѣлать судьбу вашу счастливою; откройтесь мнѣ искренно, когда вы сдѣлаете выборъ, и знайте напередъ, что я и тогда соглашусь исполнить ваши желанія; когда бы самъ имѣлъ какіе нибудь и тайные и по моему мнѣнію болѣе выгодные планы для вашего супружества.

Такъ говорилъ нашъ добрый отецъ. Послѣдствія доказали, что онъ не имѣлъ причины раскаиваться въ снисходительности

спи къ своимъ дѣтямъ, а мы съ своей стороны должны все простить форшунѣ; ибо, не смотря на ужасные перевороты ея, въ выборѣ нашего сердца нашли мы и всѣ утѣшенія и награды.

Люція была семнадцати лѣтъ; а я имѣла не болѣе двадцати пяти, когда она опѣла мнѣ руку. Союзъ нашъ, заключенный въ обстоятельствахъ благопріятныхъ, предсказывалъ намъ въ будущемъ счастье: любовь, дружба, разумъ, фортуна, все было соединено для ушварженія ешого счастья.

Люція, извѣстно вамъ, родомъ Ирландка; она получила во Франціи по воспитаніе, которое въ свѣтѣ называется основательнымъ; она прекрасно говорила по англійски; любила читать, имѣла таланты — но вѣчно живучи въ столицѣ; она немогла находить пріятной деревенской жизни: чшобъ жить съ удовольствіемъ въ деревнѣ, необходимо надобно познакомиться и съ сельскими трудами.

Люція, въ епомѣ отношеніи совершенно несвѣдущая, не пренебрегла однако и добрыхъ пакъ называемыхъ деревенскихъ хозяекъ; но думала, что живучи при дворѣ и будучи богата, совсѣмъ неимѣла нужды

обращать вниманіе свое на то, какъ смотрѣть за пашнею, за скопнымъ дворомъ, за садомъ, за огородомъ. Я не былъ согласенъ въ ешомъ мнѣніи съ Люціею; но чувствовалъ, что имѣя обширныя семейственныя обязанности, живучи въ большомъ свѣтѣ и занимая блестящее мѣсто въ Версали, я по неволѣ обязанъ былъ, особливо въ первые годы молодости, отказаться отъ деревенской жизни и всякаго хозяйственнаго занятія. Я же имѣлъ тогда поля. Словомъ, мои обстоятельствова не позволяли мнѣ проводить болѣе одного мѣсяца въ деревнѣ. Мы прѣвзжали туда обыкновенно на Сенябрь, а въ началѣ Октябрия возвращались въ Парижъ. Все ешо время проходило въ праздникахъ и веселостяхъ; собесѣды были чрезвычайно скучны для Люціи, разговоры ихъ ее усыпляли: чшобы понять ихъ, всякую минушу надлежало просить или исполкованія словъ, или обьясненія предметовъ. А деревенскія дамы съ своей стороны также не знали, о чемъ разговаривать съ Люціею; онѣ посѣщали ее съ принужденіемъ, и время визитовъ проходило въ скучномъ молчаніи. Люція воображала, что она приводитъ ихъ въ замѣшательство своею свѣтскою ловкостію, своею пріятностію въ обращеніи; а выходило на повѣрку, что онѣ проспо дивились ея невѣжеству. Прелестная прих

дворная дама казалась смѣшною для провинціалокъ, а добрыя провинціалки были забавны и скучны для милой придворной дамы; надлежало привлекать къ себѣ общество изъ Парижа — играли комедіи, шанцевали, давали концерпы, и такимъ образомъ въ провинціи опдаленной возобновлялись блестящіе вечера Сенъ-Жерменскаго предмѣстія.

Я былъ влюбленъ и мнѣ легко было прощать моей Люціи ешу наружную неосновательность, — успѣхи ея въ свѣтѣ восхищали меня, а Люція была такъ непорочна въ поступкахъ, такъ удалена отъ всякаго жокешства, что сердце мое не могло быть смущаемо и швнїю безпокойства, и будущее всегда предспавлялось мнѣ восхищительнымъ. Люція, одаренная отъ природы здравымъ умомъ и глубокою чувствительностью сердца, не могла не предпочитать внутренно сему разсвянному образу жизни спокойныхъ и чистыхъ удовольствїй дружескаго круга; но она съ малолѣтства прїучена была думать, что женщина для пользы супруга своего и дѣшей необходимо обязана исполнять условїя общежитія, искашь благосклонности министровъ и людей сильныхъ, и если можешь, имѣшь въ своемъ домѣ общество блестящее. Правила сїи, копорыя будучи приняты въ

слишкомъ спрогомъ смыслъ, вовлекли многихъ женщинъ въ интригу; они весьма нравились женщинамъ вообще; и скажите сами, вѣрнѣе ли воображать, что предаваясь неограниченному разсвѣнью, исполняешь всѣ обязанности совершенной супруги и матери. Но въ епомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Люція отъ всего сердца была увѣрена, что ей не лзя поступать иначе. Думая, что исполняетъ обязанность общественную, полезную для насоящаго или для будущаго, она охотно принимала всякое приглашеніе на балъ и дѣлала визиты, весьма для нее скучные.

Такъ кружились мы въ епомъ вихрѣ свѣта, который, не разрывая нашего союза, безпрестанно похищалъ насъ другъ у друга, не рѣдко разлучались мы на цѣлой день, а счастье между шѣмъ улешало! Посреди ешаго непрерывнаго шума взаимное почтеніе оспалось невредимымъ; но любовь, истинная любовь, основанная на сладкомъ слѣянїи двухъ сердецъ, питаемая энтузіазмомъ, сія невинная, чистая любовь, одобряемая должностію, усиливаемая добродѣшелію — могла ли она неохладиться посреди сего суешнаго разсвѣнїя?

Всякая сильная спрасъ необходимо потребуешъ, чтобы мы шакъ сказать заклю-

чили себя въ самихъ себѣ: занимаясь ею, мы образуемъ ее и распаляемъ. Великія чувства не могутъ согласоваться съ въпреностію мыслей, а сильная, всегда владычествующая мысль оживляетъ чувствительность, воспаляетъ геній; любовь улаживается тайнымъ мечтаніемъ, которое заступаетъ для нее мѣсто размышленія, и пламя ея, сколь бы оно ни было сильно, должно наконецъ попухнуть, если она сама не будетъ его хранишь и безпрестанно давать ему новую пищу.

Наслажденія суешности очень скоро спановятся скучны. Прошло два года, и я уже пересталъ восхищаться успѣхами Люціи въ свѣтѣ. Дарованія, любезность и красота другихъ женщинъ сдѣлались для меня замѣшны. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на Люцію; но уже не она одна привлекала мои взоры, словомъ, я не былъ уже влюбленъ. Теперь признаюсь въ ешомъ охотнѣ; ибо тогда я видѣлъ въ Люціи одну любезную, доспойную почтенія женщину, и неимѣлъ никакого понятія о совершенствѣ ея характера, о несравненной чувствительности ея сердца; неимѣлъ никакого понятія о той высокой твердости, которая все презираетъ, когда покорствуетъ долгу, о томъ благородномъ и прогашельномъ помысленіи жребію, кошо-

рое не еспь унылое чувспво невольника-успуающаго необходимости жестокой, но шихая, безропшная надежда чиспой души, предающая себя въ волю верховнаго благошворящаго, непоспизимага Промысла; мнѣ не были извѣспны погда ни пошѣ высокой умѣ, ни па восхишипельная проспоба добродѣтели, копорыя находятѣ одно не-обходимое и весьма обыкновенное въ самыхъ героическихъ поступкахъ, если полько почиашѣ ихъ и возможными и полезными. Вопѣ шо неизчерпаемое богатспво счаспїя, копорое опкрыли намѣ наши гореспи! О, благословляю васѣ, спрданїя и бѣдспвія, данныя мнѣ Провидѣнїемѣ милосердымѣ!

Пяшый годѣ нашего супружеспва былѣ уже въ исходѣ, когда началась революцїя. Мы находились погда въ деревнѣ; беспреспанно предспавлялись глазамѣ нашимѣ явленїя ужаса; Люцїя была внѣ себя, и я уже начиналѣ опасашѣся, что она потеряетѣ разумѣ: ея душа, непорочная и чиспая, не могла бытѣ швердою въ при-сушспвїи преспулелїя. Они умершвашѣ шебя передѣ моими глазами, они разорвушѣ моего сына въ моихъ объшпїяхъ! намѣ надобно спсашѣся! скорѣе, скорѣе! шакѣ говорила мнѣ всякую минушу Люцїя. А въ ешо время еще не были мы угрожаемы ни-

какою опасностію ; но скоро попомб ужасныя произшествія принудили и меня и шебя оспавить Францію; шы перебжалъ вб Англію, а я рѣшился опсправиться на первомъ кораблѣ вб Америку. Я неимѣлъ никакого средства взять съ собою много денегъ, и долженъ былъ оспавить опечесиво безъ надежды, съ ужасною мыслію, что уже никогда не суждено мнѣ его увидѣшь!.. Но я спрадалъ еще болѣе, воображая, что Люція никогда не привыкнешъ къ етому спрашному переворопу нашего жребія! И чего же возможно мнѣ было ожидать отъ молодой женщины, едва ли имѣвшей двадцать два года, воспитанной вб нѣгѣ, вѣчно жившей роскошно, посреди удовольствій блестящаго двора, и показавшей пакую великую слабость при первыхъ волненіяхъ революціи. . . . Боже мой! думалъ я, какъ будетъ она переносить опасности и безпокойство продолжительнаго мореплаванія! какъ будетъ переносить томительную скуку уединенія и всѣ недоспапки убожества! . . . Я знаю, какъ велика ея набожность; какое ангельское она имѣетъ перпнїе! Она не позволишь себѣ ни одной жалобы, но будетъ спрадать; а я буду видѣшь ее унылою, горестною, несчастною. Я буду видѣшь ее увядающую вб цвѣтущіе годы жизни, и наконецъ она увянешъ! Какое мучительное зрѣлище! какія надежды!

и что же будетъ моимъ утѣшеніемъ! . . . Мысли сіи перзали мою душу! . . . О Люція! цѣлою жизнію моею не заплачу тебѣ за такую несправедливость.

Ужасы окружали насъ до самой минуты отплытія. Наконецъ мы взобрали на корабль — это случилось ночью. Люція имѣла на рукахъ Феликса. Увиди себя въ опасности, она бросилась ко мнѣ на шею. Милый другъ, благодари Бога! воскликнула она, мы уже не во власти злодѣевъ! Я раздѣлилъ съ нею ешу мгновенную радость, но скоро попомъ мучительное чувство наполнило душу мою; ибо я подумалъ, что мы принуждены *радоваться* въ эту минуту, въ копорую навсегда расстаемся съ отчизною, съ друзьями, со всѣми выгодами форшуны блестящей. . . Непрерывныя спраданія и безпокойство такъ изнурили Люцію, что она совсѣмъ почти не походила на самую себя. Она сидѣла на маленькомъ ларчикѣ, въ копоромъ заключено было все наше богатство; держала на коленяхъ сына, и старалась его усыпить. При свѣтѣ лампы, копорая отъ качанія корабля сіяла такимъ дрожащимъ и слабымъ свѣтомъ, что всякую минуцу казалась мнѣ угасающею, разсмапривалъ я ешу несчастную, блѣдную, полу-увядшую, но за нѣсколько мѣсяцевъ блиставшую всѣ-

ми прїятноспями свѣжести и здоровья... Подымался вѣтеръ, все предвѣщало бурю. . . . Я бросилъ на жертву грабителей наслѣдіе моихъ опцовъ, я поперялъ имѣніе, чины, преимущества знатнаго рода; какъ бѣдный изгнанникъ спремился я въ новый мїръ къ судьбѣ неизвѣстной, и въ шѣсномъ пространствѣ корабельной каюты видѣлъ все оставленное мнѣ форшуню, моего сына, мою жену и шопѣ легкїй ларчикъ, на которомъ она сидѣла и ешо все мое послѣднее, мое драгоценнѣйшее, ввѣрю я бурному морю, стихїи ужасной, обманчивой какъ па судьба, копорая намъ измѣнила, и грозной, какъ будущая наша участь!

Вѣтеръ усиливался безпрестанно. Онъ спрашнымъ образомъ свиспалъ между корабельными снастями; мачшы скрипѣли; паруса хлопали, и бурныя волны съ шумнымъ плескомъ перебрасывались черезъ палубу. Спокойствїе и нѣкопорая веселая ясность Люціина лица изумили меня; она все еще держала на колѣняхъ спящаго Феликса — но колебаніе корабля сдѣлалось шакъ сильно, что бѣдный младенецъ проснулся; онъ началъ кричать: Люція сѣла на полъ; я спалъ подлѣ нее на колѣни, чшобы помочь ей развеселить ребенка, копорый опѣспраха мешался и плакалъ. Успокойся, мой

сынѣ, говорила Люція, Создапель хранишѣ насѣ; Его покровишельспвомѣ спасены мы отѣ кинжала убійцѣ; Онѣ и шеперь надѣ нами; подѣ вѣрною защишою любви Его бѣжимѣ мы отѣ пресшупленія и нечешивыхѣ. О! будьте благословенны, вы спрашныя волны, вы грозныя вѣпры, удаляющіе насѣ отѣ земли, оскверненной убійспвомѣ и кровію! ... Буря не ужасаетѣ меня; она увеличиваетѣ быспрошу нашего плаванія.

Вѣшерѣ свирѣпспвовалѣ болѣе сушокѣ, и во все ешо время Люція непоказывала ни малѣйшаго спраха — оспапокѣ пушешествія нашего былѣ счасшливѣ, мы наконецѣ вѣ Америкѣ. Но гореспш неизвясимо пыжная наполнила сердце мое, когда мы приспали кѣ берегу. Ахѣ! можно ли равнодушно спупишѣ на чужую землю, если увѣренѣ, чшо долженѣ оспапшся вѣ ней на вѣки. Я чувспвовалѣ, чшо наконецѣ мой сынѣ и моя жена вѣ безопасности — и ешо меня ушѣшало; но сердце мое сильно спѣснялось, когда я смопрѣлѣ на обширное море, на ешу ужасную бездну, кошорая навсегда опѣдѣляла меня отѣ Европы — ахѣ! мнѣ казалось вѣ ешу минушу, чшо я распаюсь сѣ жизнию, и беспредѣльное проспранспво имѣло для меня подобіе смерпи, уничшожающей драгоцѣннѣйшія наши узы. Ни слава, ни самое обыкновенное самолюбіе,

не могли уже болѣе оживотворить бытїя моего, и что можешь значить одобреніе чужеземцевъ, когда наши соотечественники въ немъ не участвуютъ, когда похищена у насъ та награда, копорая одна была нашею цѣлю!

Первые мѣсяцы по прїѣздѣ моемъ въ Америку провелъ я въ Боспонѣ. Положеніе ешаго города, цвѣтущаго и многолюднаго, прелестно. Проживши нѣсколько дней въ пракширѣ, я вздумалъ переселиться къ одной спарой вдовѣ, госпожѣ Виллисѣ. Честный Англійскій купецъ, мой знакомый, давшій мнѣ епощъ совѣтъ, вызвалъ меня проводишь къ ней и бышь моимъ переводчикомъ; ибо госпожа Виллисѣ не знала Французскаго языка, а я въ то время еще ни слова не разумѣлъ по англійски. Мнѣ не хотѣлось возложить ешаго шруда на Люцію; ибо я внутренно былъ увѣренъ, что она найдетъ его непрїяннымъ. Я увидѣлся съ госпожею Виллисѣ: она показалась мнѣ доброю женщиною, но имѣла самую обыкновенную наружность и была до чрезвычайности болтлива. Какое общество для Люціи! А по условію надлежало и обѣдать и ужинашь за однимъ споломъ съ хозяйкою, елдовашельно проводишь съ нею большую часть нашего времени. Я съ крайнимъ огорченіемъ воспоминалъ, что Люція нѣ-

когда скучала обществомъ нашихъ провинціаловъ, изъ которыхъ многія были и умныя и любезныя: я былъ увѣренъ, что женщина, ни о чемъ кромѣ хозяйства не разумѣющая, будетъ несносна для Люціи. Надобно было однако рѣшившись объявить ей, что мы переселяемся къ госпожѣ Виллисъ и будемъ до тѣхъ поръ жить въ ея домѣ, пока я не найду купить какую нибудь маленькую хижину въ окрестности Боспона; ибо небольшія привезенныя мною изъ Франціи деньги хотѣлъ я употребить на разведеніе сада. Люція съ обыкновенною кротостію своею согласилась на мое предложеніе, и мы въ тотъ же день перебрались на новую кварширу. Госпожа Виллисъ безъ всякой пощады овладѣла моею женою; несносное лепешанье епой спарушки меня терзало; но Люція слушала ее со вниманіемъ, часто ей отвѣчала, и даже сама завсдила съ нею разговоръ. — Какое принужденіе, думалъ я, и епо принужденіе для меня неописанно пыгостное; ибо оно было оцупипельно для одной только Люціи, продолжалось болѣе чепырехъ мѣсяцевъ. Несмотря однако на шайную горещь мою, я имѣлъ утѣщеніе видѣть, что Люція спановидась часъ отъ часу здоровѣе, что на лице ея возвращалась прежняя свѣжещь, что красота ея разцвѣтала. Я приписывалъ епу счаспливую пере-

мѣну молодости, порядочному образу жизни, спокойствію, произведенному безопасностію; но я не могъ и вособразить, что бы госпожа Виллисъ не упомняла ее продолжительности своихъ разговоровъ; я даже невѣрилъ и словамъ Люціи, которая старалась мнѣ доказать, что госпожа Виллисъ очень пріятна, что разговоры ея могутъ быть весьма занимательны.

Дѣла мои всякой день заставляли меня уходить на нѣсколько часовъ со двора, и всегда по возвращеніи своемъ находилъ я или госпожу Виллисъ въ комнатѣ Люціи, или самую Люцію въ комнатѣ госпожи Виллисъ. Онѣ были неразлучны. Нѣсколько разъ хотѣлъ я сказать неопшутливой хозяйкѣ нашей, что она посѣщаетъ жену мою слишкомъ часто; но Люціи просила меня оставить ее въ покоѣ. Я считалъ ея одною любезною снисходительностію; но иногда приходило мнѣ на мысль, что Люція не можетъ сносить уединенія совершеннаго — а я намѣренъ былъ заключить ее въ пѣсную кижину! а я принужденъ былъ на вѣки разлучить со свѣтомъ милое существо, одаренное такими совершенствами, красотою, талантами! . . . Вѣднось не позволяла мнѣ имѣть и служанку; ибо намъ нуженъ былъ работникъ для сада, разумющій нѣсколько и поварен-

ное искусство! Чшождь будешь съ Люцією въ епомъ бѣдномъ жилищѣ! чшо можешь она дѣлать въ то время, когда я по цѣлымъ часамъ принужденъ буду рыться въ землѣ! чшо спанемъ мы говорить другъ съ другомъ! чшо будешь между нами общаго и въ упражнеїяхъ и въ чувствахъ! Она сокроетъ отъ меня свою скуку, а я принужу себя скрывать отъ нее свои печали — всѣ прелести нашего союза должны исчезнуть, и прелести любви и прелести дружбы; несносное принужденіе между нами поселится, и всѣ наши радости должны наконецъ погибнуть. И самый нашъ Феликсъ, можешь произвести между нами раздоръ. Люція будешь хотѣть, чшобы онъ имѣлъ прїятные паланшы и по образованіе, которое уже неприлично скромному нашему жребію; а я напрошивъ желалъ бы дать ему свиденія просьбы, но для него нужныя, желалъ бы вселить въ него любовь къ земледѣлю. — Таковы были мои мысли: онъ приводили меня въ опчаяніе, и тысячу разъ сожалѣлъ я, чшо не женился на простой провинціалкѣ, неимѣющей ни блестящаго ума, ни дарованій прїятныхъ, но пріученной довольствоваться уединеніемъ и находить счастье въ занятіяхъ хозяйства. Я могъ сносить перевороты фортуны; но мысль, чшо я уже не власенъ осчастливишь моей Люціи, была для меня несозна.

Прошло болѣе чешырехъ мѣсяцовъ съ поговремени, какѣ мы переселились въ домъ госпожи Виллисъ, а шѣсная дружба между ею и Люціею продолжалась по прежнему. Добрая спарушка была въ восхищеніи отъ Люціина характера, глядѣла ей въ глаза, предупреждала ея малѣйшее желаніе, и часто, пожимая руку ея, весело на меня посматривала и восклицала: *Harry husband! Harry husband* (*)! Но въ это время я слишкомъ далекъ былъ отъ счастія! . . . Наконецъ мнѣ удалось найти поблизоспи отъ Боспона опрящную хижину съ довольно большимъ садомъ, и также нанятии негра сорока лѣтъ, хорошо знающаго садоводство; я сдѣлалъ его и *кухмистеромъ замка*; ибо онъ объявилъ мнѣ, что умѣетъ варить мясо и зелень. Я купилъ нѣсколько проспыхъ мебели, небольшую шелегу и старую лошадь, на которой Иосифъ — имя негра — могъ бы два или три раза въ недѣлю возить наши плоды и огородную зелень на продажу въ Боспонъ, а изъ города привозить нужный столовый запасъ — хлѣбъ и мясо.

Въ исходъ Августа мѣсяца переселились мы въ нашу убогую хижинку. Не могу описать того, что я чувствовалъ и

(*) Счастливымъ мужемъ!

думалъ, когда мы къ ней приближались. На канунѣ казалось мнѣ епо жилище и прїяшнымъ и спокойнымъ; но въ шу минушу я находилъ его печальнымъ, ужаснымъ . . . шемницею для моей Люціи. Я переносился мыслию въ прежній Парижскій домъ нашъ, и, даже былъ въ замѣшательствѣ; какъ будто казалось мнѣ, что я одинъ причиною упадка нашей фортуны. Я не смѣлъ поднять своихъ глазъ на Люцію, опасаясь прочиташъ на лицѣ ея горестъ — наконецъ приближаемся къ жилищѣ, входимъ — слава Богу! сказала Люція, обнимая меня, шеперь имѣемъ приспанище собственное и спокойное! . . . По звуку ея голоса догадался я, что она плакала: епо отъ горести, подумалъ я съ нѣкоторою досадою; сердце мое оледѣнѣло; я не отвѣчалъ ни слова; мы вошли въ маленькой кабинетъ, назначенный мною для Люціи; потомъ въ другую горницу, болѣе просторную и лучше другихъ прибранную. Люція нашла въ ней горшки съ цвѣтами и нѣсколько фарфору. Досада моя показалась ей унылостію; она захотѣла меня развеселить и сказала съ улыбкою: какая роскошь, мой другъ! епаго я недобряю. Но слово *роскошь* приняло было мною за насмѣшку, досада моя увеличилась и я опять не отвѣчалъ ни слова. Въ епой же комнатѣ стояло и маленькое фор-

попіано. Епа вещь кажеться мнѣ полезною, сказала Люція; она можеть иногда служишь къ швоему развеселенію! . . . *Къ моему развеселенію!* воскликнулъ я съ гореспнымъ чувспвомъ: съ епой минушы ничшо, кромъ полезнаго шруда, не должно и не будеть меня веселишь. Понимая, что въ епихъ словахъ заключенъ былъ упрекъ, она сѣла за форпопіано и начала играть. Я успремилъ на нее глаза, и звуки инструмента прошиву воли засшавили меня сѣдрогнушься. Никогда прѣшная игра милой женщины не могла произвешти шакого шягосшнаго впечатлѣнїя . . . Люція играла мое любимое рондо; оно оживило въ воображенїи моемъ прошедшеіе дни нашего счастья; но въ епу минушу одна погибель счастливыхъ дней моеі Люціи приводила меня въ опчаянїе! . . . Я неслыхалъ ее съ самаго начала революціи. . . а шеперь видѣлъ передъ собою во всемъ блиспанїи молодоспи и красосы . . . епошъ образъ возобновилъ въ моемъ воображенїи веселыя сцены Парижа, а мысль о прошедшемъ живѣе засшавила меня почувспвовашъ, сколько гореспно было насшощее. Слушая музыку, смопря на Люцію, напрасно искалъ я вокругъ себя моего брата, его жены, его семейшва, моихъ друзей! . . . Я былъ одинъ, на опдаленномъ краю мїра, въ двухъ шысячахъ миляхъ опъ моеі

опчизны! . . . Сердце мое сплѣсилось и я принужденъ былъ послѣдно уйти изъ горницы.

Запасшись въ Воспонѣ холоднымъ ужиномъ, я былъ избавленъ въ шопѣ вечерѣ отъ непріятности предложивъ Люціи невкусное спряпанье нашего негра. На другое утро по нужному дѣлу отправился я очень рано въ городъ, сказавши Люціи, что возвращусь къ самому обѣду. Но дѣло мое кончилось очень скоро, и я возвратился гораздо прежде того времени, въ которое могла ожидать меня Люція. Мысль о худомъ обѣдѣ меня пугала: Юсифъ былъ очень неискусенъ въ своемъ ремеслѣ; онъ умѣлъ варить въ водѣ мясо и зелень — какая пища для женщины, которой вкусъ пріученъ былъ къ разборчивости изобиліемъ! и мнѣ казалось крайне жестокимъ осуждать ее не такую переменную въ образѣ жизни! . . . Я вошелъ въ кижину съ горесцію въ сердце. Увы! говорилъ я самому себѣ, я найду здѣсь несчастливую и довольную жребіемъ своимъ супругу; но шижую, непорочную жершву, подругу несчастія, перплбливую, покорную, безъ ропота увядающую въ поскѣ и скукѣ.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

О РХЕСТИКА:

О плясаньѣ и танцахъ.

Плясанье, подобно всѣмъ произведеніямъ вкуса, первоначально происшедшее отъ естественнаго побужденія, наконецъ мало по малу возведено на степень изящнаго искусства. Повсюду веселость бываетъ главною причиною онаго. Едва ли на всѣмъ земномъ шарѣ существуетъ народъ, который не имѣлъ бы своихъ веселыхъ плясокъ. Искусственное танцованье не сходствуетъ съ натуральною пляскою тѣмъ, что оно располагается по изобрѣщеннымъ правиламъ, съ намѣреніемъ разнообразными движеніями тѣла доставить удовольствіе.

Извѣстно, что нѣтъ ни одной степеніи, почти ни одного моральнаго чувства, которыхъ не можно было бы явственно и сильно выразить позатурою тѣла и движеніемъ членовъ; следовательно танцованье епольно же удобно есть къ усовершенствованію въ своемъ родѣ, касательно моральной

и спраспной выразишельности, сколько языкъ словъ и языкъ музыки. Но не всякая спраспная рѣчь есть спихотвореніе, и не всякое посредствомъ звуковъ извѣявленіе спраспи есть пѣніе; равнымъ образомъ не всякому, посредствомъ шаговъ и шѣлодвиженій, извѣявленію внуспренняго чувспва принадлежишь названіе панца. И пакъ прежде всего посмотришь, въ какомъ случаѣ шаги соспавляюшь панець. Рѣчь, заключающая въ себѣ единство содержанія и соспоящая изъ словъ, расположенныхъ по размѣру, есть спихотвореніе; звуки измѣренныя, расположенныя въ извѣспномъ порядкѣ соотвѣтспвенно главному пону, спановящя пѣніемъ; подобнымъ образомъ размѣренныя шага и шѣлодвиженія, приведенныя къ единству соотвѣтспвенно главному характеру, соспавляюшь панець.

И пакъ при каждомъ панцѣ надлежишь наблюдать вопервыхъ *мѣру* (*rhythm*), воппорыхъ опличительное выраженіе или *характеръ*. Мѣра, сама по себѣ, безъ всякаго спороннаго пособія можешъ сообщитъ движенію не только нѣкопорую прѣяшность, но даже и выразишельность, поняшную для внуспренняго чувспва. Такимъ образомъ живое шѣло удобно дѣлаешъ движенія, копорыя посредствомъ пакпа и мѣры, доспавляюшь удовольспвіе и въ по

же время опчастии выражаютъ быспрому, важность, ловкость, величїе и проч. Чпобы усилишь дѣйствїе шаковыхъ движеній, надобно соединить ихъ съ мѣзкою, коея шагъ и мѣра одинаковы съ шагомъ и мѣрою упомянутыхъ движеній; ибо ухо удобнѣе, чѣмъ глазъ, понимаетъ измѣренїе времени. Епо необходимо въ танцованьи: даже и шѣ народы, копорыхъ вкусъ еще не очистился, обыкновенно соединяютъ пляску съ мѣзкою. Прибавимъ теперь, чпо взгляды, ужимки, позитуря и шѣлдвиженія дають способы выражать всякое чувство, и мы увидимъ ясно, чпо танцованье можетъ сдѣлаться такимъ произведенїемъ вкуса, которое у всякаго другаго оспоришь преимущество въ силѣ естетической. Всякое расположенїе, души всякой нравъ и всякая снраснть могутъ быть выражены весьма значнтельно и сильно посредствомъ танцованья.

Танецъ, равно какъ и пѣсня, передъ другими произведенїями искусства имѣетъ еще и по преимущество, что онъ не только дѣйствуетъ на зрителей посредствомъ живаго *изображенія*, но чпо надъ душою самаго исполнителя имѣетъ гораздо большую силу, нежели какое-либо другое произведенїе искусства, на которое мы сможемъ, или которое слушаемъ съ удовольствїемъ. Пѣсня,

которую самъ я пою, дѣйствуетъ на меня гораздо болѣе нежели ша, которую я только слушаю: равнымъ образомъ танецъ производитъ величайшее дѣйствіе въ томъ чловѣкѣ, которой танцуетъ. Ни въ какомъ искусствѣ не примѣтно столь очевидной и сильной власти, какъ въ танцеваньи надъ танцующими. Известно, что нѣкоторые люди затанцовались до смерти: такъ велико было желаніе наслаждаться тѣми ощущеніями, которыя получающся отъ танцованья!

Изъ того слѣдуетъ, что посредствомъ танцовальнаго искусства можно сдѣлать очень много, если только умъ и вкусъ будутъ располагать онымъ. Почти вообще привыкли танцovanje почитать обыкновенною забавою, никакой особенной важности въ себѣ не заключающею, и ставить его на ряду со множествомъ увеселительныхъ но безполезныхъ игрушекъ; и такъ не удивительно, что не одному чиншателю покажется страннымъ или даже нелпымъ намрѣніе наше говорить здѣсь о танцахъ какъ о важномъ дѣлѣ; но мы должны сказать рѣшиительно, что хотя и всѣ изящныя искусства многими почитаются за ничтожную праздныхъ людей забаву, однакожь они чрезъ то ни мало не теряютъ своего достоинства.

Ежели разсудимъ, какую великую силу имѣютъ въ себѣ панцы, копя нѣсколько живые, какое удовольствіе доставляютъ они обществу панцующихъ, и какъ часпо въ особахъ, которыя прежде ничего не чувствовали другъ къ другу, поселяютъ взаимную склонность; по легко постигнемъ, что посредствомъ панцовъ можно возбуждать въ душѣ, доводить до значительной силы не только любовь и другія различныя чувства. А какъ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что посредствомъ взглядовъ, ужимокъ, позышуръ и движеній можно выражать всякое чувство; по не лзя и противъ того спорить, что можно составлять панцы, удобныя къ возбужденію и усиленію всякаго чувства, по желанію сочинителя.

Предположивъ сіе, мы должны согласиться и на то, что можно какъ для юношей панъ для людей зрѣлаго возраста изобрѣсти всякаго рода панцы, которыя служили бы упражненіемъ во всѣхъ благородныхъ чувствахъ. Для чего бы не изобрѣсти панцовъ, въ которыхъ выражалось бы уваженіе молодыхъ людей къ старшимъ, или паныхъ, гдѣ являлись бы скромность и умѣренность, швердость при несчастіи, бодрость при опасностяхъ, и для чего бы незаспаивать охотниковъ до панцованья упражняться въ сихъ или другихъ благо-

родныхъ чувстввахъ? Оставляя искуснымъ и просвѣщеннымъ танцовщикамъ сію полезную мысль произвести въ дѣйство, вычислимъ извѣстные роды танцовъ.

Вообще раздѣлить можно танцы на два рода: на *танцы веселящихся съ бесѣдъ* и на *театральные*. Первые изобрѣшены для занятія людей, собравшихся весело провести нѣсколько досужнаго времени; и для того они должны быть пріятны и легки, чтобы всякой могъ удобно имъ научиться. Танцы другаго рода заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе искусства и слѣдственно пруднѣ первыхъ; они исключительно принадлежатъ однимъ танцовщикамъ, и составляютъ главное ихъ упражненіе.

Общественные танцы въ помѣ сходны между собою, что нѣсколько особъ, согласившись вмѣстѣ, подъ звуки коротенькой мелодіи, имѣющей свой особенной характеръ въ движеніи, шапѣ и мѣрѣ, по опредѣленному направленію и съ оборотами дѣлаютъ извѣстное количество шаговъ, и одну фигуру повторяютъ нѣсколько разъ по своему желанію. Такіе танцы въ своемъ родѣ суть то, что въ музыкѣ пѣсни, которыя также состоятъ изъ нѣкотораго числа тактовъ и колѣнъ, повторяемыхъ нѣсколько разъ по произволу.

Каждой народъ имѣетъ свои собственныя танцы, изобрѣшенныя для увеселенія въ бесѣдѣ. Общее всѣмъ имѣетъ свойство состоятъ въ томъ, что въ нихъ, равно какъ въ пѣснѣ, выражается одно какое-нибудь чувство или состоянiе души. Такимъ образомъ въ пѣснѣ и въ танцѣ видно намѣренiе на нѣсколько времени продолживъ одинакое чувство, или продолжишь состоянiе, въ какомъ душа находилась. Въ однихъ сiе чувство есть радость, какъ на примѣръ въ Швабскомъ танцѣ; въ другихъ угожденiе и почтительность, какъ на примѣръ въ менуэтѣ, и ш. д. Сiи разныя танцы общественыя распространились по всѣмъ государствамъ Европы; нѣкоторыя изъ нихъ приняты, и бывають весьма часто употребляемы въ бесѣдахъ и собранiяхъ. Въ прочемъ изъ числа всѣхъ танцовъ едва ли не менуету принадлежитъ преимущественно. И въ самомъ дѣлѣ трудно найти другой танецъ, который былъ бы красивѣе, величавѣе и прiятнѣе менуета.

Танцы общественыя можно бы раздѣлить на два разбора. Къ первому должны принадлежать всѣ обыкновенныя танцы, выдуманныя и расположенныя для многихъ особъ и выражающiе счастiе или моральное чувство. Другаго разбора танцы могутъ выражать опредѣленный какой-нибудь ха-

рактёръ, и слѣдственно представляемы бытъ одною особою. Кажется такіе танцы были въ обыкновеніи у древнихъ Грековъ. Извѣстно даже, что у нихъ посредствомъ танца изображались характеры знаменитыхъ людей: Ахиллеса, Федры, Родопы. Очень можно понять, какимъ образомъ музыка и танцованье въ совокупности удобны изображать извѣстные характеры. Какъ простой танецъ, извѣствующій временное расположение души, сходенъ съ пѣсней: такъ соло - танецъ, изображающій какой - либо опредѣленной характеръ, уподобляется одѣ; музыка въ немъ должна бытъ расположена такимъ образомъ, чтобы при каждомъ повтореніи строфа играна была съ переменами, дабы танцовщикъ имѣлъ случай представляемой характеръ показать въ разныхъ мѣстахъ.

Театральные танцы представляются для всей публики танцовщиками, посвятившими себя сему искусству. Ихъ вообще раздѣляютъ на четыре класса: первой и самой низшей называется *гротескъ*. Характеръ его состоитъ въ безчинствѣ и нелѣпыхъ странностяхъ. Въ немъ показывающіяся необычайные скачки, дурачкія пѣлдвиженія, увеселенія и забавы людей послѣдняго разбора. Тутъ ненужно спрашивать ни объ изящномъ вкусѣ, ни о точной соотвѣст-

вѣнности въ танцахъ между пляскою и музыкою. Сей танецъ пребуещъ особенно силы и напряженія.

Но второму классу принадлежатъ танцы *комическіе*. Въ нихъ находится уже менѣе спранныстей; а болѣе изображающія нравы, увеселенія и любовныя шалости простаго народа. Движенія и скачки быспрыя, живыя и рѣзвыя, однакожъ гораздо пристойнѣйшія прежнихъ. Достоинство сихъ танцовъ состоитъ въ живости, быстротѣ и рѣзости.

Въ третьемъ классѣ заключаются танцы, называемые на техническомъ языкѣ *полу-характерами* (*demi-caracteres*). Содержаніемъ ихъ бываетъ произшествіе, взятое изъ общежитія, или комическій театральный характеръ, или любовная исторія, въ которой дѣйствуютъ люди средняго сословія. Здѣсь пребуещя еще болѣе пристойности, пріятныхъ шлодвиженій и поступковъ, располагаемыхъ по правиламъ хорошаго вкуса.

Къ четвертому классу относящіяся танцы *важныя*, въ которыхъ дѣйствуютъ лица трагическія. Иногда состоятъ они въ соло-танцѣ, изображающемъ одинъ важной-либо важной характеръ; а иногда

въ цѣломъ дѣйствіи. Здѣсь потребны всѣ пособія искусства, служащія къ выраженію чувствъ благородныхъ и возвышенныхъ. Такой величественной панецъ, представляющей определенное дѣйствіе, называется *балетомъ*.

Каждой изъ сихъ четырехъ классовъ театральнаго танцованья можетъ быть раздѣленъ на два рода. Въ однихъ изображаются только нравы и характеры; въ другихъ содержится полное дѣйствіе съ завязкою и развязкою. Въ первомъ случаѣ разныя явленія неимѣютъ никакой связи между собою; довольно, ежели характеры въ нихъ хорошо выдержаны; въ прочемъ ~~балетмейстеръ~~ можетъ по своему произволу выводить на сцену лицъ болѣе или менѣе, наблюдая только выгоду переменны и разнообразія. Но во второмъ случаѣ, при расположеніи дѣйствія, онъ непременно долженъ руководствоваться точно нѣкими правилами, какія предписаны для драматическаго стихотворца; а отъ танцовщиковъ требуется искусной игры пантомимической, чтобы дѣйствіе представлено было какъ возможно вразумительнѣе. Отъ того сїи панцы въ особенности называются пантомимическими.

Пантомимическіе панцы важнаго содержанія за нѣсколько лѣтъ передъ симъ

введены въ употребленіе извѣстнымъ Новерромъ, копорой до того еще времени издалъ свои *Письма о танцованьи* (*), гдѣ весьма основательно предложилъ теорію сего искусства. Балетмейстеры непременно должны читать какъ письма сіи, такъ и другія сочиненія, написанныя Новерромъ о пантомимическихъ балетахъ, данныхъ имъ въ Вѣнѣ.

Театральныя танцы представляются иногда въ самой драмѣ, очень рѣдко между актами, а чаще по окончаніи оной; все сіе относится единственно къ оперѣ, съ другими же драматическими сочиненіями танцы не имѣютъ никакой связи. Т.

(*) *Lettres sur la Danse par M. Noverre.*

III. КРИТИКА.

*Отзывъ на Изъясненіе противъ
криптики на Изслѣдованіе баннаго
строенія (*).*

Людямъ, которые нелюбятъ Русскихъ бань и нечитаютъ Русскихъ лѣтописей, можетъ быть съ перваго еще разу показалась странною охота ломать голову надъ *баннымъ строеніемъ*. Чтожъ скажутъ они теперь, когда выйдутъ уже четвертая шапка о томъ же самомъ предметѣ! Пусть они удивляются и пожимаютъ плечами, сколько угодно. Мы знаемъ другихъ людей, достойныхъ почтенія и довѣренности; для нихъ не все равно, будетъ ли написано въ исторіи нашего отечества: *Ефремъ Елисколь Переяславскій построилъ церкви съ куполами*, которыхъ до того времени въ Руси не было, или: *Ефремъ Елисколь построилъ каменные бани*. Въ счастію г. Сочинитель Изслѣдованія принадлежитъ къ по-

(*) См. Вѣстн. Евр. 1810 No 18 стр. 145 = 154.

слѣднимъ, и я увѣренъ, что опъзывъ сей будетъ имъ принятъ благосклонно. Въ прочемъ несмѣю пребоавать его согласія на мое мнѣнїе; ибо знаю, что всякая система дорога и любезна родительскому сердцу своего избрѣшапеля, едва ли не дороже хорошихъ стиховъ для пїиша. А какой пїишъ непочитаешь стиховъ своихъ хорошими!

Г. Сочинитель Изслѣдованїя умспвуетъ такимъ образомъ: созиданїе градовъ *никогда* (*) не опнослось у насъ къ обязанностямъ Архіереевъ, но свое *всегда* было предметомъ попеченїя свѣпской верховной власпи; слѣдовательно Епископъ Ефремъ неспроилъ града. Я умспвую по своему: созиданїе градовъ *иногда* опнослось къ обязанности Архіереевъ, какъ видно изъ приведенныхъ мною свидѣпельствъ (**); слѣдовательно могло спашься, что и Епископъ Ефремъ поспроилъ каменную городскую спѣну въ Переяславль. Г. Сочинитель Изсл. мою логику называетъ спранною. Она самая обыкновенная, а только въ семъ случаѣ непоходитъ на логику г - на Сочинителя Изслѣдованїя.

Между *градомъ* и *городомъ* не менѣе сходства какъ между *мразомъ* и *морозомъ* ;

(*) Изсл. о банн. спршен. стр. 28.

(**) Вѣстн. Евр. і810 No 1. стр. 64.

прагомъ и *лорогомъ*, *враномъ* и *ворономъ* и множествомъ другихъ словъ однозначительныхъ, но выражаемыхъ буквами различно, смотря по разности нарѣчій. Г. Соч. Изсл. находить превеликую разницу между *градомъ* и *городомъ*: первое слово значить у него только нынѣшнее (*) городъ (*urbs*, *une ville*), а послѣднее только стѣну или огражденіе (*murus*, *un mur*). Сколь ни нужно ему, чтобы все сіе было справедливо и почто; однакожь я не могу скрыть, что *градъ* и *городъ* употребляющіяся безъ различія въ одинакомъ знаменованіи вмѣсто нынѣшняго слова городъ и вмѣсто ограды. Вотъ примѣры: „Въ лѣто 6545, заложи Ярославъ *градъ* великій (*стѣну около Кіева*), у него же *града* сушь врата златыя (**). — Въ лѣто 6622 въ Новгородѣ Мстиславъ заложи *городъ* болѣе перваго, а Павелъ, посадникъ Новгородскій, заложи Ладогу *градъ* каменъ (***) . — Въ лѣто 6624 Ярополкъ Володимиричъ срубилъ *градъ* Желни . . . и вѣдша ему (п. е. Леону) *городовъ* Дунайскихъ нѣсколько . . . въ Дерспрѣ *городъ* Дунайскомъ . . . *городъ* при Половецкїя (****).“ Такихъ примѣровъ

(*) Изсл. о банн. строен. стр. 28, 29 и 30.

Вѣсп. Евр, 1810. Но 18. стр. 146.

(**) Несп. по Кенигсб. стр. 105.

(***) Тамъ же стр. 177.

(****) Тамъ же стр. 178.

нашлось бы очень много; слѣдовательно до-
казательства и увѣренія г-на Соч. Изсл.,
будто Ефремъ построилъ почто *мона-*
стырскую стѣну, а не что-либо другое,
оспаются щещными.

Толкованіе слова *Лавра* сюда не при-
надлежитъ. Скажу однакожъ для оправда-
нія себя, что я упоминалъ о *Печерской*
Лаврѣ въ слѣдъ за г-мъ Сочинителемъ, ко-
гда надлежало бы говорить о *Монастырѣ*
Печерскомъ, и что я совсѣмъ неимѣлъ
желанія именовать *Лаврою* одну церковь,
а не всѣ зданія монастырскія. Въ прошив-
номъ случаѣ мнѣ совсѣсно было бы передѣ-
лѣми авторами, у которыхъ всегда можно
выправиться о значеніи сего слова (*).

(*) *Монастырями* назывались общежитель-
ныя обители, а *Лаврами* отдѣленные ке-
лии опшельниковъ. Дю Канжъ въ Гречес-
комъ Словарѣ на страницѣ 792 между про-
чимъ ссылается на узаконеніе Никифора
Фоки, повелѣвшаго строить *Лавры* въ пу-
стыняхъ: *κελία δὲ καὶ τὰς καλεμενάς Λαύρας ἐν*
ἐρήμοις οικοδομῆν. Далѣе говоритъ, что въ *Лавры*
принимаемы были заслуженные монахи, дол-
го жившіе прежде въ обителяхъ: *Id porro*
duntaxat observandum in Lauras non admisso
nisi qui in coenobiis annos complures exegissent,
atque in vita monastica emeritos. Любопыш-
ные найдутъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія въ
Латинскомъ Словарѣ того же автора въ IV
№ 23. Π

Весьма справедливо замѣчаетъ г. Соч. Изсл., что въ Кіевѣ слово *баня* употребляется теперь въ значеніи церковной главы; но важныя причины заставляющія меня думать, и даже утвердительно сказать, что при Неспорѣ оно совсѣмъ неизвѣстно было въ семъ знаменованіи. Ибо: 1 е, Кіевъ тогда еще не былъ подѣ господствомъ Поляковъ, называющихъ банями шарообразныя вещи; 2 е, слово баня за церковную главу и теперь употребляется только въ просторчій; 3 е, въ лѣтописяхъ и въ Патерикѣ Печерскомъ на многихъ мѣстахъ куполы называются *верхами*, а опіюдь не банями. „Въ лѣто 6616 заложена церковь Святаго Михаила *золотоверхаго* (*) . . . Въ се же лѣто кончаша *верхъ* святыя Богородицы на Кловѣ (**). . . Сей же сполѣ спа первѣ на прапезницѣ каменной, яко невидѣти бысть креста, и постоявъ мало, спупи на церковь, и спа надѣ гробомъ Θεодосіевымъ, и по помѣ вступи на *верхъ*, аки къ воспоку лицемъ, и попомѣ невидимъ бысть (***)“

Томѣ на стр. 81, и у Гиббона въ The History of the decline and fall of the Roman Empire, chap. XXXVII.

(*) Лѣтоп. Неспор. по Кенигсб. еп. стр. 174.

(**) Тамъ же.

(***) Тамъ же стр. 175.

Нашколенный Малороссіянинъ (*) по-
ступается очень хорошо, когда слѣдуя об-
щему употребленію, называетъ каждую вещь
присвоеннымъ ей именемъ, куполъ *верхомъ*,
главу *банею*, и за то укоряетъ его со-
вѣтъ недолжно; равно какъ недолжно пола-
гаться на просаго Малороссіянина, хотя
бы онъ дышалъ чистымъ провинціальнымъ
воздухомъ (**), если онъ называетъ и ку-
полъ *банею*, и главу *банею же*, или еще и
банькою. О сооруженіи и украшеніи ка-
менный Печерскаго Монастыря церкви въ
Синописѣ написано: „Помосиѣ церковный
„весь шакожде ошѣ различныхъ шаровъ ка-
„меніями и всякими узорами бысѣ насаж-
„денный; *главницы* же позлащенны бяху,
„а крестѣ на *версѣ* церкви великія ваги,
„по есѣ всу“. . . : Архимандритѣ Ин-
ноненшій Гизель былѣ; кажется, нашко-
ленный Малороссіянинъ, и дышалѣ не чи-
стымъ провинціальнымъ воздухомъ: иначе
ему надлежало бы здѣсь *главницы* и *верхѣ*
назвать *банями*.

Г. Сочинитель Исслѣдованія предла-
галѣ, что Свяшитель Ефрему неприлич-
но было спростѣ общенародныя бани; какъ
нѣчто плошугодное; что *новѣйшіе* писа-

(*) Вѣст. Евр. № 18 стр. 149:

(**) Тамъ же стр. 151.

пели вмѣсто церковныхъ куполовъ поставившіе парильныя бани, начали къ онымъ присоединять свои больницы и врачевства, и что санъ Епископа, обитель монаховъ, общенародныя бани и духъ тогда господствовавшій въ иноческихъ обществахъ все несопрягаются (*). Желая доказать, что къ монастырскимъ заведеніямъ принадлежали бани и больницы, и что народныя бани, больницы и врачи прибавлены къ Неспорову сказанію не *позднѣйшими* *былописателями*, начиная съ *Талищева*, какъ утверждалъ г. Соч. Изсл., я указалъ на Уставъ Владиміра великаго, напечатанный въ Древней Россійской Вивліюикѣ и на Спенненую Книгу, изъ коихъ въ первомъ упоминается о монастыряхъ и *баняхъ ихъ и врачахъ и больницахъ*, а въ послѣдней сказано, что Ефремъ „замысли *банное учрежденіе*, и *врачеве и больницы* уготова. Ссылаясь на упомянутыя книги, я имѣлъ въ мысляхъ только то, что еще въ шестнадцатомъ вѣкѣ присоединяли къ монастырямъ бани и больницы, и опнюдь недумалъ отдавать преимущества Вивліюикѣ передъ Неспоровою лѣтписью, по причинамъ, безъ сомнѣнія, извѣстнымъ самому г-ну Сочинителю Изслѣдованія. Историческая достоверность для меня

(*) Изсл. бан. спрочен. стр. 27 и 28.

по крайней мѣрѣ столько же, сколько и для него, драгоценна.

Оставимъ теперь древнія бани роскошныхъ сластолюбцовъ, изобрѣпенныя для плошпоугожденія, и будемъ говорить о пѣхъ невинныхъ, полезныхъ омовеніяхъ, въ которыхъ не могли оппказывать себѣ и самые набожные монахи, особливо же въ случаѣ болѣзни. Упошребленіе бани съ давнихъ временъ почишалось врачеваніемъ и опрадою для болящихъ. Младшій Плиній, описывая состояніе больного, продолжаетъ: „онъ (больной) ни кому не завидуешь, ни кому не удивляешь; никого не презираешь, не слушаешь язвительныхъ рѣчей и не пишается злословіемъ; только и мечтаетъ о баняхъ и источникахъ. Въ томъ состояшъ всѣ заботы его, всѣ желанія (*)“... Въ другомъ мѣстѣ онъ жалуется, что множество дѣлъ не дозволяетъ ему на свободѣ упражняться въ наукахъ и забавляться рыбною ловлею и звѣриною охотою, къ которымъ, говоритъ Плиній, не менѣе спремлюся желаніемъ, какъ больные къ вину, банямъ и источникамъ (**). У Брункія, въ Собраніи Греческихъ стиховъ (***) , находитпся епиграмма, въ кошо-

(*) С. Plin. Caes. Sec. Epist. Lib. VII. ep. 26.

(**) Ibid. Lib. II. ep. 8.

(***) Brunckii Analect. T. III. pag. 223. *eis* λσ-

τρον ἐν Πρωμέτφ.

рою нѣкоего священника Александра называющъ преславныя мудрости звѣздою (σοφίης ἐρικυδέας ἀστήρ) за то, что своимъ издивеніемъ построилъ онъ общественную баню. Въ старину сочиняли похвальные стихи банѣ и приписывали ей почти невѣроятныя цѣлебныя свойства. Для нѣкоторыхъ чашапелей прилагаю, взятое изъ того же Брункіева Собранія (*), одно стихотворное сочиненіе, изъ котораго видно, что симъ врачевнымъ средствомъ между прочимъ разгоняющся сгустившіяся мокроты, испребляется излишняя желчь, осприщса зрѣніе, очищается слухъ, сохраняется память, и даже освѣщается разумъ. Въ Греческихъ монастыряхъ, которые для нашихъ служили образцами, такія бани принадлежали въ больницамъ. Врачъ Іоаннъ Комнинъ въ описаніи горы Аѳонской упоминаетъ о находящихсѣ въ Великой Лаврѣ

(*) Т. III, pag. 245. Λατρὸν ἔπαινος.

Πολλῶν τὸ λατρὸν αἴτιον φαρμακίων.
 Χυμὸς κατασπῶ, Φλέγματος λύει πάχος,
 Χολῆς περιττὸν ἐκκενοῖ τῶν ἐγκάτων,
 Τὰς θελξιπίκρας κνησμονὰς καταδενεῖ,
 Τὴν βλεπτικὴν αἰσθησιν ὀξύνει πλέον,
 Ὡτων καθάρει τὰς πόρας δυσηκόοις,
 Μνήμην φυλάττει; τὴν δὲ λήθην ἐκφέρει,
 Τρανοῖ τε τὸν νῆν πρὸς νοήσεις εὐθέως,
 Τὴν γλωτταν εὐκίνητον εἰς λόγους ἔχει,
 Ὄλον τὸ σῶμα τῇ καθάρσει λαμπρύνει.

св. Аѳанасія больницахъ и баняхъ (*). Въ монастырѣ Вапопедѣ, по свидѣтельствующаго же Комнина, была баня весьма удобная для недужныхъ (**). Въ путешествіи извѣстнаго Пѣшеходца Григоровича, при описаніи Аѳонской Лавры Св. Аѳанасія сказано: „Лупронѣ, по естѣ баня или мыльница общая съ пекущею водою, въ ней же иноцы не пѣлеса омываюшъ (сіе бо *„пльмъ“* возбранено издревле) но одры и *„жипоны“* (***)“. Подумаюшъ можетъ быть, что я прошиву себя даю оружіе; совсѣмъ нѣтъ; напрошивъ того словами Григоровича доказываю, что въ другихъ монасты-

(*) Montfaucon Palaeogr. Gr. pag. 452. Правда, что Моншфоконѣ τὰ βαψηναρῖα переводитъ: toxularia, точило, гдѣ виноградъ выжимаюшъ; однакожъ другіе подѣ симъ словомъ почто бани разумѣюшъ. См. Jacob Elsners Fortsetzung der neuesten Beschreibung der Griechischen Christen in der Turkey. Berlin 1747.

(**) Ἐχα καὶ λειτῶν ἐν αὐτῷ χρῆσιμον διὰ τῆς ἀδελφείας . . . καὶ τὰ λοιπὰ τοῦ μοναστηρίου εὐμορφῆ καὶ ἐξαισίου ἤγουν νοσηκόμαον, βαπταρῖον, ἐλαοτριβῆον, καὶ τὰ ἄλλα καθὼς καὶ τὰ τῆς μεγάλης λύρας. Ibid. pag. 466.

(***) Пѣшех, Вас. Григоровича путешествіе изд. втор. С. Пецерб, стр. 528. Къ спашіи предложу крашкія выписки, по которымъ заключать надобно, что Григоровичъ принадлежалъ къ числу Малороссіянъ *нашколеныхъ*. Стр. 142. Монастырь Вапопедѣ церковь начальную имѣетъ велику и лѣпу,

ряхъ бани для иноковъ были дозволены; а иначе не для чего бы упоминашь пущест-
ственнику, что омовеніе * возбранено въ
въ лаврѣ св. Аѳанасія, разумѣется здоро-
вымъ. Наконецъ скажу, что при мона-
стырскихъ баняхъ находились опредѣлен-
ные приспавы, которые у Грековъ назы-
вались *Balaneus*, а у Латинъ *balneator*.
Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ они получа-
ли отъ келаря хлѣбъ и похлебку въ тѣ
дни, когда пригошляли баню для бра-
тїи (*).

Молитвенный домъ называется церк-
вю не по куполу; истина неоспоримая.
Но дѣло въ томъ, что Греческіе мастера
призваны были въ Русь еще при Владиміръ
великомъ, и что церковь Десятичная и
объ Софійскія, въ Кіевѣ и въ Новгородѣ,
построены за нѣсколько лѣтъ прежде 1089
года, т. е. прежде построенія Епископомъ
Ефремомъ церкви св. Михаила въ Переясла-
влѣ. Для сооруженія чудеснаго купола на
церкви св. Петра въ Римѣ потребенъ былъ
умъ необыкновеннаго художника; а церк-

главы покровены мѣдію сунь, и проч. — Стр.
559... Ковчегъ большой златокованный, на-
подобіе гробницы или церкви съ *главами*
и крестами. — Стр. 647. *Верховъ* имать че-
тыре лѣнообразныхъ.

(*) Du Sange Gloss. Latin. pag. 963.

ви Софійскія, въ Кіевѣ и въ Новѣгородѣ, безъ сомнѣнія не огромностію уподоблялись Констанцинопольской; слѣдовательно не для чего было спростать имъ безъ куполовъ. Почтенный Сочинитель Изсл. перечитавши вновь спорное мѣсто въ печатной лѣтописи по Кенигсбергскому списку, можетъ быть усумнился, почто ли слова *сего же не бысть прежде въ Руси* (*) описаны къ одному банному строенію (положимъ на часъ, будшо бы оно значило верхи церковные); и можно ли сказать о куполѣ, *заложилъ* банное строеніе.

Вотъ проспанное, хотя въ прочемъ недоспапачное, разсужденіе о баняхъ! Та-кіе споры между любителями опечеспвенныхъ древностей продолжались будуще, и едва ли не бесполезно, до сихъ поръ, пока

(*) *Лѣтоп. по Кенигсб. списку стр. 130.*
 Въ се же лѣто освящена бысть церковь свя-
 шаго Михайла Переяславская ю же бѣ создалъ
 шу сущій Епископъ Ефремъ, приспрою въ
 ней велику сошвори, и украси ю всякою
 красотою и церковными сосуды; сей бо Еф-
 ремъ еб сѣя лѣта много зданія воздвиже,
заложилъ бо церковь на воротѣхъ святаго
Феодора и святаго Андрея у воротъ, и
городъ камень и строеніе банное камен-
но, сего же не бысть прежде въ Руси, и
 украси городъ Переяславскій церковными и
 прочими зданіи и знаменіи.

неувидимъ изданія Неспоровой лѣтописи
сличеннаго, исправленнаго и очищеннаго
крипикою; словомъ, какого желадъ покой-
ный Шлецеръ. К.

IV. С М Ъ С Ъ:

О необходимыхъ ошибкахъ.

Аристопель упоминаетъ о необходимыхъ
ошибкахъ; но между истолкователями и по-
слѣдователями его, никто, сколько мнѣ из-
вѣстно, не распространялся о семъ предметѣ.

Необходимыми называются тѣ ошиб-
ки, безъ которыхъ не могли бы существовать
красоты въ какомъ-либо произведеніи искус-
ства.

Изяснимъ примѣрами.

Всѣмъ извѣстно, что прародители, герои
Потеряннаго Рая, упоминая языкъ природы
и простыми выраженіями изясняли простому
своихъ мыслей. При всемъ томъ стихотворецъ
Мильшонъ влагаетъ имъ въ уста слова и
выраженія самыя опборныя, самыя благо-
родныя, самыя величественныя, самыя пи-
щическія. Всякой легко можетъ замѣ-
тить, что Мильшонъ отдался здѣсь оцѣ

правдоподобія. Но опнимите у него сію оцибкѣ — *у Потерянный Рай*, божественное произведеніе божественнаго пѣснопѣвца, потеряетъ красоты свои. Слѣдовательно оцибкѣ ка Мильшонава естѣ — *ошибка необходима!*

Ваяшель, сдѣлавшій группу Лаокоона, представилъ его и дѣшей его нагими. Но Лаокоонъ, въ то время когда приближились къ нему змѣи, опсправлялъ священнодѣйствіе, и слѣдовательно былъ въ обыкновенной жреческой одеждѣ. Художникъ опспунилъ здѣсь опѣ правдоподобія; но представя Лаокоона одѣшымъ, недалъ бы онъ произведенію своему многихъ красотъ, по правиламъ искусства принадлежащихъ нагимъ фигурамъ. Слѣдовательно ошибка его естѣ — *ошибка необходима.*

Живописцы, изображающіе Пресвятую Богородицу при крестѣ Господнемъ, по большей части представляють ее во цвѣтѣ юности. Но намъ извѣстно, что Иисусъ Христосъ началъ проповѣдывать, будучи уже 30 лѣтѣ, и что слѣдовательно во время распятія его Пресвятая Дѣва была уже въ довольно зрѣлыхъ лѣтахъ. Между тѣмъ художники приняла за правило изображать ее во цвѣтѣ молодости, часшю потому что въ такомъ представленіи гораздо удобнѣе приблизиться можно къ идеалу гармоніи всѣхъ возможныхъ совершенствъ; часшю же для того чтобы симъ опспупленіемъ опѣ обыкновеннаго тѣмъ болѣе возвыситъ изображаемый предметъ. Слѣдственно ошибка ихъ естѣ также *необходимая* (*).

(*) Сюда же принадлежатъ, если не ошибаюсь, употребляемыя въ драматическихъ

Вотъ погрѣшности, которыя самыя правила искусства называютъ *необходимыми*; но есть еще другія *необходимыя*, судя по способностямъ художника! Кто чувствуетъ, что не въ состояннн избѣжать сихъ послѣднихъ, тотъ лучше не берись за перо, кисть или рѣзецъ! Изящное не терпитъ посредственности.

В. К — въ.

Анекдотъ о свадьбѣ Ривароля.

„Нѣтъ ни одного человека, говоритъ Вольшеръ, который бы въ жизни своей не сдѣлалъ одного дурачества, и самаго чудеснаго! Герцогъ Юркскій, разбитый при Дункеркѣ и при Гельдерѣ (въ Голландіи), воображалъ себя героемъ; Неккеръ думалъ о себѣ, что онъ сотворенъ для полиптики, для преобразования земель; а дочь его мечтала быть прекраснѣйшею изъ всѣхъ женщинъ.“ — Дурачество Ривароля состояло въ томъ, что онъ воображалъ себя дворяниномъ, и дворяниномъ самымъ крупнымъ.

Въ Версали онъ назывался Аббатомъ Парсье, и жилъ маленькимъ пенсіономъ; потомъ переходя изъ одного званія въ другое, и

сочиненіяхъ *рѣчи въ сторону и монологи*. Человекъ рѣдко говоритъ самъ съ собою; но это единственный способъ сообщать зрителямъ мысли дѣйствующихъ, и если это *ошибка*, то — она *необходима*. *Авт.*

получа мѣсто дядьки въ домѣ нѣкошораго вельможи, преобразовалъ имя свое, и изъ *Риварота* сдѣлался *Риваролемаъ*. Послѣднее ему показалось *благозвучнѣе*. Сколько было и есть стихотворцовъ, присвоившихъ себѣ имена дерезень, которыя осчастливлены ихъ рожденіемъ — для блага народовъ!

Форшуна улыбнулась господину Риваролу. Желая блеснуть въ большомъ свѣтѣ, проказникъ нашъ однажды, лежа на постелѣ и

Покоясь еще подъ авторскимъ намешомъ, провозгласилъ себя велегласно Сіяшельнымъ Графомъ, облагородилъ все свое семейство, назначилъ цвѣтъ и галуны ливреи, раскрасилъ гербъ свой и приложилъ къ оному всѣ знаки, каковыми могли гордиться его родшвенники со стороны женскаго колѣна. Пошомъ славный г. Ривароль долженъ былъ, вопреки своимъ *метафорамъ*, по примѣру бѣдныхъ дворянъ приняться за убогой завшракъ; ибо мы, сыны персти,

Похлебною живемъ, не красными словами. Однажды съ пощимъ желудкомъ прогуливаясь въ Люксамбургѣ, онъ увидѣлъ женщину большаго роста, одѣтую почти въ лохмотья, но важную, осанисную, насюящую шеапральную царицу. Сіяшельный Графъ вспунилъ съ нею въ разговоръ. „Вы недогадываетесь, государь мой, сказала ему почтенная дама послѣ нѣсколька учпивыхъ словъ. вы недогадываетесь, съ какою особою теперь говорите... Я происхожу по прямой линіи отъ Іакова II Короля Англійскаго, котораго зять и родная дочь споль нагло и насильспвенно лишены престолоа. Георгъ III мой неприятель; Коро-

лева Анна єсть младшая дочь Іакова, а я происхожу отъ старшаго колѣна — посудите сами, справедливы ли мои пребыванія?“ — Черпны лица вашего, отъвѣчалъ съ благоговѣніемъ Ривароль, черпны лица вашего обнаруживаютъ высокій санъ предковъ,

И мѣръ тебѣ своей властичицей нарекъ! — Я и самъ и ето извѣстно всѣмъ и каждому, я имѣю неоспоримыя права на Герцогство Тосканское, ибо произхожу отъ знаменитыхъ *Риваролей*, потомковъ великаго Сципіона: сядемъ Принцесса! — „Съ удовольствіемъ, Герцогъ!“

И свѣтлѣйшіе собесѣдники сѣли другъ подле друга на соломенные стулья.

Разговоръ продолжался. Принцесса и Герцогъ пересчитали по пальцамъ всѣ славныя фамиліи въ Европѣ, и всѣ онѣ казались имъ низкими въ сравненіи съ высокою породою Ривароля и наслѣдницы Короля Іакова. Потомъ заговорили о физическомъ и нравственномъ элѣ, обитающемъ на семъ маломъ земноводномъ шарѣ; потомъ многорѣчивый Орапоръ началъ по обыкновенію своему изливать потоками *мысли*: „Идеи, сказалъ онъ, ходятъ вокругъ свѣта, переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ, изъ нарѣчія въ нарѣчіе, изъ стиха въ стихъ, изъ прозы въ прозу; наконецъ онѣ являющіяся въ приличной себѣ одеждѣ, въ счастливомъ выраженіи, и тогда — по становящіяся достойными принадлежать наслѣдственно челоуѣческому роду!“

Едва окончилъ онъ орапореккой свой періодъ, являющіяся носильщикъ. Глубокой вздохъ

вылетѣлъ изъ груди наслѣдницы Иакова; ей не хотѣлось бы возвратиться въ городъ иѣш-комъ . . . Но деньги . . . ими-шо нуждались потомки великихъ предковъ . . . Они вознаградились медленными стопами шестпвовашъ въ свои жилища, и дорогою условились принести жертву на олтарь Гименея. Усердной другъ, какой-то лиштераторъ, согласился быть свидѣтелемъ брачнаго обряда. Такъ Лудовикъ XIV въ присутствіи двухъ брадобрѣевъ, людей неизбѣсныхъ въ мірѣ, вступилъ въ союзъ съ госпожею Меншенонъ, въ домашней церкви Дюка Бургоньскаго. Честный стихотворецъ, пріятель новобрачныхъ, заказалъ умѣренный ужинъ въ улицѣ Мясниковъ; онъ же сдѣлалъ всѣ другія пригошвленія къ бракосочетанію сихъ знаменишыхъ особъ, и онъ же ссудилъ ихъ камышевою постелью.

К. Б.

Московскія записки.

Театръ. Ноябрь 18. Пожарскій, трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, и Ямъ опера въ одномъ дѣйствіи. Нѣшъ прагического содержанія, нѣшъ характеровъ, слѣдовательно нѣшъ и прагедіи, хотя бы самыми крупными буквами поставлено было въ заглавіи поемы слово *трагедія*. Освобожденіе Москвы есть конечно достопамятнѣйшее событіе въ опечественной нашей исторіи; но оно недостаточно для прагедіи, которая можетъ обойтись безъ пушечной калѣбы, безъ набашныхъ звоновъ, безъ трубъ

жертвовать за отечество, и т. д. Все сіе удержано, какъ въ первомъ изданіи.

Опера *Лжъ* сочинена по правиламъ самой обыкновенной піишки: Дѣвушка любитъ молодого парня; ее назначаютъ другому; наконецъ выдаютъ за ея любезнаго. Г. Лисицынъ, который играетъ глупаго прикащикьяго сына, жениха Парашина, словомъ Филашку, по требованію публики до сѣнъ былъ повторить пѣсню *мою - вою - какъ - вою*, и послѣ вызванъ былъ на сцену. Неоспоримо, что онъ имѣетъ отличное дарованіе представлять Фадеевъ и Филашокъ, и что въ сей разъ получилъ отъ публики знаки одобренія по всей справедливости; но какъ примѣтна въ немъ склонность къ увеличиванію всего того, что почитаемъ онъ смѣшнымъ для своей публики: то и желательна, чтобы иногда остерегался онъ давать волю порывамъ своего таланта.

Ноября 21. Фингалъ. Вотъ еще трагедія въ прехъ же актахъ; но здѣсь болѣе дѣйствія, характеры значительнѣе, ходъ и разговоръ правильнѣе. Г. Мочаловъ по большей части начинаетъ хорошо, но есть произноситъ слова вразумительно, дѣйствуетъ съ достоинствомъ, а оканчиваетъ нѣсколько иначе; особливо же нѣкоторыя зрители, отдавая въ прочемъ всю справедливость его дарованію, недовольны были прясеніемъ часто поднимаемыхъ къ верху рукъ и переходами, при которыхъ онъ позволялъ себѣ говорить тихимъ голосомъ и очень скоро слова, иногда мало вразумительныя. Теперь г. Мочаловъ роль Фингала игралъ отъ начала до конца почти съ равнымъ превосходствомъ. По окончаніи трагедіи

раздались голоса съ разныхъ сторонъ, какъ обыкновенно: *Мочалова!* *Плавильщикова!* *Воробьеву!* Въ шу минушу они явились для получения рукоплесканій, и были осыпаны ими очень щедро.

Ноября 24. Старинныя святки. Сія опера иногда бываетъ длиннѣе, иногда короче, смотря по обстоятельству. При шеперешнемъ представленіи опять многое пропущено. Только изъ хорошей драмы нельзя выбросить ни одной страницы, не разрушивъ связи цѣлаго содержанія: по сему правилу и *Старинныя святки* надлежало бы причислить къ нехорошимъ; напрошивъ того еша опера прекрасная по содержанію своему и расположенію, а особливо по изображенію старинныхъ бычаевъ и по музыкѣ, соспавленной изъ Русскихъ и Малороссійскихъ пѣсенъ. Она всегда будетъ нравиться, и можетъ быть для попомства сохранитъ любопытную картину старинныхъ забавъ святошныхъ. Какая была оказана бы услуга любителямъ старины, елибъ кто нибудь описалъ древнія обычаи! Правда что ешо трудно, однакожь не невозможно. Исторію сихъ самыхъ на примѣръ святошныхъ игрищъ можно вывести ошъ временъ опдаленнѣйшихъ. Констаншинъ Багрянородный въ описаніи церемоній двора Визаншійскаго упоминаетъ объ Гопическихъ святошныхъ игрищахъ, въ присутствіи Императоровъ опправляемыхъ. Назначенные къ тому люди являлись въ личинахъ и въ шубахъ вывороченныхъ наизнанку, бѣгали, вершлись, ударяли жезлами въ щиты и пѣли стихи подъ музыку. Сіи забавы продолжались до самаго разрушенія Визаншійской Имперіи.

Кодинъ описываетъ свяшошныя игрища, и между прочимъ говоритъ, что послѣ всего подходили съ поздравленіемъ къ сидящему за столомъ Императору вельможи и чиновники; потомъ Варанги (Варяги) и другіе иноплеменники, составявшіе царскую дружину возглашали *многолѣтіе* Государю; потомъ приближались пѣвчіе и пѣли многолѣтіе и кондакъ *Два двесь пресуществениаго раждаетъ*: вошъ начало нашего величанья и славенья. Гошическими игрищами свяшошныя забавы назывались пошому, что Греки перерядившійся Гошеами какъ можно спраннѣе, приходили къ Императору съ поздравленіемъ и за шо получали нѣсколько денегъ. Сіи игрища заслужили худую славу, когда шалуны снали наряжашься чудовищами и чершями и дѣлашъ разныя безчинства. Они были неоднократно запрецаемы, а особливо опѣ духовнаго начальства. По древнему Римскому календарю первыя числа мѣсяца назывались *календами*; свяшошныя игрища шакже *календами*. Въ Стоглавникѣ строго запрецаются *Еллинское бѣсованіе, различныя игры и плесканіе, празднованіе каланды, и переводѣваніе мущинъ въ женское платье и женщинъ въ мужское*. Не смотря на шакое штроее постановленіе стоглавнаго собора, которое въ прочемъ ни къмѣ не утверждено и неподписано, Царь Иванъ Васильевичъ Грозный любилъ забавляшьяся игрищами и заставляшъ собесѣдниковъ своихъ надѣвашъ хари. Въ Малороссіи продолжается обыкновеніе въ день Рождества Христова вечеру подѣ окнами пѣшь, въ чайни заплашы, извѣсныя изшпари упошребляемыя пѣсни, которыя называются шамъ *колядами*, можетъ быть испорченнымъ словомъ опѣ *ка-*

Лендъ Римскихъ. — Вопль и я, подражая Напалы Прекрасной, шряхнулъ шаринюю! Чуръ не подивись!

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Часто упоминаемо было въ разныхъ журналахъ о славномъ Англійскомъ путешественникѣ Мунго - Паркѣ, которой окончивъ одно путешествие по Африкѣ и издавши въ свѣтъ весьма любопытное описаніе онаго, вторично отправился въ ту же самую страну 1808 года. Съ тѣхъ поръ не было отъ него получено никакого извѣстія; и какъ предпринимающей имъ путь былъ чрезвычайно опасенъ по многимъ причинамъ, то подумали, что Мунго - Паркъ погибъ, и вообще сожалѣли объ участи столь предприимчиваго и просвѣщеннаго путешественника, которой могъ бы доставить любопытныя и вѣрныя свѣдѣнія о сей очень мало извѣстной части свѣта. Теперь въ Англійскихъ журналахъ помѣщено письмо, въ которомъ содержится нѣкоторыя извѣстія о судьбѣ сего человека. Оно писано къ Лорду Мойрѣ, котораго увѣдомляющъ, ссылаясь на достовѣрныя свидѣтельства, что въ минувшемъ Мартѣ мѣсяцѣ видѣли Мунго - Парка миляхъ въ двадцати къ востоку отъ Тумбуктона. Къ тому еще прибавляющъ, что Африканцы обошлись съ нимъ не весьма ласково, и какъ его, такъ и другихъ съ нимъ находившихся христіанъ почли шпионами, иришедшими съглядать ихъ землю.

*

Романы, сочиняемые *въ ужаснонь тонѣ* 2-жи *Радклифѣ*, и уже слава Богу наскучившіе всѣмъ порядочнымъ людемъ, въ Англии еще и теперь непотеряли своего достоинства. Одни названія шакихъ романовъ, недавно вышедшихъ въ Англии, могутъ испугать до смерти: *Сѣрый монахъ и бѣлый жертвецъ; Монахиня отступница; Ночной судильщикъ; Лѣсные разбойники* и проч. Видя сіи нещепости, читатель спрашиваетъ Англичанъ, куда дѣвались ихъ Фильдинги и Ричардсоны!

Наконецъ смерти на церкви святой Жевевьевы въ Парижѣ и послѣдніе знаки, напоминавшіе времена революціи. Надъ главнымъ входомъ до сихъ поръ видна была надпись, изображенная большими позолоченными буквами: *Pantheon Français, an 4 de la liberté*, ш. е. *Пантеонъ Французскій въ 4 лѣто вольности*. На мѣстѣ надписи вставлена будетъ мраморная доска.

Нѣкто Дамасъ, хозяинъ полошьяной фабрики въ департаментѣ Сены и Марны нашелъ способъ присвоить Французской землѣ произведение бобовъ кофейныхъ. Въ нынѣшнемъ году онъ посѣялъ нѣсколько фунтовъ Мокскаго кофе, и собралъ плоды, неуступающіе чужестранному ни видомъ, ни запахомъ. Г. Дефонсень, Меръ Ториньскій, представилъ Французскому министру внутреннихъ дѣлъ на пробу пять фунтовъ сего кофе и нѣсколько же фунтовъ Обществу земледѣлія. Упомянутый Дамасъ неупотребляетъ ни спекляннхъ крышекъ, ни колоколовъ, ни другихъ какихъ либо теплошворныхъ пособій; но умѣетъ

приготовляшь землю такимъ образомъ, что она спановится удобною къ произведенію кофейнаго растѣнія.

*

Недавно умеръ въ Парижѣ извѣстный Новеръ на 82 году отъ рожденія. Онъ почитается преобразителемъ шанцовальнаго искусства. Въ классическомъ сочиненіи своемъ о шанцахъ онъ доказалъ, что балетъ долженъ заключать въ себѣ историческое или вымышленное дѣйствіе, расположенное по правиламъ пѣишки, точно какъ трагедія и комедія.

*

Вопреки всему тому, что писано было объ искусствѣ извѣстнаго Вѣнскаго часовщика Дегена лешать посредствомъ крыльевъ, одинъ очевидецъ увѣряетъ, что Дегенъ поднимается на воздухъ единственно съ помощію шара и что носится направленіемъ вѣтра. Въ прочемъ снарядъ его гораздо красивѣе аеростата съ лодкою. Зритель кажется, будто видитъ превеликую птицу съ находящимся на спинѣ ея блестящимъ шаромъ. — И Гарнерень теперь можетъ почти рѣшительно сказать, куда онъ отправляется; зная, что вѣтры почти всегда дуютъ въ разныя стороны въ одно и то же время, онъ достигаетъ желаемаго слоя, и шаръ выпускаетъ нѣсколько воздуха изъ шара, чтобы неподняться выше.

*

По новѣйшимъ извѣстіямъ Португальское Королевство имѣетъ 3,683,000 жителей. До 1750 года считалось въ немъ 5,587 сочинителей, которые всѣ вмѣстѣ написали книгъ 12,000. Въ числѣ сихъ книгъ было 848 церковныхъ исторій, только 49 физическихъ со-

чиненій; въ 235 книгахъ содержались житія свяшыхъ, а романовъ написано шолько 74.

*

Правительство Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Обласей въ 1803 году отправило экспедицію, состоящую изъ 40 человекъ при двухъ офицерахъ для открытія исходаща рѣки Миссури и потомъ самой ближайшей дороги къ Тихому морю. Путешественники возвратились черезъ два года и четыре мѣсяца. Они приобрѣли для республики пространство земли въ ширину на 150 миль и въ длину на 900, заключили союзы со многими Индійскими народами, открыли большую рѣку, которую назвали Джеферсономъ, и нашли, что изъ Колумбіи можно съ большею удобностію производить морскую торговлю. И такъ владѣнія Соединенныхъ Обласей нынѣ простираются черезъ весь материкъ до самыхъ береговъ Тихаго моря.

*

По официальнымъ извѣстіямъ, число жителей въ десяти округахъ Великаго Герцогства Баденскаго простирается до 924,307 душъ.

*

Паренаида, поема Нѣмецкаго стихотворца Баггезена, переведена на Французской языкъ и въ нынѣшнемъ году напечатана въ Амстердамѣ. Французскіе журналисты опзываются очень выгодно о сей книгѣ; а Нѣмцы говорятъ, будто Паренаида не уступаетъ Героеровымъ идилліямъ, и надѣются, что она распространитъ во Франціи славу Нѣмецкаго имени, чего, какъ думать надобно, они очень желаютъ.

У. ПОЛИТИКА.

Объ Голландской торговли.

Слѣдующее сочиненіе минувшаго Октябрю появилось въ официальной Амстердамской газетѣ, и для того содержащаяся въ немъ правила должно почитать за урокъ, преподанный Голландцамъ со стороны Французскаго правительсва. Они также служатъ новымъ доказательствомъ, что сіе правительство рѣшительно желаетъ всѣ подвластныя себѣ области опучить опъ торговли съ колоніями и дать силу внутренней промышленности. (*Примѣч. Изд. Минервы **).

Ежели во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ съ любопытствомъ доискивались до причинъ величія государствъ и ихъ упадка; ежели полезно предлагать вопросы о томъ, что способствуетъ благу ихъ, и что проишится оному: то никакъ въ нынѣшнее время каждой Голландецъ не только долженъ быть любопытнымъ въ семъ отношеніи, но даже всѣми силами своими содѣйствовать опредѣленію правилъ, соотвѣствующихъ новому положенію своего отечества. Торговля сошрорила величіе Голландіи; торговля же была отдаленною причиною той великой перемѣны,

(*) Сія статья переведена изъ Архенгольцовой Минервы.

которой подпала сія область, и которая послѣ продолжительнаго болѣзненнаго боренія положила конецъ ея независимости. И такъ торговля со всѣмъ къ ней принадлежащимъ есть пошлѣ предметъ, на которой долженствуемъ бытъ обращено вниманіе всѣхъ истинныхъ сыновъ опечесства.

Никакому сомнѣнію неподвержено, и опыты всѣхъ вѣковъ доказываютъ, а здравой разумъ подтверждаетъ, что торговля есть главный союзъ общества и частно и въ совокупности; что ею возвысилась Европа, распространилось просвѣщеніе, вкусъ, вѣжливость въ охбожденіи съ чужестранцами и взаимныя связи между различными народами, и что наконецъ ей обязаны мы большею частью тѣхъ выгодъ, которыми пользуемся преимущественно передъ людьми, жившими въ прежнихъ вѣкахъ просвѣщенія. Нельзя также оспорить, что всего болѣе торговля способствуетъ къ обогащенію государства, и что Голландія все могущество свое приобрѣла единственно торговлею.

Но исторія учитъ насъ, что всѣ народы, посредствомъ торговли достигшіе степени величія, недолго оставались на оной, и что каждой изъ нихъ на послѣдокъ присоединяемъ былъ къ другому народу, менѣе упражнявшемуся въ торговлѣ, но могущественнѣйшему по внутреннимъ пособіямъ своего отечества. Азіи, Тиръ, Карфагена, Венеція, Генуа и наконецъ самая Голландія служили доказательствами сей истины. Какая бы абытому причина? Можно ли случаю приписывать такія событія, которыя исполняются по единообразному порядку безъ исключенія?

Разсмапривая дѣйствія, легко можно дойти до причины. Въ торговлѣ болѣе выгодѣ, нежели во всякомъ другомъ способѣ пропитанія. Земледѣліе, художества, ремесла, мануфактуры и фабрики обѣщаютъ жизнь спокойную и безбѣдную; но никакое состояніе не имѣетъ въ виду столь частыхъ и столь значительныхъ приобрѣтеній, какъ торговое. Правда что въ семъ дѣлѣ, какъ и вездѣ, иногда вмѣсто выгодѣ встрѣчаются неудачи. Но во первыхъ выгода торговли состоитъ въ томъ, что опасность существуетъ только для имущества, и ошнудъ не угрожаетъ ни жизни, ни здоровью; во вторыхъ, когда обществельства хоть мало благопріятствуютъ торговлѣ, то и неудачи рѣже случаются, и тогда легко можно опять поправить разстроившіяся дѣла свои; въ третихъ наконецъ, человекъ по природной склонности такъ охотно предается надеждѣ, что одна счастливая удача въ большемъ числѣ людей можетъ возбудить подражаніе, нежели десять неудачъ лишитъ бодрости.

Чѣмъ въ лучшее состояніе приходитъ торгова, тѣмъ большее число людей, ославляя всѣ другія полезныя упражненія, принимается за купеческіе обороты; всѣ тѣ, кои не избрали еще никакого рода жизни, преимущественно всступаютъ въ купеческое званіе; мало по малу все государство становится населеннымъ или одними купцами, или людьми, упражняющимися въ искусствахъ и ремеслахъ, полезныхъ торговлѣ; а земледѣліе, мануфактуры и другіе источники государственныхъ пособій клонятся къ упадку, подвергаются презрѣнію, или по крайней мѣрѣ оста-

юпся въ небреженіи ; ибо все вниманіе погда бываешъ обращено на главной предметъ , на торговлю.

Нѣшъ нужды доказывать , что разныя правительства , одно за другимъ слѣдовавшія въ Голландіи , симъ правиломъ руководствовались . Приобыкши къ торговымъ прибыткамъ , бывъ увѣрены , что одна торговля досщашочна для общаго и частнаго блага , члены правительства сего небрегли о всѣхъ прочихъ источникахъ пособій , единственно заботясь о покровительствѣ торговли , сильно привлекавшей къ себѣ все ихъ вниманіе . Здѣсь не мѣсто разыскивать , сколь великія выгоды система сія приносила Голландіи при погдашнихъ ея обстоятельствахъ ; однакожь можно было бы предвидѣть , что обстоятельствомъ симъ надлежало когда нибудь переѣнниться , и что всѣ выгоды сіи весьма непрочны ; ибо торговля зависитъ отъ случаевъ , которые даютъ ей разныя направленія , и по дѣйствію коихъ убавляются или и со всѣмъ даже изсякаютъ ея источники .

Нынѣ обстоятельства , слишкомъ высоко вознесшія Голландію , переѣнились ; слѣдствія доказали намъ непостоянство оныхъ выгодъ , и жителѣмъ нашего опечества оспаешся сѣтованіе о томъ , что въ надлежащее время не предусматривали возможности уменьшенія и совершеннаго уничтоженія торговли . Тогда еще можно было бы всѣ блага , даруемая имъ натурою , прибрѣтенныя богатства и народную промышленность употребить такъ , чтобы съ другой стороны получить замѣну того , чего нынѣ лишается

Голландія, и отечество наше стязало бы богатства не столь блестящія, но поспояныя и прочныя.

Разсмотримъ теперь причины, которыя довели до упадка Голландскую торговлю, и средства вознести край нашъ на прежнюю степень цвѣтущаго состоянія и замѣнимъ ему то, чего лишился онъ по случаю переменившихся въ Европѣ обстоятельствъ.

Голландская торговля не теперь вдругъ уничтожилась, но ущербъ ея давно уже былъ примѣненъ; и хотя происшедшія въ Европѣ обстоятельства ускорили ея упадокъ, однакожь не имѣ однимъ приписывать должно главную причину сего упадка. Упомянутыя обстоятельства еще не имѣли никакого вліянія на Голландію, когда Вестъиндская компанія прекратилась, и увидѣла себя принужденною уступить правительству владѣнія свои, за которыя не могла вносить податей. Если же Остъиндская компанія неподпала подобному жребію: то не потому, что сіе, нѣкогда процвѣтавшее общество было въ состояніи выдавать по потребности суммы, но для того, что правительство по своимъ, хорошо или худо обдуманымъ, причинамъ приняло на себя разорительное содержаніе отдаленныхъ колоній. Уменьшеніе прибытковъ сей компаніи и низкая цѣна акцій свидѣтельствовали объ ея упадкѣ.

Съ другой же стороны провозъ товаровъ, составлявшій немаловажную отрасль Голландской торговли, по которой Голландцы были факторами цѣлой Европы, очень много потерялъ своей значительности. Сія отрасль

подсохла не только отъ соревнованія Англичанъ, дашчанъ, Шведовъ и Американцовъ, но и отъ того, что предметы торговли убавились. Правительства разныхъ государствъ, усмотрѣвши надобность ободрять у себя земледѣліе и мануфактуры, затруднили и даже запрѣтили ввозъ товаровъ, могущихъ послужить ко вреду жителей; ибо они возбуждали соревнованіе въ приобрѣщеніи выгодъ отъ провоза, между тѣмъ какъ внутренняя промышленность оставалась въ небреженіи. Упомянутыя правительства узаконили, чтобы тѣ же корабли, на которыхъ привозились дозволенные товары, нагружаемы были въ приспаняхъ тамошними произведеніями. Всѣ сіи полезныя и хорошо обдуманная предосторожности служили къ ограниченію торговаго провоза, а тѣмъ самымъ уменьшили доставляемая имъ выгоды.

Торговля Голландіи, прежде столь обширная, исчезла не отъ слабости самой Голландіи, но потому что правительства другихъ земель, воспрянувши отъ сна, захотѣли своихъ подданныхъ содѣлать участниками въ тѣхъ барышахъ, которыми прежде пользовались одни Голландцы. Во время Пропектора Кромвеля изданный въ Англіи извѣстный актъ мореплаванія нанесъ первой ударъ торговлѣ, и хотя другіе народы не скоро послѣдовали сему примѣру, однакожь наконецъ правила того акта сдѣлались основаніемъ системы мореплаванія и торговли для всѣхъ народовъ. Если же Голландія до тѣхъ поръ имѣла въ рукахъ своихъ всю торговлю, по причине тому были невѣдѣніе другихъ народовъ

ѣ своихъ выгодахъ и невниманіе къ средствамъ, которыя были у нихъ во власти. Но какъ скоро одинъ разъ дано побужденіе, и когда правительсва вокругъ себя осмошрѣлись; въ то время Голландія навсегда лишилась прибыточной своей торговли, потеряла даже надежду опять когда-либо овладѣть ею, и принуждена была раздѣлять съ другими ея выгоды.

Географическое положеніе Голландіи, характеръ и промышленность ея жителей и другіе не столь важныя причины могли, и теперь еще могутъ, возстановить значительную торговлю, какъ скоро случайныя препятсва войны прекращаясь; но не должно пашать себя щещенымъ надѣяніемъ, будто сія торговля сравнится съ прежнею, или будто уменьшеніе оной произошло отъ политическихъ перемѣнъ, постигшихъ Голландію. Медленное, но пѣтмъ лучше обезпеченное превращеніе способовъ управлять народами, дальновидность владѣтелей въ разсужденіи истиннаго благосостоянія ихъ областей, уничтоженіе всеобщей слѣпошы, почтѣйшее и обширѣйшее познаніе торговли Европейской: вотъ подлинныя причины упадка Голландской торговли, и онѣ принуждаютъ не только Голландцевъ отказаться отъ надежды когда либо видѣть ее въ прежнемъ цвѣтущемъ состояніи, но и у всѣхъ другихъ народовъ навсегда отнимаютъ возможность присвоить себѣ одному исключительную торговлю. Хотя же Англія, господствующая на моряхъ, еще донинѣ исключительно владычествуетъ, или даже ширанишвуетъ надъ торговлею; однакожъ такое

состояніе дѣлъ не есть натуральное, но насильственное, и оно можетъ продолжаться только до полнѣ, пока могущество не ослабѣетъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Обозрѣніе заграничныхъ произшествій.

Франція.

Въ слѣдствіе вновь изданнаго Императорскаго повелѣнія Голландія состоятъ должна изъ семи департаментовъ, которые управляемы будущъ Генералъ-Губернаторомъ, избраннымъ изъ первыхъ чиновъ Имперіи. Съ 1 Января 1811 года порядокъ судопроизводства въ Голландіи будетъ единообразный съ отправляемымъ въ Имперіи Французской. Назначатся для нее Директоры: гидростатическихъ работъ, мѣстной казны общественныхъ домовъ и полиціи Конскрипція учредится на основаніи Французскихъ законовъ.

Испанія.

Король Іосифъ предпринялъ было путешествіе изъ Мадрида, сопровождаемый Министрами, придворными особами и гвардією. Извѣстно, что Е. В. намѣренъ былъ отправиться черезъ Сарагоссу въ Лериду и потомъ принявъ начальство надъ армією, которая назначена въ Валенцію. Нынѣ же пишутъ, что экспедиція противъ Валенціи отсрочена, и что Король Іосифъ прибылъ обратно въ свою столицу.

П р у с с і я.

По Королевскому повелѣнію, изданное во Франціи узаконеніе сожигать Англійскіе шовры, будетъ введено и въ Пруссіи. — Вышло образованіе всѣхъ верховныхъ мѣстъ въ Пруссіи Королевствѣ. Кабинетъ оспаѣтся первенствующимъ мѣстомъ правительства. Сверхъ того учреждается Государственный Совѣтъ, коего членами будутъ: Принцы Королевскаго Дома, Государственный Канцлеръ, Государственные Министры, Государственный Секретарь и еще нѣкоторыя члены временно избираемые по довѣренности Королевской. Когда Король не присутствуетъ въ Совѣтѣ, то выдаются мѣсту сему повелѣнія изъ Кабинета. Министерства учреждаются слѣдующія: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, правосудія, иностранныхъ дѣлъ и военного департамента.

А н г л і я.

По случаю болѣзни Короля, Министры ежедневно собираются въ Совѣтъ для управленія государствомъ.

Т у р ц і я.

Англійскій посланникъ г. Адеръ давно уже отправился изъ Константинополя. — Превжній Муфтии отрѣшенъ отъ должности, а на мѣсто его возведенъ пресварѣлый Самани-Заде, бывшій уже Муфтиемъ одинъ день при началѣ царствованія нынѣшняго Султана. —

(Изъ Гамб. Корресп.)

30 Ноября

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 24. Д Е К А Б Р Ъ 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Дорсанъ и Люція.

(Окончаніе.)

Спрашиваю, гдѣ Люція. Іосифъ сказываешь мнѣ, что она въ маленькой горницѣ, находящейся подлѣ кухни: дверь епой горницы была расшворена. Приближаюсь тихо — вхожу — вообразите мое удивленіе: вижу передъ собою крестьянку прелесную, одѣтую въ корсетъ изъ самой простой матеріи, въ коропенькой юбкѣ, въ фаршукѣ, въ простыхъ кожаныхъ башмакахъ. Спроятность гибкаго снана, прекрасные свѣпые волосы, руки бѣлизны ослапительной, нѣжныя, совсѣмъ почти обнаженныя — это Люція! но что она дѣлаешь? къ чему такой нарядъ? . . . Я подхожу . . . Люція слышишь шумъ —

оборачиваетъ голову . . . что же ? она со-
спавляетъ тѣсно для хлѣба! . . . Я оспол-
бенѣлъ, и сердце мое задрепетало такъ
сильно, что я принужденъ былъ присло-
ниться къ стѣнѣ. Люція сложила руки
и съ умоляющимъ видомъ воскликнула,
улыбнувшись какъ Ангелъ: „другъ мой, ра-
ди Бога не смѣйся надо мною . . . ешо
не въ первый разъ ! увѣрю себя, что я
пеку хлѣбы не хуже Бепси!“ . . . Я упалъ
на колѣна, и слезы ручьями побѣжали изъ
глазъ моихъ. Ешо движеніе изумило Лю-
цію — то, что она дѣлала, казалось ей
весьма обыкновеннымъ. Но, другъ мой ! ска-
зала она : когда же благодарила я тебя за то,
что всякой день работаешь по нѣскольку
часовъ въ нашемъ саду ? Ты можешь копать
свои гряды ; а я могу печь хлѣбъ. Что же
находишь въ ешомъ удивительнаго ?

О Промыслъ непостижимый ! восклик-
нулъ я : какою дорогою возвелъ ты меня на
ешу степень счастья ! . . . и я ропсалъ ! . . .
Теперь не желаю забыть о нашихъ поше-
рянныхъ благахъ ! еша минуша все замѣ-
нила ! . . . Форшуна и почести, блага
ничтожныя ! сколь вы для меня презрѣн-
ны ! . . . О Люція ! въ ешу минушу я
вижу тебя въ одной восхищительной кра-
сотѣ добродѣтели. Одно совершенство не-
бесной души придаетъ въ ешу минушу
милому лицу твоему шу прелесть , ему

одному свойспвенную, копорая всякое движеніе швое дѣлаешъ прогапельнымъ, любезнымъ, пѣвнишельнымъ. О, благословляю судьбу, копорая все у меня похишила, чшобы все даровашъ одной шебѣ, чшобы возвысиль шебя надъ всѣми другими женщи-нами и сдѣлашъ для нихъ навсегда примѣромъ! . . . Слова сіи произнесены были съ движеніемъ спрашнымъ и съ такимъ жаромъ, какого Люція никогда не замѣчала во мнѣ прежде. Ея изумленіе сошвѣпсповало моей чувспвительности; по щекамъ ея тихо капились слезы. Она велѣла мнѣ сѣсть; сама подлѣ меня сѣла, прижала руку мою къ сердцу и сказала: благодарность швоя, мой милой другъ, неизбъяснимо прогаешъ мою душу; но я и теперь не могу ее постигнуть. Скажи мнѣ, почему кажешся шебѣ чудеснымъ то, чшобы дѣлаемъ другъ для друга? . . . Не думаешъ ли, чшобы эти новыя заботы мнѣ въ шягосшь? Ты ошибаешся; онѣ ни мало неушомительны, и я несравненно болѣе радуюсь теперь шому, чшобы госпожа Виллисъ и ея Бешси выучили меня въ чешыре мѣсяца печь хлѣбы, нежели музыкальному своему шалайшу, съ шрудомъ пріобрѣшенному въ десяшь лѣтѣ. Всякое истинно полезное дѣло всегда имѣешъ въ глазахъ нашихъ неописанную прелесшь; но еша прелесшь увеличивается, когда полезное по-

чищаешь необходимымъ, и она обращается въ восхищеніе, когда спудишься для милаго человѣка. Не по жели чувствуешь и ты, работающа въ нашемъ саду? Милый другъ, таинственный голосъ увѣряетъ меня, что въ епомъ прекрасномъ, смиренномъ жилищѣ, буду я несравненно счастливѣе нежели прежде. Для насъ не останется ни одной минушы принужденія, праздности, скуки, и съ ешаго времени будешь существовать между нами восхищительное согласіе, — согласіе въ трудахъ и желаніяхъ; согласіе въ безпреспанной мѣрѣ услугъ взаимныхъ; согласіе въ образованіи новой, общей судьбы, сладостной и благородной.

Я слушалъ ее съ неописаннымъ восхищеніемъ — и самые глаза мои были очарованы. Никогда Люція не была для меня такъ прелестна, какъ въ епой простой одеждѣ. Весьма еспешвенно! Прежде въ блестящемъ свѣтскомъ кругу я могъ невольно сравнивать ее съ другими, и даже во многихъ замѣчалъ съ нею нѣкоторое сходство — но въ епомъ уборѣ какая крестьянка могла съ нею сравниться? какая крестьянка могла имѣть такой прелестный станъ, такую пріятность въ движеніяхъ, въ голосѣ, въ разговорахъ? и наконецъ, могли я видѣть такіа нѣжныя руки, сославляющія шѣсто для хлѣба?

Какая перемена в моей судьбе! какую чудесную силу имела добродетель, соединенная с чувствительностью сердца: и как в эту минуту была украшена в глазах моих та жизнь, которая за несколько времени представлялась мне и печальною и слишком бедною! Вместе с любовью находил я в ней и спокойствие и радость и счастливую беззаботность о будущем О моя Люция! говорил я: минуту, в которую открыл я такую необходимость, такая высота чувства в душе твоей, починаю истинным началом моего с тобою союза. Счастливый день нашего брака ознаменован был великодушием и блеском; холодное уважение, обыкновенная любовь, казались нам верным основанием счастья. И ты, Люция, и ты! священные узы брака соединили нас только судьбою. Но та возвышенная любовь, любовь, воспламеняемая каждою мыслию и не могущая угаснуть от времени — она родилась в этой жизни! здесь заключили мы союз, который сливает души, одна для другой сотворенныя. . . . Свѣтъ разлучил нас, препятствуя нам друг друга узнать — можем ли сожалѣть о его утратѣ? —

Нѣсколько времени забывались мы в этомъ разговорѣ, котораго восхищенья

ное воспоминаніе никогда въ душѣ моей не исчезнетъ. Наконецъ Люція встала, сказавъ мнѣ : приступь къ хозяйству былъ для меня очень счастливъ; но мнѣ еще надобно приготовишь обѣдъ. . . . — Приготовишь обѣдъ ! что это значить ? — „Я превеликая искусница спряпашь!“ — Можно ли? — „Если бы ты зналъ, какъ все удаеся пому человеку, копорый имѣетъ и прилѣжаніе и нѣкопорую легкость въ пониманіи. Обыкновенная служанка, неловкая и лѣнивая, должна учишься пому нѣсколько лѣтъ, чему я выучилась безъ всякаго почти труда въ чешыре мѣсяца. Увѣряю себя, что всѣ тѣ мѣлочи, копорыми занимающъ насъ въ молодыхъ лѣтахъ, какъ дѣломъ важнымъ, несравненно труднѣе полезныхъ упражненій хозяйства. Но полно говоришь — время приняшь за дѣло ! Поди въ садъ и нарви салату, а я иду къ своему очагу.“ Она обняла меня, а я прижалъ ее къ сердцу, не будучи въ состояніи сказать ей ни слова. Непобѣдимая сила привязывала меня къ пому мѣсту, на копоромъ я ее видѣлъ; мнѣ нужно было придти въ себя, нужно было успокоиться, чтобы думать о своемъ счастіи. Смущенное упоеніе души моей препятствовало мнѣ разсмаширивать его въ подробностяхъ: я могъ только чувствовашь его вообще; я видѣлъ одни только сдѣланныя ею жѣлбы; я могъ только

повноряшь: душа ея согласна съ моею! . . . Она будетъ счастлива! . . . Я же увижу ее ни помною; ни унылою, ни задумчивою; она будетъ счастлива!

Иосифъ пришелъ сказать мнѣ, что меня ожидаютъ обѣдать. Я вошелъ въ маленькую нашу столовую въ то время, когда Люція брала изъ рукъ своего сына хлѣбъ, я побѣдъ положивъ его на столъ, ея самую накрытый. Щени ея оживлены были яркимъ румянцемъ; она казалась мнѣ поржесивующею, была весела какъ младенецъ, и еще веселость соспавляла прелеспивую прошивуположность съ шѣмъ милымъ и крошкимъ проспосердечіемъ, которое во всякое время на лицѣ ея изображается. Какой восхищительный обѣдъ! какое очарованіе! . . . „Отвѣдай моего хлѣба, Дорсанъ, сказала Люція; онъ долженъ быть очень вкусенъ, если въришь наружности . . . А мой обѣдъ! каковъ онъ тебѣ кажется?“ Въ это время она сажала за столъ Феликса, которому отрѣзала кусокъ своего хлѣба; Феликсъ отвѣдалъ его и сказалъ съ милою чувствительностью, принявши на себя важный видъ: *прекрасной хлѣбъ, маминька*; потомъ поглядѣвъ на меня, онъ прибавилъ: *маминька лекла етоль хлѣбъ сама*. Люція улыбнулась, и на глазахъ ея сверкнули слезы. . . А я въ восхищеніи цѣдѣ-

довалъ Феликса и воскликнулъ: какъ мно-
 го люблю тебя, мой милый младенецъ! ты
 уже начинаешь чувствовать цѣну швоей
 матери! О, какъ ты будешь мнѣ дорогъ,
 когда придешь въ шѣ лѣта, въ которыхъ и
 добродѣтели ея сдѣлаются для тебя понят-
 ны; когда мы будемъ съ одинакимъ чув-
 ствомъ о ней говорить, вмѣстѣ ее обожать,
 вмѣстѣ ею восхищаться!“ Обѣдъ былъ
 очень вкусенъ, но я совсѣмъ неимѣлъ аппе-
 титы и былъ только для вида, въ утуже-
 нтѣ Люціи. Сердце мое такъ сильно было
 расстроено и такъ снѣсено разнообраз-
 ными чувствами, что я почти неимѣлъ
 возможности говорить. Послѣ обѣда пошли
 мы въ садъ, и Люція, сѣвъ на скамейку,
 сказала мнѣ: теперь ты долженъ узнатьъ
 всѣ мои тайны. Опасаясь швоей недовер-
 чивости, я принуждала себя скрываться:
 ты безъ сомнѣнїя не повѣрилъ бы, чтобы
 въ нѣсколько мѣсяцовъ было возможно прѣ-
 обрѣсти знанїя госпожи Виллисъ; но ты
 не одинъ разъ съ большимъ аппетиномъ
 былъ и похлебку и зелень, изготовленные
 мною, совсѣмъ не воображая, чтобы онѣ
 были мое *твореніе*. Я не хотѣла одна-
 ко опираться моего паланша; ты могъ бы
 думать, что мнѣ помогаютъ. „Но по край-
 ней мѣрѣ ты позволишь мнѣ опустити
 Иосифа, а на мѣсто его нанять служанку,
 которая могла бы облегчать для тебя рабо-

ду.“ — Нѣтъ! нѣтъ! ни за что на свѣтѣ!
Я буду тогда менѣе для тебя полезна, и
всѣ труды потеряю въ глазахъ моихъ
главную свою прелесть. Пускай Юсифъ по-
могаетъ мнѣ исправлять тяжелыя работы,
болѣе ничего и не пребую. Но для меня
останется еще много и другихъ занятій.
Попеченія о хозяйствѣ займу не бо-
лѣе четырехъ часовъ въ сутки, то есть
не болѣе много времени, которое ны дол-
женъ будешь посвящать садовымъ своимъ
работамъ. Остатокъ нашего дня займемъ
пріятными прогулками и прежними обык-
новенными упражненіями: разговоромъ, му-
зыкою, чтеніемъ, рисованьемъ, и время,
которое такъ бременитъ празднаго человека,
будетъ пролетать для насъ со всѣми пре-
лестями счастливыхъ и спокойныхъ мечпа-
ній невинности! Воспоминаешь объ немъ бу-
детъ для насъ сладко; но въ ешомъ воспоми-
наніи однообразности, не представляющемъ
никакихъ произшествій замѣтныхъ, цѣлые
годы сольются для насъ въ одинъ преирас-
ный и тихой день. . . Другое признаніе,
милой другъ: я продала всѣ свои дорогія
плашья и накупила простыхъ, приличныхъ
деревенской хозяйкѣ . . . „Какъ, Люція!
ты хочешь всегда ходить въ ешомъ убо-
рѣ?“ — Для какихъ же визитовъ и церемо-
ній могу я теперь наряжаться? но я имѣю
и праздничное плашье — бѣлое, самое пре-

спое, очень пріятной формы! Я увѣрена, что оно тебѣ понравится. . . Ещого недовольно: деньги свои испрашила я не на одни наряды; я продала и свои золошья вещи — на ешу сумму купила мнѣ госпожа Виллисъ прекрасную корову и курь. . . Прошу тебя воздержаться отъ восклицаній! Благодаря наспавленіямъ Бешси, умѣю очень искусно доить корову, дѣлать сырѣ и смолѣть за пшичнымъ дворомъ; а на лугу, принадлежащемъ къ хижинѣ, и корова и спарая наша лошадь найдутъ для себя очень вкусную пищу; два раза въ недѣлю сама буду ѣздить въ Боспонѣ продавать наши плоды и зелень, дабы нелишишь тебя Иосифа, копорый во всякую минушу бываетъ нуженъ или въ саду, или въ домѣ. Мы будемъ жить въ довольствѣ, имѣя даже и прихоши. А ясность души, а счастливое одобреніе совѣспи, а нѣжный союзъ и мыслей и чувсва. . . а милый нашъ Феликсъ, рожденный съ прекрасною душою, привязанный къ однимъ шолько намъ, и зрѣющій въ нашихъ глазахъ, удаленъ будучи отъ всѣхъ опасностей и примѣровъ развраща. . . . О, Дорсанъ! если такое счастье незамѣнишь для насъ всего, что мы пошеряли, то какъ велика будетъ благодарность наша къ Провидѣнію, копорое въ спрашное время бѣдспвій всеобщихъ даровало намъ наслажденія золошаго вѣка! —

Послѣднія слова произнесла она прерывающимся голосомъ; а я облилъ руку ея слезами. . . . О сладость чистой любви! кто можешь себя изобразить! Среди ничтожныхъ свѣтскихъ суевъ любовь моя могла охладиться; но въ ея минушу воспоргъ удивленія возобновилъ ее съ такою силою, которая до сего времени была для меня еще неизвѣстна. Любовь сія была оный священный огонь, который угаснулъ отъ руки нечестивыхъ, и снова оживился отъ чистыхъ лучей небеснаго пламени.

На другой день имѣли мы удовольствіе видѣть у себя госпожу Виллисъ — единственное постороннее лице, которое не могло бытъ мнѣ въ тягость: она умѣла отдавать справедливостъ Люціи, и госпожа Виллисъ, пожавши руку мою сильнѣе прежняго, нѣсколько разъ воскликнула: *happy husband! happy husband!* Но какое слово могло дослѣдочно изобразить мое счастье!

Я уже вамъ сказалъ, что Люція непременно хотѣла сама ѣздить на рынокъ. Въ старое время, когда мы жили въ деревнѣ, она прекрасно управляла кабріолетомъ, слѣдовательно и теперь не трудно ей было привести въ послушаніе смиренную нашу лошадь. Одѣвая въ крестьянское платье, въ большой соломенной шляпкѣ, съ кор-

зинкою полною огородной зелени на рукѣ, прелестная какъ Ангелъ, съ видомъ царицы и непорочной дѣвы, взошла она въ первой разѣ на свою пѣлегу и расположилась между капустою и рѣпкою такъ непринужденно, такъ просто, какъ будто уже пріучена была къ тому продолжительнымъ обыкомъ. Я удивлялся, но менѣе удивлялся ея несравненнымъ поспункамъ, нежели той простотѣ, которою поспунки ея украшены были во всякое время.

Люція все успѣвала дѣлать, и никакого труда не находила она тяжкимъ. Минуты ея распредѣлены были такъ порядочно, съ такимъ благоразумнымъ расчетомъ, что никогда не казалась она озабоченною своимъ дѣломъ, и я шѣмъ болѣе наслаждался ея трудолюбіемъ, что ни въ какомъ случаѣ незамѣчалъ въ ней усталости: со всѣмъ непомню, чтобы она или задумывалась, или скучала. Тихая веселость ея всегда была одинакова: трудомъ укрѣпила она свое здоровье; а на лицѣ ея, удивительно сохранившемъ свою бѣлизну, разцвѣщали и живость и свѣжесть.

Я никогда не могъ привыкнуть къ тому удовольствію, съ какимъ смотрѣлъ на нее работающую или въ кухнѣ, или на плычьемъ дворѣ, или въ кабинетѣ, гдѣ

она иногда рисовала цвѣткѣ, мною для нее возвращенный, иногда играла на фортепѣано какую нибудь Шпейбельшову сонату, иногда сидѣла за книгою. Таланпы придавали неизбяснимую прелесть ея хозяйственнымъ заботамъ, а ея превосходныя свѣдѣнїя въ хозяйствѣ удивительно украшали сїи прїятныя паланпы.

Мы собрали нѣсколько лучшихъ книгъ, и вечера были у насъ опредѣлены для чтенїя. Въ это время особенно нравились намъ избъ стихотворныхъ произведенїй именно шѣ, которыя прежде казались искусственными и слишкомъ далекими отъ истины — еклоги. Я не скажу, чтобы изображенїя природы и сельской жизни, находящїяся въ сихъ поемахъ, совершенно меня удовлетворяли; но я уже не почиталъ ихъ ни мечтательными, ни слишкомъ украшенными. Какое изображенїе Виргилѣвой, или Геснеровой пастушки могло мнѣ казаться не естественнымъ, когда я смотрѣлъ на Люцію, или ее слушалъ? И вся наша жизнь не была ли идиллїя, достойная кисти добродѣтельнаго Цирихскаго Поета? Напротїивъ, перечитывая буклическихъ стихотворцевъ, я замѣчалъ, что истинныя чувства были ими выражаемы или слишкомъ слабо, или только слегка, и что любовь особенно рѣдко являлась у нихъ съ чертами чувствительности.

спи глубокой. Я сообщилъ свое замѣчаніе Люціи. „Епо происходитъ отъ того, отвѣчала она, что стихотворцы никогда не описываютъ счастливой любви супруговъ!“ — И я по же думаю; любовь, основанная на удивленіи сердца, любовь очищенная отъ ревности, безпокойства, сомнѣнія, имѣетъ въ себѣ нѣчто небесное: кто же осмѣлился изображать ее? . . . — „И надобно замѣтнть, что истинная чувствительность согласуется съ одною только позволенною, непорочною любовію; ибо одна невинная, позволенная привязанность можетъ быть и продолжительна и постоянна. Она одна великодушна и благородна; всякая другая болѣе или менѣе смѣшана съ эгоизмомъ: спрашивается необузданная всякую минушу готова пожертвовать и честію и славою и спокойствіемъ милого предмета. О какъ ничтожны и слабы тѣ склонности, которыхъ неодобряетъ разумъ! Довольно одной разительной, справедливой мысли, чтобы заставить насъ отъ нихъ отказаться. А принужденіе ихъ скрывать, а спыдѣ, сочувствующій ихъ открытію сколь тяжкосны они для души чувствительной и высокой!“ . . . — Описывая силу виновной спраси, всегда описываютъ одно несчастіе, ибо называютъ ее изступленіемъ. О Люція! мы неимѣемъ сего изступленія! Чѣмъ болѣе повинuemся разуму, тѣмъ

счастіе наше спановишься и чище и совершеннѣе! Любовь моя къ тебѣ можетъ увеличиться только тогда, когда и сердце мое пріобрѣтетъ болѣе добродѣтелей, благородства и чувствъ высокихъ; сдѣлавшись лучшимъ, я сдѣлаюсь болѣе чувствительнымъ: чтобы охладѣть въ любви, мнѣ надобно развратиться; а для такой любви, какова наша, ни призраки, ни заблужденія уже не существуютъ; она равно украшаетъ и ранніе и поздніе годы жизни: воспоминанія объ ней имѣютъ всю прелесть воспоминанія о добродѣтели. О Люція! скажи мнѣ, ели любовь не есть ли единственное основаніе своихъ поступковъ? — „Нѣтъ, милой другъ! должно въ всякихъ обстоятельствахъ жизни имѣть для женщины силу любви!“ — Но ты была бы менѣе счастлива. — „Я наслаждалась бы другаго рода счастіемъ: я болѣе значила бы въ собственныхъ глазахъ своихъ; теперь попрошивъ могу ли уважать скольконибудь мои поступки? Я не упрекаю себя ни въ чемъ; я имѣю спокойствіе невинности: но если ни для какого поступка не нужно мнѣ дѣлать надъ собою усилія, ни подкрѣплять себя убѣжденіями разсудка, то какъ могу воображать, что я добродѣтельна? Ахъ, нѣтъ! я могу только радоваться своимъ счастіемъ!“ Такъ скромно судила о себѣ Люція.

Къ усовершенствованію наслажденій моихъ недоспавало одного полько свидѣтеля, способнаго меня понимашь: я чувствовалъ, что для меня необходимо было говорить объ ней, и раздѣлять восхищеніе мое съ другими. „Ахъ! восклицала иногда Люція, когда бы Вольнисъ, когда бы Ельмира были съ нами!“ . . . Какъ живо участвовалъ я въ епомъ желаніи ея сердца!

Все было соединено для очарованія нашей жизни: любовь, молодость, здоровье, непорочныя склонности, спокойствіе совершенное; мы были заключены въ шой счастливой посредственности, въ копорой желанія не могутъ расширяться, не сдѣлавшись честолюбивыми, и мы, умѣя цѣнить пріятную свою ограниченность, искренно сожалѣли о пѣхъ несчастныхъ, копорыхъ гибельное величіе окружено злодѣйствами, завистью, злобою, гоненіемъ. И самое удовольствіе благошворительности не было у насъ похищено. Люція въ началѣ каждой недѣли относала прекрасный хлѣбъ своего печенья къ одной бѣдной вдовѣ, имѣвшей прехъ малолѣпныхъ дѣшей, и жившей не подалеку отъ насъ; а я присоединялъ къ ешому скромному подарку нѣскольکو связокъ лучшаго салада: такимъ образомъ по силамъ своимъ помогали мы существовать горестному семейству. **Добрая**

вдова жила рукодѣльемъ, и еша работа, соединенная съ нашимъ пособіемъ, составляла и для нее и для несчастной ея сироты пропитаніе вѣрное. Хижина бѣдной женщины сей была въ двухъ стахъ шагахъ отъ нашей — ветхая, почти развалившаяся. Иосифъ съ моею помощію поправилъ ее, и она по крайней мѣрѣ могла уже давать защиту отъ холода или дождя. Люція между тѣмъ заботилась и о приведеніи въ лучшее состояніе хозяйства Мони (имя вдовы); она дарила ее посудой — иногда какоюнибудь оловянною чашею, глинянымъ горшкомъ, спеклянною кружкою; сама приносила ихъ въ хижину — сама разсипавлила по полкамъ, и еша забота была чрезвычайно для нее пріятна — она опшупала на нѣсколько шаговъ, чтобъ издали полюбоваться своимъ порядкомъ — опяшь приближалась, — еще чтонибудь перемѣняла — снова опходила — словомъ, въ минушу благотворенія была младенецъ, но милый и восхищительный младенецъ. И всякой разъ епо разсмаприваніе оканчивалось печальнымъ вздохомъ, котораго причина была весьма для меня понятна; Люція сожалѣла, что епо собраніе рѣдкостей было не полно, и что на полкахъ оставались пущыя мѣсца, которыя, не смотря на ея стараніе расположить съ возможнымъ великолѣпиемъ спананы, горшки и

кружки, все еще оспавались замѣшны. Она воображала, какой прекрасный видъ составили бы двѣ или три новыя вазы, и сожалѣла, что не имѣла на ту минушу ничего лишняго между своею посудою. И возвращаясь домой, я былъ увѣренъ, что найду ее въ великомъ размышленіи передъ шкапомъ, спарающуюся доказать себѣ, что та или другая вещь для насъ бесполезны, дабы имѣть основательную причину переселить ее на полку бѣдной сосѣдки. Милая, прогашельная благошворительность! Сердце ея хотѣло уклониться отъ того правила, которое предписываетъ намъ сохранятьъ должную мѣру въ благошвореніи, дабы она могла быть и основательною и исполненною. Люція чувствовала, что наспоющая возможность есть истинная мѣра благошворительности для добраго сердца. О благость Божественнаго Промысла! какія наслажденія и въ самыхъ несчастіяхъ даруешь ты чувствительному сердцу!

Прошло болѣе двухъ лѣтъ со времени переселенія нашего въ Америку. Господинъ Т* *, котораго мы часно видали въ Парижѣ, любезный своимъ умомъ, крошкимъ характеромъ и остроуміемъ въ разговорѣ, также принужденъ былъ искасть убѣжища въ епой части свѣта. Ему неизвѣстно было, что мы находимся въ Боспюнѣ; ибо

революція и опдаленіе совсѣмъ разорвали наши съ нимъ связи. Въ одно утро, прохаживаясь по городской площади, увидѣлъ онъ на одной пелегѣ, остановившейся позади великаго множества другихъ, молодую крестьянку, копорой необыкновенная красота его поразила: она показалась ему споль похожею на госпожу Дорсанъ, что онъ рѣшился подойти къ ней поближе. Подходящъ — Люція узнаешъ его и кланяешся. Что вы здѣсь дѣлаете? спрашиваетъ Т***, удивленный до чрезвычайности. — „Дожидаюсь, чтобъ меня пропустили; хочу продавать свою зелень!“ — Въ эту минуту пелеги пронулись, Люція ударила хлыстомъ свою лошадь и скрылась. Она успѣла однако пригласить господина Т** въ нашу хижину и рассказать ему, гдѣ мы жили. Онъ на другой же день опыскалъ наше жилище. Епо посѣщеніе его обрадовало меня несказанно: я видѣлъ наконецъ передъ собою человека, съ копорымъ могъ говорить о Люціи языкомъ ему понятнымъ, и мы имѣли удовольствіе, описанное во многихъ романахъ, рассказать другъ другу случившееся съ нами въ послѣдніе два года. Разговоръ нашъ былъ прерванъ явленіемъ моего негра, копорый съ важнымъ своимъ лицомъ подошелъ прямо къ Люціи, оборотился къ ней спиною, и показавъ большую на камзолѣ своемъ прорѣху, сказалъ:

надобно зачинилъ. Люція, копорая въ ешу минушу говорила, не оспавляя машерїи, взяла иголку и зачинила Іосифовъ камзолъ: милая простота, съ копорою она ешо исполнила, была и прогашельна и вмѣстѣ забавна.

Прощаясь съ нами господинъ Т** сказалъ: весьма естественнo сожалѣшь о васъ при видѣ ешой убогой хижины; но заглянувши во внушренность ея, не лзя удержаться отъ зависти! Пользуйтесь своимъ счастьемъ: никакая сила Форшуны и никакое волненіе имперїи не могутъ его у васъ похипить!

‘Такъ конечно!’ и я умѣлъ чувствовати цѣну такого счастья! Самое однообразіе нашей жизни имѣло особенную свою прелесть. Въ каждой недѣлѣ и въ каждомъ днѣ были для насъ эпохи удовольствїя, отличныя отъ прочихъ своею прїятносію — и еша прїятность ни мало не уменьшилась отъ времени и привычки. Напримѣръ минуша завтрака всегда бывала для насъ удивительно счастливою, особенно лѣтомъ, въ хорошій день на воздухѣ, подъ шѣнію прекрасной виноградной бесѣдки; я никогда не садился за столъ безъ нѣкопорого радостнаго нетерпѣнія: работа усиливаетъ аппетитъ, а мой обѣдъ госпо-

свою прогашельнымъ благословеніемъ ма-
пери, копорое призывало и безъ сомнвнїя
влекло на главу его благословеніе Вездѣсу-
щаго! . . . Черезъ нѣсколькѣ времени новое
упражненіе увеличило для насъ прїяшность
уединенной жизни — забота о воспитанїи
нашего сына. Я училъ его Латинскому
языку, Исторїи, Географїи; а Люція дава-
ла ему уроки рисованья; онъ находился при
всѣхъ нашихъ чпенїяхъ, копорыхъ пре-
леснь увеличивалась онъ его присущствїя;
а милый характеръ его и прилѣжность
были сладчайшею наградою за всѣ наши
о немъ попеченїя. Онъ обожалъ свою мать,
и я наконецъ уже могъ говорить съ нимъ
о ея совершенствѣ, могъ уже открывать
ему свои чувства, копорыя онъ понималъ,
и словомъ, онъ былъ для меня и самый пре-
лесный младенецъ и самый любезный
повѣренный моего сердца.

Наконецъ, по прошествїи четырнадца-
ти лѣтъ, благодаря швоему старанїю, я
могъ возвратиться во Францію; но мы не
безъ сожалѣнїя прощались съ тою смирен-
ною жижиною, въ копорой не было для
насъ ни одинаго дня печали, въ копорой
изъ самыхъ горестей извлекали мы насла-
жденїя прамыя.

Путешествїе наше было благополуч-
но. — Увидя опечесивенный берегъ, я не

почувствовалъ себя счастливѣе; но мнѣ показалось, что прежняя молодость ко мнѣ возвратилась — а теперь, видя себя въ кругу драгоценнѣйшихъ для меня людей, чувствую во глубинѣ души, что счастьемъ совершеннымъ можемъ мы наслаждаться только въ обществѣ, а не въ разлукѣ съ милымъ семействомъ. В.

Взыскательность молодой женщины.

Молодая Амелія д'Освилъ, избалованная счастьемъ, природою, любовію нѣжныхъ родителей и свѣтомъ, была нѣсколько вѣтрена — и это весьма естественно; пріучаясь съ молодыхъ лѣтъ имѣть довѣренность къ своимъ великимъ достоинствамъ, мы нечувствительно дѣлаемся и легкомысленны и тщеславны, и рѣдко бываемъ способны къ основательнымъ размышленіямъ.

Но милая шестнадцать лѣтъ, пріятное лицо, любезность и привлекательный умъ могутъ иногда украшать въ глазахъ нашихъ малые недоспапки. Тщеславіе любимой женщины кажется намъ справедливостию, и мы забываемъ, что скром-

носье ея была бы для насъ гораздо прїятнѣе. Клерваль, влюбленный въ Амелїю, желая понравиться ей, упопрѣбилъ самой обыкновенной и самой дѣйствительной способъ — ласкашельство. Клерваль имѣлъ острый умъ, воображеніе живое, и дарованіе, весьма не важное, но прїятное, сочинялъ съ большою легкостію свѣтскіе стихи, копорыхъ главное достоинство состояло въ приличїи: они рождаются подобно искрамъ, блискающъ одну минушу, и очень часто глубокое впечатлѣніе остается на сердцѣ той женщины, копорая была ихъ предметомъ.

Клерваль получилъ наконецъ руку Амелїи. — Прешло два года, Амелїя сдѣлалась матерью, и ни что по видимому не возмущало семейственнаго ихъ счастья. Но обхожденіе Клерваля мало по малу совсѣмъ перемѣнилось: онъ былъ примѣрный мужъ — ещо правда; но Муза его замолчала, и онъ пересталъ уже превозносить въ спрашанныхъ мадригалахъ прелестные глаза Амелїи. Заботясь объ одномъ ея счастьи, онъ забывалъ ласкашельство, и всѣ его слова были простымъ выраженїемъ довѣренности, уваженїя, дружества неприщворнаго. Онъ думалъ, что языкъ счастья неимѣетъ никакого сходства съ языкомъ желанїй; что лещь, иногда очень прїятная въ свѣтъ,

совсѣмъ не должна быть терпима въ обхожденіи съ женою, всегдашнимъ соупникомъ нашей жизни; словомъ, Клерваль, любезнѣйшій изъ любовниковъ до брака, сдѣлавшись мужемъ Амеліи, желалъ бытъ просто любезнѣйшимъ изъ супруговъ.

Но имѣть не болѣе осьмнадцати лѣтъ и любить своего мужа за одни добрыя качества — какая рѣдкость! Въ сіи лѣта обыкновенное размышленіе не успѣло еще перейти въ сердце, и Амелія чувствительно оскорбилась ужасною переменною Клерваля. Она вообразила, что молодость и красота давали ей полное право искашь въ большемъ свѣтѣ того *обожанія*, въ кошоромъ отказывали ей дома; скоро замѣтили, что главною спрассію Амеліи было щеславіе, и всякой свѣшилъ угождать ей эпшой взыскательной спрассіи; ибо Амелія была въ самомъ дѣлѣ прелесна. Но Клерваль съ своей стороны также замѣшилъ, что жена его пользовалась блестящими подвигами своими весьма неумѣренно; и онъ подумалъ, что такое чрезмѣрное желаніе нравиться наконецъ можетъ бытъ вреднымъ собственному его счастью и очернитъ Амелію во мнѣніи свѣща. „Ты очень была весела на вчерашнемъ балѣ! сказалъ онъ однажды Амеліи: я замѣчаю съ огорченіемъ, милый другъ, что ты въ боль-

шомъ свѣтѣ кажешься счастливѣе, нежели дома.“ — Ты не ошибся, опвѣчала Амелія. Въ свѣтѣ умбюшъ мнѣ отдавашь справедливоснѣ, а дома я совершенно забыла. — „Какъ можно имѣшь такія мысли, Амелія! Въ свѣтѣ говорашъ тебѣ много пріятнаго, и ещо очень хорошо; но дома обращающа сѣ тобою какъ сѣ женщиною, доспойною уваженія, какъ сѣ доброю маперью, какъ сѣ нѣжною супругою, и ещо гораздо лучше. Въ свѣтѣ самолюбіе приводитъ въ движеніе всѣ пружины легкаго и вѣтреннаго ума, чшобы вскружишь тебѣ голову; дома говоришь сѣ тобою сердце со всею откровенноснѣю. Въ свѣтѣ хошашъ тебѣ обольсшишь; но дома . . .

Ещомъ разговоръ былъ прерванъ прибытіемъ гостей. Госпожа Клерваль, окруженная роемъ модныхъ молодыхъ людей, назалась царицею между восхищенными подданными. Разговоръ былъ живой, хошя несвязной; каждой находилъ способъ оказашъ любезноснѣ свою и оспроуміе. Всякое слово Амеліи замѣчено; его повшоряющъ, имѣ восхищающа! Какъ она мила! какая пріятноснѣ! какой тонной умъ! и похвалы сѣи были тѣмъ обольстителнѣе, чшѣ Амелія въ самомъ дѣлѣ ихъ споила.

Въ числѣ молодыхъ обожашелей г-жи Клерваль особенно отличался Флоревиль.

Онъ былъ очень спроенъ, имѣлъ пріятное лице, одѣвался по самой послѣдней модѣ. Правда, что всѣ наружныя пріятности сїи были испорчены излишнею внимательностію къ самому себѣ, и что при всей необыкновенной бѣглости ума своего Флоревиль неимѣлъ ни капли здраваго разсудка; но правда и то, что неимѣя епихъ двухъ недоспашковъ, онъ не приобрѣлъ бы конечно такого успѣха въ свѣтѣ, гдѣ принужденность, происходящая отъ чрезвычайнаго старанія нравиться, принимаема за хорошиіи вкусъ, старанности кажущаяся хорошимъ *пономъ* и недоспашковъ модный не рѣдко предпочитающіи самому доброму качеству.

Флоревиль неопшупно преслѣдовалъ Амелію, и начиналъ уже думать, что она была къ нему нѣсколько благосклонна. Онъ въ самомъ дѣлѣ нешибался. Амелія имѣла правила и всею душею любила свою должность; но было уже время подать разсудку ей помощь.

Въ одинъ день Клерваль нашелъ на письменномъ столѣ жены своей недокончанное письмо — и вошъ что писала Амелія къ короткой пріятельницѣ своей, госпожѣ д'Орменонъ :

„Напрасно, мой милой другъ, завидуешь моему соспомянью. Я счастлива, если хочешь — но ешо счастье совсѣмъ не сходствуетъ съ пріятнымъ своимъ описаніемъ. Клерваль есть лучший изъ людей, и я совершенно увѣрена, что онъ меня любитъ. Но говоришь ли искренно? Клерваль уже не то, что былъ до нашего соединенія. Исчезло время, въ которое онъ угождалъ моимъ малѣйшимъ прихотямъ, спѣшилъ предупреждать малѣйшія мои желанія. Тогда каждое слово его была пріятная ласка — шеперь . . . онъ совершенно забылъ любезный языкъ привѣщанія. Мы сдѣлались равными; онъ даже осмѣливается подавать мнѣ совѣты — мнѣ, копорой каждое слово было для него нѣкогда закономъ. Онъ совершенно пренебрегаетъ шѣми способами, копорыми прежде спарался мнѣ нравиться, и копорые одни могли привязать къ нему мое сердце. Сказать яснѣе, я умерла бы со скуки, если бы неокружало меня множество милыхъ молодыхъ людей — всѣ они восхищаются мною, и всѣ восхищаютъ меня своимъ вниманіемъ, шѣмъ болѣе ошущительнымъ, что мой Клерваль часъ отъ часу спановится невнимательнѣе. Между ими есть одинъ. . . Ахъ, Люція! когда бы ты его увидѣла! Имя его Флоревиль! Не возможно бытъ оспроумнѣе, любезнѣе, привлекательнѣе. Каждое слово его мило —

онъ теперь въ модѣ, и надобно признаться, что мода на епомъ случай въ выборѣ своемъ не ошиблась. Я замѣчаю, что онъ оплихнулъ меня опъ другихъ. . .“ На епомъ мѣстѣ Амелія оспановилась.

Такое письмо не могло не пронуть Клерваля. Но онъ, подумавъ нѣсколько минутъ, нашелъ, что епо же огорчительное письмо предспавляло ему и самой вѣрнѣйшій способъ исправить легкомысленную Амелію. Она меня любитъ — подумалъ Клерваль — она опдаетъ справедливость моему сердцу; не поступки мои, но понъ моего обхожденія съ нею находить она вепрѣяшными — согласенъ! гошовъ перемѣнить обхожденіе. Она желаетъ ласкашельства и привѣшпвій — исполню ея желанія; соперники мои побѣждены будущъ собственнымъ ихъ оружіемъ, или лучше сказать, Амелія, кошорая имѣетъ здравый разумъ и прямо чувшвишельное сердце, узнаетъ на опытъ, какъ скучны ласкашельства свѣтскихъ людей, когда замѣняетъ оно въ дружескомъ союзѣ проспошу, опкровенное и скромное уваженіе.

Онъ прѣзжаетъ въ шо общество, въ кошоромъ находилась шогда Амелія; подходитъ къ ней, вмѣшпвается въ толпу окружающихъ обожашелей. Флорениль оживляетъ

общій разговоръ, и никогда еще небылъ онъ такъ привлекателенъ и такъ оспроуменъ. Онъ осыпалъ Амелію милыми ласкательствами, и прелесть его выраженій приводила въ уныніе всѣхъ другихъ собесѣдниковъ, которые опчаявались дойти до такого совершенства любезности. Между тѣмъ Клерваль приготоовилъ для общества всѣмъ новаго рода сцену: онъ садился между Амеліею и Флоревилемъ, и вдругъ началась между ими спрашная борьба привѣспвій, бѣглый огонь мадригаловъ, которыхъ предметомъ, или лучше сказать жертвою была Амелія! Клерваль наконецъ одержалъ побѣду.

Начались игры — ихъ называютъ *невинными*; но еспа невинность въ одномъ только имени. Клерваль ни на шагъ не отдаляется отъ Амеліи; онъ пользуется каждымъ случаемъ, чшобы сказать ей лестное слово. Амелія приведена въ великое замѣщательство спрашною ролею своего мужа; она краснѣетъ, замѣчая, чшо всѣ другія женщины смотрятъ на нее съ язвительною улыбкою; вслушивается въ ихъ слова; нѣсколько голосовъ позади ее шепчутъ: „Какъ епощъ Клерваль забавенъ! Смѣшно говорить женѣ своей такія похвалы въ больщомъ обществѣ! Развѣ не имешъ онъ времени пересказать ей все епо на единѣ! Любви

супружеская очень пріятна дома ; но въ свѣтѣ . . . какая снранность ! “

Начинають вынимать фанты ; Флоревилу досаждаетъ описывать любимую имъ женщину — и поршреть его найденъ восхищительнымъ. Какъ не узнать Амеліи ? Всѣ на нее смотрятъ — бесполезная на-смѣшка зависти , увеличивающая шорже-ство красоты ! Наконецъ и на Клерваль возлагають шу же обязанность , которую такъ удачно исполнилъ Флоревиль , и поршреть его былъ гораздо милѣе перваго — и всѣ опять узнали Амелію.

Наконецъ епо несносно ! — „Какая глупость ! говорятъ въ полголоса женщины : Клерваль совсѣмъ потерялъ рассу-докъ ! “ — „Еписопъ Клерваль человекъ примѣрный — шепчуть молодые мушцины — не всякой мужъ описалъ бы жену свою такими прелесными красками.“ —

Наконецъ посѣтители начали разбѣз-жались. Клерваль опроченью побѣжалъ за шалью Амеліи , подалъ ей руку , и самъ посадилъ ее въ карету ; но оставшись съ нею на единѣ , онъ неперемѣнилъ обра-щенія. Амелія во всю дорогу молчала ; воз-вращаясь домой , не могла уже сохранить сво-его шербнія. — „Поступки ваши , сударь ,

для меня загадка! Скажите мнѣ ради Бога, что съ вами случилось? Я начинаю думать, что вы сошли съ ума!“ — Нельзя не поперяшь его въ вашемъ присутствіи. — „Всѣ ваши удивительныя привѣтствія. . .“ — Очень мало достойны вашей любезности. — „И ешо забавное обожаіе. . .“ — Какъ слабо оно въ сравненіи съ божествомъ! — „А вашъ портретъ. . .“ — Совсѣмъ не украшенный — „Но чрезвычайно спранный!“ — Какое искусство изобразить такія прелести? — „Вы сдѣлали меня смѣшною въ глазахъ женщинъ.“ — Онѣ завидовали вашимъ пріятностямъ. — „Мушны безжалостно смѣялись надъ вами.“ — Они завидовали моему счастью. — „Я нѣсколько разъ принуждена была краснѣть“ — Милой румянецъ спыдливости усиливаетъ очарованіе прелестей.

Клерваль удался. Амелія въ спральной досадѣ — она спыдился поей роли, которую принужденно играла во весь ешотъ вечеръ; колкія шутки, сказанія на счетъ ея въ обществѣ, безпреспанно оспызывались въ ухахъ ея.

На другой день Клерваль приходитъ ранѣе обыкновеннаго въ ея кабинетъ, весьма оспорожно спворяетъ двери, приближается съ поропливостію робнаго обожа-

шеля. — Позволено ли мнѣ войши въ священные лице Граціи? — Амелія пожимаетъ плечами. — Какая свѣжеспъ въ лицѣ! продолжаетъ Клерваль, какъ будто не замѣпивъ, что она недовольна: всѣ розы весны соединились на вашихъ щекахъ! — Амелія не отвѣчаетъ. Приносятъ ея сына; она беретъ его на руки, цѣлуетъ. Ахъ! восклицаетъ Клерваль, какая карпина! Амуръ въ объятіяхъ Венеры! — „Боже мой! сказала наконецъ Амелія: какой удивительной языкъ! Такъ ли надобно говоришь мужу съ женою, или опцу о сынѣ? Покорно прошу васъ перемѣнить епо обхожденіе; я начинаю сердиться.“ — Сердисься! Можно ли? Такіе прелестные глаза! — „Епо несносно! вы уморите меня со скуки! Прошу васъ освавить меня одну; въ уединеніи гораздо пріятнѣе, нежели въ обществѣ съ человѣкомъ, упомняющимъ своею леспію.“

Въ епо время Клерваль имѣлъ важную пѣзбу, копорая занимала его весьма много, и она уже приведена была къ совершенному окончанію — ожидали полью рѣшительнаго приговора судей. Но Клерваль по видимому совсѣмъ пересталъ заботиться о своемъ дѣлѣ; онъ занимался одною Амелією. Къ нему являлся спрятчій для нужнаго переговора; но въ епо время онъ сочинялъ для Амеліи пѣсню. Амелія при-

спускаешь къ нему, чтобы онъ побжалъ къ судьямъ. — „Что вы говорите, Амелія! мнѣ разлучиться съ вами для низкаго интереса?“ — Но вы потеряете свой процессъ!“ — За то непоперяю ни одного вашего взора! — „Вы разоритесь!“ — Но вы останетесь моею; не буду ли я первый богачъ на свѣтѣ? — Амелія хочетъ уйти; Клерваль удерживаетъ ее, и проситъ почти на колѣняхъ, чтобы она выслушала его стихи; Амелія въ спчаянїи; Клерваль поетъ десять огромныхъ куплетовъ, въ которыхъ всѣ божества мифологїи принесены были на жертву Амелїинымъ прелестьямъ.

Наконецъ онъ удался — и въ эту самую минуту приходящъ сказать о прїѣздѣ Флоревилля; Флоревиль являющъся — онъ ловокъ и милъ по обыкновенному; онъ приготовилъ тысячу любезныхъ привѣтствій; рассказываетъ о послѣднемъ балѣ, на которомъ Амелїи не было. — „Конечно онъ былъ блестящій?“ спросила Амелія весьма равнодушно. — Блестящій! безъ васъ? И Флоревиль начинаешь описывать видѣнныхъ имъ на этомъ балѣ людей и въ особенноти тѣхъ женщинъ, которыхъ красота могла нѣсколько беспокоить Амелїю. Амелїя слушаетъ безъ вниманїя; невольно мысли ея обращаются на тотъ разговоръ, который имѣ-

ла она съ Клервалемъ. Флоревиль замѣтилъ
 ея разсѣянность. — Чшо сдѣлалось съ ва-
 ми? Вы кажешесь нѣсколько печальны! Не-
 счастіе? огорченіе? Но вамъ ли огорчаться!
 всѣ женщины смотрятъ на васъ гла-
 зами зависти! — „Меня занимаешь тяж-
 ба!“ — Тяжба? О небо! но вѣрно не съ
 Граціями! — Какая скука! подумала Аме-
 лія: почто языкъ моего мужа.“ Но дол-
 жно было отвѣчать на мадригалъ Флоре-
 вилевъ. — „Епощъ процессъ для меня очень
 важенъ! и если онъ будетъ про-
 игранъ. . . — Проигранъ! спыдицесь гово-
 ришь. Ваши судьи мущины; а вашимъ хо-
 дашаемъ будетъ Амуръ! — Амелія начи-
 наешь показывать неперпѣнїе: она готова
 уже просить, чшобъ ей позволено было
 удалиться; но въ епу минушу является ея
 мужъ. . . Лице его блискаетъ: „Амелія, ку-
 плепы мои готовы. . . Ахъ, Флоревиль!
 вы здѣсь; какая счастливая встрѣча! вы
 сами пишете очень прїятно стихи; про-
 шу васъ покорно выслушать мою пѣсню
 и быть моимъ судіею“ — и не дождавшись
 отвѣта Клерваль запѣлъ. Онъ оспанавли-
 вался послѣ каждаго куплета, и взгляды-
 валъ на Флоревиля; а Флоревиль по неволѣ
 принужденъ былъ восклицать опѣ воспорѣ-
 га. Амелія страдаетъ, и къ довершенію
 муки ея снова начинается бой комплимен-
 товъ между Клервалемъ и Флоревилемъ.

Мадригалы сыплюсь на нее градомъ; она едва непадаетъ въ обморокъ.

Наконецъ Флоревиль почувствовалъ, что весь запасъ его почти истощился, и рассудилъ оставить мѣсто сраженія. — Надобно признаться, сказалъ Клерваль, что епошъ молодой человекъ очень любезенъ. — „Скажете несносенъ!“ — Можно ли? Все, что онъ ни говоритъ — „Такъ для меня непріятно!“ — Признайтесь однако, что онъ очень мило умѣетъ сказать лестное слово! — Но всѣ его лестныя слова для меня ужасно скучны!“ — Просшите меня, Амелія! вы очень любите, чтобъ вамъ говорили привѣтствія. — „Можно ли ихъ любить? они усыпительны.“ — Однако Флоревилево остроуміе . . . — „Жалкое остроуміе!“ — Правда и то, что вы имѣете полное право быть строгими въ сужденіи остроумія! — „Боже мой! опять! Скажете мнѣ, Клерваль, переѣхали ли вы когда нибудь свое обращеніе? Языкъ вашъ. . .“ Научите меня другому! — „Еще холодная привѣтливость, продолжала Амелія, проливая слезы, приводить меня въ опечаленіе. Гдѣ прежній языкъ довѣренности, уваженія, дружбы? Ахъ, Клерваль! ошъ чего могли вы такъ много переѣхаться! Было время, когда вы говорили со мною какъ нѣжный, искренній другъ. . . Теперь не уже-

ди вы переспали бышь моимъ другомъ?“ — Я все швой другъ, моя обожаемая Амелія! воскликнулъ Клерваль, прижавши ее къ сердцу: прости мнѣ ешу маленькую хитрость, копорую почишалъ я для исцѣленія швоего необходимою. Излишнее щещеславїе заставляло тебя любить и предпочипать всему на свѣшѣ по обольщипельное ласкашельство, копорого испинную цѣну шеперь шы узнала. Я хощѣлъ доказать шebb, что удовольствїя самолюбїя, ослапляющїя на минушу въ большомъ свѣшѣ, несосны между корощкими, опкровенными друзьями. . . „Что я слышу! воскликнула Амелія съ веселымъ видомъ: все ешо было одинъ обманъ? Ты говорилъ не отъ сердца? Какъ я счастлива! Урокъ швой очень любезенъ, и я даю шebb слово упопрещипь его въ свою пользу! Осшавимъ привѣпливоспъ большому свѣшпу; но между нами, въ счастливомъ уединенїи семейства, пускай живешъ прощоща и шѣжная, невзыскашельная дружба.“ В.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Селадонъ и Амелія,

(*Елизодъ изъ Четырехъ временъ Томсона.*)

Ужасенъ грома гласъ пороковъ злыхъ рабамъ,
Но мстишель пламенный паръ по небесамъ,
Всегда въ приносилъ казнь дрожащему злодѣю? —
Любезный *Селадонъ* съ *Амеліей* своею
Являли образецъ прелестныя чешы,
Въ нихъ равна доброта; въ нихъ равны кра-
сошы;

Единство милое лицъ поломъ раздѣлялось;
Въ ней упрое раннее, златое улыбалось;
Въ немъ ясной, яркой день, краса природы
всей.

Любовь связала ихъ, любовь блаженныхъ дней,
Подруга простоты, кошорая сначала
Невинность, искренность и счастье въ насъ
питала.

То было дружество, союзъ сердецъ свяшой;
Надежда сладкая, увѣренность, покой
Свѣжились въ ихъ очахъ и въ души изливались,
Любови преданы, другъ другомъ восхищались,
Другъ другу были шѣмъ, чѣмъ каждой былъ
себѣ;

Другъ друга радовашь — обѣщали ихъ судьбѣ. —
Въ уединеніи, сквозь шѣни дровъ прохладны
День сельской освѣщаль бесѣды ихъ оправды;
Нѣмой языкъ сердецъ; вопль весь ихъ раз-
говоръ;

Люби и будь любимъ: слова замѣнитъ взоръ!

И жизнь капилась ихъ, какъ шихій ключъ
 кристальной,
 Безъ бурь и безъ заботъ. — Однажды, въ ро-
 щѣ дальней,
 Постигла ихъ гроза, обманушихъ пропой. —
 Безпечны, заняты единственно собой,
 Когда сама Любовь любимцовъ провождая,
 Велѣла вокругъ цвѣспи очарованьямъ рая,
 Могли ли замѣчать, куда ведетъ ихъ путь?
 — Вдыханья помныя шѣснили дѣвы грудь,
 И въ сердцѣ вѣщемъ хладъ безвѣспный воз-
 раждался;
 Печальный взоръ ея-то робко поднимался
 Къ греющимъ небесамъ, по въ горестныхъ
 слезахъ
 На друга упалъ, чшобъ въ немъ прочесть —
 свой страхъ!
 Ни Вѣра, ни Любовь ее не подкрѣпляла;
 И въ препетѣ она, казалось, сръшала
 Парящую къ ней Смерть! . . . и замеръ друж-
 бы гласъ!
 И щещенъ всякъ совѣщъ! Какъ Ангелъ, въ
 смертной часъ,
 Со взоромъ, шающимъ въ любви и умиленъ,
 Зришь праведной души на небо возвращенье:
 Такъ Селадонъ взиралъ на блѣдны красоты. —
 „Невинность кропкая! чего боишься ты? —
 „Что бури для тебя? — Ты чужда престу-
 пленья
 „И скрышихъ въ сердцѣ бурь. — Когда по-
 сланникъ мщенья
 „Изъ мрака сыплешъ казнь: — по радость и
 покой
 „Вокругъ тебя стояшъ; — духъ смерти
 роковой
 „Въ полунощи, во дни, блуждая невидимо,

„Съ тобою встрѣлился, — и шихо пройдетъ
мимо! —

„Сей громъ — глаголъ суда для изверговъ зем-
ныхъ —

„Какъ Серафимской хоръ, крѣпитъ сердца Свя-
тыхъ. —

„Блаженъ, кто зритъ себя, блаженъ руково-
димый

„Тобою въ храмъ добра!“ — — — Судьбы не-
поспѣдимы! —

Едва успѣлъ сказать . . . развился молній клубъ,

И дѣва милая — бездушный, хладный шрунъ!

— Кто, кто изобразитъ любовника несчастна

Во изскупленіи, недвижима, безгласна,

Окаменѣлаго надъ перспію драгой! —

Таковъ поспавленный надъ гробною доской

Скудельный ишуканъ, усопшихъ другъ при-
творный,

Безмолвю вѣчному и горести покорный.

Мрзля.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

ОРХЕСТИКА.

О танцовальномъ искусствѣ.

Что сему искусству принадлежитъ
неопшѣмое право стоять на ряду со
всеми изящными искусствами, показано

въ спашьи предшедшей (*). Кпо захочетъ дойти до самыхъ началъ его, и разсудитъ, сколь удивительная сила заключаея въ формѣ человѣческаго тѣла (**); пошъ легко пойметъ, какое дѣйствіе можетъ произвести та же форма, разнообразно движущаяся и перемѣняющаяся въ своихъ положеніяхъ, и выведетъ для себя заключеніе, что никакому искусству панцовальное неуступитъ въ силѣ дѣйствія на душу. Мы не должны судить о немъ по тому состоянію, въ какомъ представляють его намъ на театрахъ, но по важности и достоинству, до которыхъ оно вознеслось удобно. Неоприцаемъ, что искусство панцовальное, состоящее въ однихъ только легкихъ прыжкахъ, въ быстрыхъ поворотахъ, и въ такомъ видѣ нынѣ почти вездѣ показываемое, незаслуживаетъ особеннаго уваженія; но именно поэтому - оно и должно истинныхъ, вдохновенныхъ гениемъ художниковъ ободрять къ усилямъ возвести сіе искусство на степень, ему приличную. „Сшдно, говоритъ Новеръ (***)“, что панцо-

(*) Въспн. Евр. 1810 No 23 стр. 207.

(**) Позитурою, ш. е. неподвижнымъ положеніемъ тѣла можно выражать состояніе духа, внутреннія чувства и даже страсти: веселость, скуку, благосклонность, презрѣніе, ужасъ и проч.

(***) Il est honteux que la dance renonce à l'empire qu'elle peut avoir sur l'ame et qu'elle ne

вальное искусство опсупаеися опѣ вла-
сти, копорую оно можетѣ имѣть надѣ ду-
шею, и что единственнѣ занимаеися уве-
селеніемѣ взоровѣ,“

Надлежало бы написатѣ цѣлую книгу,
чтобы достапочнѣ и подробно извѣяснишь,
какимѣ образѣ панцовальное искусство
можетѣ возведено бытъ на ту степень ва-
жности и совершенства, копорая предна-
значена для него самою природою. Истин-
ный, подобный Новеру художникѣ, замѣча-
ніями, въ предшедшей спашьи содержащи-
мися, удосповѣрился, что искусство его
можетѣ вознесишь гораздо выше наспоа-
щей своей степени; онѣ въ то же время
увидишь, на какомѣ прочномѣ основаніи
долженѣ созидашь храмину свою, дабы ма-
ло по малу девесци еѣ до желаемой вышины
и совершенства.

Что приписываеися дѣйствию музыки
на воспитаніе, то самое прилично сказашь
и о панцовальномѣ искусствѣ, и еще при-
бавишь, что оно можетѣ дѣйствовашъ го-
раздо надежнѣе, нежели одна музыка. Не
спрудно было бы силы поезіи, музыки и
панцованья соединишь при воспитаніи;
ибо все дѣло шолько въ томѣ, чтобы дѣ-

s'attache qu'à plaire aux yeux. *Lettres sur la
Danse.*

ши панцовали подѣ голосѣ пѣсни. Можно пожелать, чтобы для пользы воспитывающагося юношества составлено было собраніе полезныхъ пѣсенъ, чтобы сіи пѣсни положены были на музыку, и для каждой сочиненъ былъ бы приличный танецъ, въ копоромъ выражалась бы не одна только мѣра пѣсни, но и содержаніе. Не уже ли сіе желаніе надобно ставить въ числѣ несбыточныхъ защѣй воображенія?

Танцованье, предполагаемое къ употребленію при воспитаніи юношества, должно быть очищено отъ всѣхъ жеманныхъ, слишкомъ уже искусственныхъ пѣлодвиженій, отъ всѣхъ прикрасъ излишнихъ, дабы каждой легко могъ ему научиться. При семъ танцованьи надобно болѣе смотрѣть на силу выразительности, нежели на умѣнье прыгать и вершѣться. Въ семъ отношеніи оно походитъ на музыку: кто хочетъ научиться ей совершенно, такъ чтобы могъ играть или пѣть самыя труднѣйшія сочиненія, тотъ долженъ употребить на то большую часть своего времени; но чтобы хорошо пропѣть какую нибудь пріятную пѣсню, или сбить легкую сонату, для епого ненадобно жертвовать и пѣмъ временемъ, которое нужно для другихъ важнѣйшихъ упражненій. Равнымъ образомъ танцы, при воспитаніи юношества употре-

бляемые, должны быть легки, просты и значительны только по характеру и выражению, дабы каждой могъ выучить ихъ, не оставляя другихъ своихъ упражненій.

Въ разсужденіи же публичныхъ танцовъ, было бы неслучливо предлагать о возобновеніи употребленія оныхъ при самыхъ важныхъ случаяхъ, какъ иногда было въ обычаѣ у разныхъ народовъ. Наше время неперпинтъ шѣхъ обрядовъ при общественныхъ празднествахъ, какіе у народовъ, еще хранившихъ первобытную простоту свою, имѣли великую силу. Чѣмъ болѣе распространяется кругъ умозрительныхъ наблюденій, тѣмъ менѣе дѣйствуютъ пышные обряды на чувства. Здѣсь было бы не у мѣста изслѣдованіе, болѣе ли отъ того человекъ лишается, или пріобрѣтаетъ.

И такъ нынѣ остается одно только публичное употребленіе танцованья, по естѣ на театрѣ. Оно требуетъ большихъ поправокъ для своего усовершенствованія. Судя по важности искусства танцовальнаго, всякой просвѣщенной любитель изящности имѣетъ право требовать отъ балетмейстера, чтобы онъ спорилъ о преимуществѣ съ драматическимъ стихопворцомъ.

Нѣтъ нужды желать, чтобы древнѣе панпомимическѣе танцы возобновились поч-но въ томъ видѣ, въ какомъ были они пре-жде. Трагическое или номическое дѣйствіе со всѣми обстоятельствомъ, необходимыми для стихопворца, не прилично для тан-цовъ. Драма, представляемая безъ рѣчей, спѣснена гораздо болѣе драмы пѣсической, и балетмейстеръ опнюдь не долженъ за-бывать о сей ограниченности. Въ спашьи о балетахъ опчаспи показано будетъ, въ чемъ состоитъ сія ограниченность.

Очень вѣроятно, что танцованье и музыка старе всѣхъ прочихъ искусствъ изящныхъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что у Грековъ и другихъ древнихъ наро-довъ танцы были употребляемы не только въ бесѣдахъ, но и при общеспвенныхъ об-рядахъ празднествъ богослужебныхъ и гра-жданскихъ. Какъ далеко у древнихъ, а осо-бливо у Грековъ, доведено было танцоваль-ное искусство, ничего опредѣлительно ска-зать не можно, потому что танцы ихъ для насъ не сохранились; но что древнѣе танцовщики, по крайней мѣрѣ жившіе въ позднѣйшихъ временахъ, а именно при Авгу-стѣ и нѣскольکو ранѣе, очень хорошо зна-ли важнѣйшую часть своего искусства и умѣли выражать душевныя чувства и спра-спи, о томъ изъ многихъ сказаній мо-

жемъ выводилъ свѣдѣнїя почти несомнѣшныя. Здѣсь предлагаеяся только одинъ случай. Циникъ Димитрій никогда не видавши панпомимическихъ панцовъ, презиралъ ихъ, и думалъ, что удивленіе, съ копорымъ вообще опъзывались объ нихъ, болѣе происходило отъ дѣйствїя музыки, нежели отъ панцовъ. Одинъ изъ тогдашнихъ панцовщиковъ, жившій во время Императора Нерона, упробилъ Димитрія посмотірѣть своего искусства. Танцовщикъ, приказавши музыкѣ молчать, безъ помощи звуковъ одними только пѣлодвиженїями представилъ извѣстную баснословную испорїю о любви Марса и Венеры. Философъ, пришедши въ восторгъ отъ удовольствїя, закричалъ къ танцовщику: „Не только вижу, но слышу, что ты представляешь! Миѣ кажется, будто ты говоришь ты руками.“

Вообще можно замѣтить, что въ древнѣе вѣки понятїе о панцованьи было гораздо обширнѣе нежели въ наше время. По одному мѣстпу Илїады, а особливо по замѣчанїю, которое сдѣлалъ Лукїанъ въ своемъ разговорѣ о панцовальномъ искусствѣ, надобно догадываться, что гимнастическія упражненїя, похожія на наше фехтованье, принадлежали къ панцамъ; а изъ вышеупомянушаго событїя, также изъ многихъ другихъ извѣстїй историческихъ, заклю-

чашь можемъ, что вообще *нѣмая игра* актеровъ у древнихъ Римлянъ принадлежала къ танцамъ. Сверхъ того знаемъ, что у древнихъ особливые характеры знаменитѣйшихъ лицъ баснословныхъ и нѣкоторыхъ героевъ весьма часто были представляемы въ соло-танцахъ; такія изображенія мало извѣстны нашимъ танцовщикамъ. Есть примѣры, что древнѣе даже отвлеченныя понятія изображали танцомъ. Секстъ Емпирикъ повѣствуетъ, что танцовщикъ Соспратъ, служившій при Царѣ Антіохѣ, когда отъ Государя приказано ему было танцовать *вольность*, не хотѣлъ исполнить повелѣнїя, потому что Антіохъ поработилъ себѣ Прїену, отечественный городъ Соспрата. Признаться должно, что такое непослушаніе не дѣлаешь никакого безчестїя древнему танцовщину! „Мнѣ неприлично, сказалъ онъ, танцовать *вольность*, коя лишилось мое отечество.“ Однакожь у древнихъ были и такіе танцы, въ которыхъ принадлежали необыкновенныя скачки и весьма трудныя шблдвиженія; ибо Криспъ говоритъ у Лукіана, что стыдно смотрѣть на такого человека, который надмѣру ломаетъ члены своего тѣла.

Въ новѣйшія времена Испалїянцы возобновили древнее обыкновеніе танцовать

на театрахъ, и ешо, по всей вѣроятности, случилось при новомъ образованіи оперы. Въ семнадцатомъ столѣтіи во Франціи прилѣжно занимались усовершенствованіемъ танцовъ. Вообще почитаютъ первымъ, искусѣйшимъ балетмейстеромъ Бошана (Beauchamp), бывшаго директоромъ танцевальной академіи при Лудовикѣ XIV. Въ прочемъ театральное танцванье новѣйшихъ временъ вовсе незаслуживало особеннаго уваженія опъ людей, имѣющихъ надлежащее понятіе объ изящности и вкусѣ. Не прежде какъ въ послѣдней половинѣ истекшаго столѣтія оно начало являться въ такомъ видѣ, по которому достойно можешь занимать мѣсто на ряду съ прочими изящными искусствами. Тому очень много способствовалъ извѣстный Новеръ какъ Письмами своими о танцахъ, такъ многими сочиненными имъ балетами, предпавленными на разныхъ театрахъ. Одинъ просвѣщенный и опытный знатокъ театра увѣряетъ, что Гильфердингъ сдѣлалъ первое начало въ вѣкъ къ усовершенію театральныхъ танцовъ (*). По сему надобно

(*) On peut affurer hardiment que nous n'avons connu (jusque au tems de Hilverding) que le simple alphabet de la Dance. — Des spectateurs froids et tranquilles ont admiré nos pas, nos attitudes, nos mouvemens, notre cadence, notre à plomb avec la même indifférence qu'on

думашь, что для усовершенія панцовальнаго искусства сдѣлано хорошее и прочное начало, и что оно доведено будетъ до той степени важности и достоинства, которая прилична изящнымъ искусствамъ. Т.

Хореографія.

Симъ именемъ называется искусство изображать танцы условными знаками, подобно какъ ношами изображаются поны въ музыкѣ. Кто захотѣлъ бы совершенно описать какой-либо танецъ; тотъ долженъ представить на бумагѣ слѣдующія части оного: 1. путь танцовщика, или шагъ называемую фигуру; 2. части сего пути, соответствующія каждому шагу музыки; 3. составныя части шага, то есть все то, что въ музыкѣ означается каждою ношою; 4. положеніе ногъ, рукъ и всего тѣла; 5. движенія. Для всѣхъ сихъ частей потребны условные знаки.

Фигуру и части оной, то есть колѣна, изображать не трудно; ибо направленіе пу-

admire des yeux, des bouches, des nez, des mains, artificiellement crayonnés. Такъ написано въ предисловіи къ сочиненному г-мъ Анжелини балету *Празднество Петра*, и представленному въ Вѣнѣ Октября 1761 года.

ши означать можно линиями. Чтобы понять, как изображены прочіе знаки, и как изображается ими все принадлежащее до танца, надобно замѣнить слѣдующее. Составныя части или начала всякаго танца суть: *положеніе ногъ*, *положеніе рукъ*, *движенія* на одномъ мѣстѣ, и *шаги* или *движенія* съ переходомъ впередъ и назадъ. Все сіе должно быть изображено знаками, и сверхъ того еще показаны быстрота и медленность движеній.

Для каждаго изъ упомянутыхъ началъ выдуманы опредѣленные знаки, по копорымъ цѣлой танецъ дѣлается вразумительнымъ, точно какъ посредствомъ нотъ пѣсня для музыканта.

Искусство сіе изобрѣнено недавно; однакожь начало его не совсемъ извѣстно. Кажется, первымъ къ тому поводомъ служило изданное въ 1588 году сочиненіе одного Француза *Туанета Арбо*, названное *Орхизографією*. Его изобрѣненіе состояло въ томъ, что онъ подъ ногами пѣсни означалъ шаги; но для фигуры и другихъ принадлежностей танца у него небыло никакихъ знаковъ. Опъ того способъ сей оставался цѣлымъ спо лѣшь безъ употребленія, пока одинъ Парижскій танцмейстеръ, по имени *Фейлье*, не издалъ

своей *Хореографіи* (*), въ которой искусство изображать знаками панцы предложено яснымъ образомъ. Танцмейстеръ Фейлле присвоиваетъ себѣ честь изобрѣненія; въкоторыя однакожь утверждаютъ, будто бы онъ воспользовался чужимъ прудомъ, похишивъ его у славнаго панцмейстера Бешана. Въ прочемъ извѣстно, что *Хореографія* не есть искусство необходимое, и что панцовщики выучивающъ свои роли не по условнымъ знакамъ, но по изустному наставленію балетмейстера. Т.

III. С М Ъ С Ъ.

Письмо къ Издателю.

Окажите снисхожденіе помѣщеніемъ въ Журналъ вашемъ извѣстія еще объ одномъ несчастномъ семействѣ, помощи пребудущемъ.

(*) Книга сія называется: *Chorégraphie ou l'art d'écrire la danse par caracteres, figures et signes demonstratifs etcet.* par M. Feuillet, Maître de Dance. Второе изданіе оной напечатано въ 1701 году.

Московскіе купцы *Боковы* состояли въ гостинной сотнѣ, сословіи древняго имяни-пѣйшаго Россійскаго купечества. Одинъ изъ ихъ потомковъ, *Андрей Боковъ*, не получилъ въ наслѣдіе, по нѣкоторымъ несчастнымъ случаямъ, великаго капитала; однако и онъ ма-лаго начавъ торгъ производить прилжно, имѣлъ состояніе изрядное. Но во время бывшей въ Москвѣ чумы лишился почти всего имущества. Въ новыхъ предпріятіяхъ торго-вли и разныхъ заведеніяхъ онъ неимѣлъ удачи, и какъ онъ сего, такъ и по частымъ болѣз-неннымъ припадкамъ пришелъ въ крайнее убожество. Узнавъ о семъ родственникъ его, содержатель суконной фабрики въ Тамбовской Губерніи, *Олесовъ*, вызвался принять его на свое содержаніе. Обрадованный шакowymъ пред-ложеніемъ *Андрей Боковъ*, продавши въ Мос-квѣ свой домъ, за которой взятыхъ денегъ едва на заплашу долговъ достало, переселился къ своему родственнику. Но сей черезъ годъ умеръ; а несчастный, захавъ на чужую сто-рону, имѣя престарѣлую жену и больную съ малолѣтства дочь, долженъ былъ претерпѣ-вать нищету болѣе прежняго. Нѣсколько лѣтъ снискивалъ онъ пропитаніе прудами рукъ сво-ихъ и жены. Но нынѣ — жена съ перелом-ленными рукою и ногою; дочь въ сильнѣйшей прежняго болѣзни; самъ, будучи слишкомъ 70 лѣтъ, дряхлъ, глухъ и худо видимъ.

Кто желаетъ и можетъ усладить го-рестъ, обѣщавши спрдааніе сихъ трехъ бѣд-ствующихъ лицъ, найдетъ ихъ въ Тамбовѣ, въ домъ *Булыжиной*, близъ *Покровской* церк-ви, куда и прилагаемую при семъ ассигнацію

на десять рублей покорнѣйше прошу васъ доставить. П.

6 го Декабря, 1810.

Десять рублей немедленно будутъ отправлены въ Тамбовъ къ Андрею Бокову. *Издан.*

Московскія записки.

Театръ. Декабря 2. Дидона, Трагедія въ 5 актахъ, соч. Я. Княжнина. Четвертая книга *Виргиліевой Енеиды* и нѣсколько стиховъ *Овидіевыхъ* сдѣлали имена *Дидоны* и *Енея* классическими. *Еней* жилъ почти за три вѣка прежде *царицы Карфагенской*; не смотря на то безсмертные пѣвцы представили ихъ современными, чтобы нѣкошорымъ образомъ изъяснить причину вражды, продолжавшейся между Римлянами и Карфагенцами, и вывести начало оной отъ временъ отдаленнѣйшихъ. Такова сила волшебной поэзіи! Читая въ *Енеидѣ* неподражаемый *Эпизодъ* о бѣдственной любви, о плачевной кончинѣ *Дидоны*, мы забываемъ историческую достоверность и беремъ сердечное участіе въ судьбѣ неуспѣшной царицы. Трагики догадались, какое прекрасное содержаніе кроется въ исторіи *Дидоны*, и не пропустили случая воспользоваться ею. *Княжнинъ* имѣлъ передъ собою *Мелпастазія* и *Помпиньяна*; и такъ не удивительно, что въ расположеніи сохранилъ онъ важнѣйшія правила драматической поэзіи, и остерегся отъ ошибокъ, которыхъ избѣжать было бы пруднѣе, сочиняя.

новую трагедию. Княжна Дидона можетъ занять не послѣднее мѣсто между хорошими трагедіями, не только Рускими но даже иностранными. Она принадлежитъ къ тѣмъ произведеніямъ, по которымъ судятъ объ успѣхахъ великаго искусства прогашъ сердца просвѣщенныхъ зрителей. Но совершенство трагедіи состоятъ не въ одномъ расположеніи дѣйствія; оно требуетъ еще плавныхъ стиховъ, приспосойнаго и чистаго языка. Жаль, что сія часть обработана стихотворцомъ не весьма рачительно — Театръ былъ наполненъ зрителями, завлеченными побужденіемъ любопытства смотрѣть актеровъ, пріѣхавшихъ изъ С. Петербурга. Г-жа Валберхова большая представляла Дидону. Въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ она казалась актрисою довольно пріятною. Мы могли только замѣтить величавость осанки ея, свободу и приличіе въ тѣлодвиженіяхъ, голосъ не мягкой и не гибкой, но произношеніе чистое и правильное. Въ прешьемъ актѣ, гдѣ разныя страсти попеременно господствуютъ надъ сердцемъ Дидоны, и гдѣ быстрые переходы изъ одного положенія въ другое требуютъ необыкновеннаго искусства, шлантъ г жи Валберховой показался во всемъ своемъ блескѣ. Негодованіе Дидоны, когда она хладнокровно опсылаетъ Енея и говоритъ :

Не буду предъ тобой вздыханьемъ унижаться;
 Не хочешь быть сомной, и я хочу распцаться.

.

Узнала я тебя; Еней, на вѣкъ прости . . .

сіе негодованіе, можно сказать, чуждое сердцу Дидоны, вдругъ исчезаетъ при словѣ *на вѣкъ*. Несчастливая царица чувствуя, что не пере-

живетъ разлуки съ Енеемъ, убѣждаетъ его
остаться, плачетъ, падаетъ къ ногамъ его,
напоминаетъ даннаго имъ кляшвы — и быст-
рой переходъ отъ негодованія къ жалости, и
постепенно увеличивающаяся горестъ выра-
жены г-жею Валберховою безъ выученнаго же-
манства и съ какимъ искусствомъ, какого
ожидать можно только отъ превосходной
актрисы. Еней непреклоненъ. Дидона снова
наполняется негодованіемъ, которое превра-
щается во гнѣвъ и доходитъ почти до бѣшен-
ства. Она рѣшается соединить судьбу свою
съ другимъ и забыть Енея. Въ такомъ со-
стояніи было сердце Дидоны, когда надлежа-
ло въ другой разъ выдержать внезапной пере-
ходъ къ жалости, слезамъ и просьбамъ.

Иной мнѣ возвратитъ все, что шобою пращу.

Иной. . . Ты слезы льешь, и я съ шобою плачу.

Еней! не вѣрь словамъ отчаянной любви;

Лишась себя, умру!

И здѣсь и вообще до конца трагедіи зри-
тели восхищались прекрасною игрою г-жи
Валберховой. Въ пятомъ актѣ она произвела
все то дѣйствіе надъ сердцами, какое имѣлъ
въ виду сочинитель, и какое произвести удоб-
ны различныя положенія Дидоны. Ей пода-
ютъ письмо, оставленное Енеемъ. Несчастливая
спараенія сама себя обмануть, и еще непе-
рлетъ надежды:

Подай . . . подай . . . чего шеперь еще спра-
шиться?

Почто мнѣ прешепать? онъ можетъ воз-
вратиться

Онъ хочетъ, можетъ быть, Дидону испы-
тать

Онъ, можетъ быть Прочтемъ, возмож-
ноль все узнать . . .

Вообще г-жа Валберхова очень хорошо понимаетъ всякую мысль своего сочинителя. Выраженія чувствъ и страсти у нее весьма значительны. При недостаткѣ въ мягкости голоса она оказала великіе успѣхи въ искусственной декламациі. Г-жа Валберхова появившись на сценѣ, тотчасъ начинаеть играть и продолжаетъ игру свою до тѣхъ поръ, пока не уйдетъ съ театра; она не перестаетъ играть и тогда, когда окончила слова свои; соображается со словами другого лица и начинаеть отвѣтъ свой всегда приготовившись. Замѣтно, что г-жа Валберхова прилѣжно наблюдала игру дѣвицы Жоржъ, у которой заняла осанку, нѣкоторыя тѣлодвиженія, и отчасти самое даже произношеніе. Опытные любители театра думаютъ, что не надлежало бы перенимать у нее привычки наскакивать, отскакивать и отбрасывать назадъ платье. Отдавая въ прочемъ справедливость опличному таланту дѣвицы Жоржъ, они говорятъ, что погрѣшней перенимать не должно ни же у первой актрисы въ свѣтѣ. — Ея представлялъ г. Биркинъ, молодой актеръ, о дарованіи котораго теперь утвердительно сказать ничего еще не можно. — Въ разсужденіи роли Ярба достопамятно, что при самомъ появленіи г-на Мочалова, когда еще не успѣлъ онъ сказать ни одного слова, и когда еще никто зналъ немогъ, какъ онъ сыграетъ Царя Гепульскаго, въ райкѣ, и кажется въ партерѣ, загремѣли рукоплесканія и раздались вопли *браво!* Г. Мочаловъ однакожъ сохранилъ присутствіе духа, и для перваго раза представлялъ очень порядочно, хотя недоброхоты повидимому и старались привести его въ смѣшеніе неумѣстными своими рукоплесканіями.

Многіе помнятъ, какъ у Шушерина сверкали глаза отъ злости, когда онъ грозился сжечь и разорить Кароагену (въ 3 Явленіи 2го акта). Г-ну Мочалову мѣшали дѣйствовать не только съ райка, но и на сценѣ, гдѣ не могъ онъ со всею свободою говорить при воинахъ Дидоны, которые шумъ стояли и подслушивали Ярба. — Послѣ трагедіи г-жа Валберхова была вызвана. Нѣкоторые кричали въ то же время *Мочалова* и даже *Биркина!* но Г. Мочаловъ поступилъ очень благоразумно, и явился послѣ г-жи Валберховой, уже по второму вызову.

Декабря 7. Единъ въ Аѳинсахъ, трагедія въ 5 актахъ. Предложимъ баснословную исторію героя сей трагедіи, какъ сохранилась она у древнихъ Греческихъ писателей. Единъ, потомокъ Венеры, еще до рожденія своего былъ ненавидимъ Юноною. Отецъ его Лаій, царь Фивскій, сопрягаясь узами брака съ Іокастою, былъ увѣдомленъ Оракуломъ, что лишится жизни отъ руки своего сына. Чтобы отвлечь угрожающее несчастіе, онъ приказалъ супругѣ своей немедленно по рожденіи умертвить младенца, котораго носила въ утробѣ. Но Іокаста не рѣшилась исполнить по волѣ супруга, и рожденного младенца отдала одному невольнику, которой оставилъ его на горѣ Киверояѣ. Форвасъ, пастухъ Коринскаго царя Поливія, найдши младенца, принесъ его въ домъ свой, а царица Перивея взяла его къ себѣ, назвала Едипомъ и воспитывала какъ собственного сына, бывъ сама бездѣшною. Единъ отличался отъ всѣхъ сверстниковъ своихъ, которые завидуя тѣлесной силѣ его и проворству, укоряли его сиротствомъ и незаконнымъ рожденіемъ. Единъ началъ беспокоиться; развѣдывалъ у мнимыхъ своихъ

родителей, которые спарались уничтожить его сомнѣнія, и чтобы удостовѣриться въ истинѣ, рѣшился идти въ Дельфы. Тамъ вопрошенный имъ Оракулъ изрекъ, что ежели Едипъ возвратится въ отечество, то сдѣлается убійцею отца своего, и женится на своей матери. Несчастный, почитая себя сыномъ Поливія и Перивей, и желая предотвратить грозящее бѣдствіе, вознамѣрился невозвращаясь въ Коринѣ, и пошелъ въ Фокиду. Дорогою повстрѣчался онъ съ Лаіемъ, которой имѣлъ при себѣ одного конюшаго. Лаій гордо приказывалъ поспорониться; Едипъ не послушался; началась драка, и оба противника нашего героя были убиты. Едипъ пришелъ въ Фивы въ самое по время, когда всѣ жители ожидали себѣ смерти отъ лютаго Сфинкса. Сіе чудовище пожирало всѣхъ пѣхъ, кои не могли извяснить его загадки; но ему самому опредѣлено было погибнуть, когда бы нашелся отгадчикъ. Креонъ, братъ Иокасты, управлявшій Фивами по смерти Лаія, обѣщался отдать царство и руку сестры своей тому, кто извяснитъ загадку. Едипъ вызвался побѣдить чудовище, освободилъ отъ него Фивы, получилъ престолъ и женился на Иокастѣ. Отъ сего брака родились Етеоклъ, Полиникъ, Антигона и Исмена. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ жестокое моровое повѣтріе распространилось по всей Фивской области. Оракулъ объявилъ, что бѣдствіе прекратится, когда убійца Лаія будетъ изгнанъ изъ Віоміи, Едипъ начинаетъ разыскивать, и узнаетъ бѣдственную пайну своего рожденія, отцеубійства и кровосмѣшенія. Мучимый опчаяніемъ, онъ лишаетъ себя зрѣнія и добровольно подвергается изгнанію, а другіе дума-

ютъ, что онъ изгнанъ изъ Фивъ дѣшми своими. Нѣжная Антигона рѣшилась быть пупеводительницею несчастнаго своего родителя. Скипавшись нѣскольکو времени, по разнымъ странамъ, Едипъ приходитъ въ Колону, предмѣстіе Аѣинъ, и останавливается въ священной роцѣ у храма Евменидъ. Народъ ужаснулся, увидѣвъ странника стоящаго подлѣ храма, къ кошорому никто не долженъ былъ приближаться. Уже Аѣиняне хотѣли удалить его; но приходитъ Тезей, и узнаетъ отъ самаго Едипа, что ему опредѣлено умереть въ Колонѣ, и что могила его для Аѣинянъ будетъ залогомъ побѣды надъ непріятелями. И въ то же время земля разступилась, подъ стопами Едипа и сокрыла его въ своихъ нѣдрахъ. Софокль изъ сей исторіи сочинилъ двѣ трагедіи: *Едипъ Царь*, и *Едипъ въ Колонѣ*. Въ первой изъ нихъ Едипъ узнаетъ о невольныхъ своихъ преступленіяхъ; а для второй содержаніемъ послужила смерть его въ Колонѣ. По свидѣтельствѣ Цицерона и Валерія Максима, Софокль сочинилъ эту послѣднюю трагедію, имѣя около ста лѣтъ отъ роду.

Извѣстный Французскій стихотворецъ Дюсисъ изъ Софоклова *Едипа въ Колонѣ* и изъ *Еврипидовой Алцесты* составилъ одну трагедію: *Едипъ у Адмета*. Соединить два разнородныя содержанія незначитѣ ли то же, что вредитъ обоимъ? Россійскій трагикъ не слѣдовалъ въ этомъ Французу; онъ опступилъ однакожь и отъ Софокла, оставивъ живымъ онца Антигоны. Такая развязка показалась бы весьма непріятною Аѣинянамъ, для кошорыхъ могила Едипова была драгоценнымъ памятникомъ народной славы и знаменіемъ могущества. — Въ этомъ разѣ гдѣлавлъщи-

жовѣ игралъ Едипа превосходно, и доставилъ зрителямъ все по удовольствіе, какого ожидать можно было отъ его таланта, свѣдѣній и опытности. Роль Едипа принадлежишьему исключительно. Никто другой непредставилъ намъ такъ хорошо сего жалкаго слѣпца, обремененнаго ужаснѣйшими бѣдствіями, и единственную опраду находящаго въ нѣжномъ участіи своей дочери. Г-жа Валберхова большая въ роль Антигоны немогла показать намъ того, что видѣли мы въ Дидонѣ. Причиною тому различіе въ характерахъ и въ самой значительности лица, которое очень неважно. У Софокла обѣ сестры на сценѣ: Русской трагикъ вывелъ только Антигону — тѣмъ лучше! Два одинакія лица ослабили бы дѣйствіе, неудвоивъ интереса. Еслибъ Едипъ соупсвствуетъ былъ Антигоною и Исменою, тогда дѣтская любовь, раздѣленная на два лица, цѣлою половиною меньшее производила бы впечатлѣніе въ сердцѣ зрителя, и слѣдственно Антигона была бы еще менѣе значительною особою; да и самъ Едипъ тогда казался бы не столь жалкимъ, имѣя, вмѣстѣ одной, двѣ опоры. Въ послѣднемъ явленіи четвертаго акта есть нѣсколько игры для Антигоны, тамъ гдѣ войны Креоновы различаютъ ее съ Едипомъ.

✱

Декабря 9. Медея и Язонъ, билетъ въ 5 дѣйствійхъ. Греческая мифологія со всѣми вымыслами древнихъ поетовъ давно уже предана была забвенію, еслибъ не доставляла намъ удовольствій разнообразныхъ и пріятнѣйшихъ. Чтоже была она для Грековъ, которые видѣли въ ней историческія событія своего отечества, и которые въ приключеніяхъ боговъ и

героевъ находили дословѣрныя причины важнѣйшихъ послѣдствій! Въ сравненіи съ ними насъ можно назвать бѣдняками, которыми доспается самая малая часть отъ избытковъ богачей, обладающихъ несметными сокровищами. Наши изящныя искусства почти все получили отъ древнихъ, и просвѣщеніе наше есть нечто иное какъ слабое сіяніе планеты, заемлющей свѣтъ свой отъ солнца. — Медея, славная волшебница, дочь Аѣта царя Колхидскаго, помогла приплывшему Язону достать златое руно; для него оставила она отечество и домъ родительскій. Десять лѣтъ Медея и Язонъ жили счастливыми супругами въ Тессалии. На послѣдокъ неблагодарный Язонъ, плѣнившись Креузою, дочерью Коринтскаго царя Креона, вознамѣрился отослать Медею. Огорченная волшебница скрыла печаль свою, и даже притворилась, будто одобряетъ спрасъ его. Она прислала соперницѣ своей нѣкоторыя подарки, и между прочимъ очарованную одежду. Лишь только Креуза нарядилась въ нее, тотчасъ почувствовала во внутренности своей разливающійся пламень, пожравшій и ее и Креона, которой спарался облегчить мученія своей дочери. Мщеніе Медеи шѣмъ неудовлетворилось: въ присутствіи невѣрнаго супруга она умертвила дѣтей своихъ. Язонъ, расперзанный горестію и опчаеніемъ, лишилъ себя жизни; а Медея, сѣвши на свою воздушную, запряженную драконами колесницу, уѣхала въ Аѣины. Такова басня, изъ которой Новеръ сочинилъ прекрасной балетъ, подъ руководствомъ г-на Валберга нынѣ представленный на здѣшнемъ театрѣ. Ежели зрителю хоть мало извѣстны представляемые люди и отношенія между ними,

шо въ вѣмой игрѣ пантомимической все найдетъ онъ для себя совершенно понятнымъ, разумѣется, когда лица дѣйствуютъ такъ искусно, какъ г-жа Колосова и г. Валбергъ. Въ трагедіи, актеръ извѣляя чувства и страсти свои, недостатковъ въ пѣлодвиженіяхъ дополняетъ словами, и зритель ежели не удивляется искусству игры его, то по крайней мѣрѣ неоспаешся въ недоумѣніи: напрощивъ того въ пантомимическомъ балетѣ безмолвное дѣйствіе, замѣняющее слова, будетъ нинего незначущимъ и даже отвращительнымъ кривляньемъ, ежели панцовщикъ не имѣетъ надлежащаго понятія объ отношеніяхъ между внутренними чувствами и наружными знаками, которыми тѣ чувства выражать должно. Г-жа Колосова очень хорошо знаетъ сіи отношенія; игрою на лицѣ и пѣлодвиженіями она совершенно умѣетъ выражать не только истинныя чувства, но даже притворныя. Примиреніе Медеи и ея согласіе на бракъ Язона съ Креузюю надобно было такъ представить, чтобы зрители видѣли притворство разгнѣванной волшебницы и въ самыхъ извѣленіяхъ ея доброхотства, — и зрители видѣли страшныя угрозы на улыбающемся лицѣ Колосовой. По окончаніи балета г-жа Колосова и г. Валбергъ были вызваны и осыпаны рукоплесканіями.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Въ Монитерѣ помѣщено начерпаніе жизни Новера, изъ котораго сообщается здѣсь краткая выписка. Отецъ Новера, бывший

адьютантомъ при Карлѣ XII, предназначилъ-было сына своего къ военной службѣ; но молодой Новеръ предпочелъ Марсову ремеслу искусство Терпсихоры. Онъ учился въ Версалии у славнаго танцовщика Дюпре, и при первомъ появленіи на театрѣ былъ публикою принятъ весьма благосклонно. Потомъ отправился онъ въ Берлинъ, гдѣ оплично уважаемъ былъ Фридрихомъ II и Принцомъ Генрихомъ. Въ 1749 году Новеръ возвратившись въ Парижъ, сочинилъ разные балеты, заслужившіе великую славу. Бывъ послѣ того вызванъ Гаррикомъ въ Англію, нѣсколько лѣтъ сряду восхищалъ Лондонскую публику. По возвращеніи своемъ въ Парижъ искалъ онъ мѣста при Оперномъ театрѣ, однакожъ неуспѣлъ въ своемъ желаніи. Онъ побѣжалъ въ Ліонъ, гдѣ издалъ въ свѣтъ свои *Письма о танцовальномъ искусствѣ* (Lettres sur la Danse), о которыхъ Вольперъ и Лессингъ опзывались съ великими похвалами; оптуда отправился въ Штутгардъ и наконецъ въ Вѣну. Марія Терезія опредѣлила Новера главнымъ, балетмейстеромъ и директоромъ придворныхъ увеселеній, а сына его пожаловала въ офицеры. При торжествѣ бракосочетанія Ерцгерцога Фердинанда Новеръ получилъ орденъ Христа. Изъ Вѣны побѣжалъ-было онъ опять въ Лондонъ, однакожъ былъ вызванъ обратно Французскою Королевою и опредѣленъ главнымъ балетмейстеромъ Большой оперы и дерикторомъ увеселеній въ Трианонѣ. Тутъ между прочимъ сочинилъ онъ балеты къ операмъ Глюка и Пиччини. Во время Французской революціи Новеръ лишился большей части своего имущества, и въ шрестій разъ побѣжалъ въ Лондонъ, гдѣ сочинилъ балеты *Бракъ Дети-*

ды, и Невгенію въ Ивлидѣ. Сей послѣдній балетъ возбудилъ такой воспоргъ въ Англичанахъ, что важные островитяне шоржественно увѣнчали Новера на шеатрѣ, чему до тѣхъ поръ не видано примѣровъ. Послѣдніе годы жизни своей провелъ онъ въ Парижѣ, и находился въ положеніи весьма неблагопріятномъ со стороны достатка. Въ 1807 году издалъ онъ *Письма о подражательныхъ искусствахъ* (Lettres sur les arts imitateurs), и не задолго передъ своею кончиною прудился надъ *Словарежъ танцовальнаго искусства*. Новеръ сочинилъ болѣе 150 балетовъ, изъ которыхъ многіе и шеперь показываются на шеатрахъ; къ числу шаковыхъ принадлежатъ: Апеллесъ и Кампаспа, Ацисъ и Галашея, Данаиды, Каирская ярмарка, Праздникъ розы, *Медя и Язонъ* и проч. Вообще онъ имѣлъ въ виду мнѣніе, что при сочиненіи балета должно руководствоваться шѣми же правилами, копорыя предписаны для шрагедіи.

*

Тулонжонъ издалъ Опытъ о гражданскомъ образованіи народовъ, гдѣ доказываетъ онъ, что каждой народъ отъ перваго своего соединенія въ общество обыкновенно въ продолженіе шестнадцати вѣковъ достигаетъ до послѣдней степени гражданского просвѣщенія. Именно сей періодъ времени находитъ онъ у всѣхъ народовъ: у Египтянъ считая отъ Мемса до Сезостриса, у Грековъ отъ Прометей до Перикла, у Лапінъ отъ Януса до Августа, и шакъ далѣе. Разсматривая постепенной ходъ просвѣщенія у новѣйшихъ народовъ, какъ-то у Кишайцовъ, Англичанъ, Германскихъ племенъ, Италіянцовъ, и здѣсь видитъ онъ доказательства шстинъ ово-

его мнѣнія. Далѣе, онѣ находятъ близкое отношеніе и сходство между физическими переменными каждой земли и переменными гражданского сословія ея жителей. Мысль Тулонжона клонится къ тому, чтобы заставить читателя сморяться на образование и просвѣщеніе народовъ какъ на явленіе напуги.

*

Одинъ ученый Французъ, по имени Дюпонъ, сочинилъ драму изъ баснословной повѣсти о Девкаліонѣ и Пиррѣ. Въ первомъ актѣ оба дѣйствующія лица плывутъ на кораблѣ и пристаютъ у береговъ Бессалій. Во второмъ актѣ Девкаліонъ собирается жениться на Пиррѣ, которая не соглашается выдти за Девкаліона, пока онѣ не придумаешь способъ пропитать будущихъ дѣтей своихъ. Баснословный женихъ сей рѣшается превратить долину въ плодородную ниву, и очистить ее отъ множества находившихся тамъ камней; ибо, какъ замѣчаетъ г. Дюпонъ, всѣ первобытныя долины бывають завалены камнями. Такимъ образомъ ученый Французъ изясняетъ смыслъ басни о камняхъ, которые Девкаліонъ и Пирра бросали назадъ черезъ голову, и которые въ людей превращались. Догадка удивительная! Но еще страннѣе, что г. Дюпонъ драму свою поднесъ Историческому классу Национальнаго Института, потому что въ ней, какъ думаетъ онѣ, изясняется древнее историческое событіе!!

IV. ПОЛИТИКА.

О Голландской торговлѣ.

(Окончаніе.)

Хотя общими отношеніями Европы, и въ особенности Голландіи, ускорены слѣдствія; однакожь упомянутыя причины рано или поздно должны были бы непременно произвести ихъ; и для того въ нынѣшнее время необходимо надлежало общаго и частнаго благо Голландцовъ утвердить на прочномъ основаніи, дабы оно не было подвержено разрушенію ни отъ внутреннихъ ошибокъ, ни отъ вѣшняго могущества.

По разсмотрѣніи выгодъ и невыгодъ торговли оказывается, что и самая польза ея имѣетъ свои границы, и что каждое просвѣщенное и мудрое правительство хотя и долженствуетъ по возможности заботиться объ успѣхахъ оной, однакожь отнюдь не жертвовать ей всѣми другими источниками народнаго богатства. И такъ надобно принять систему, наиболее соотвѣтствующую благу общему и частному. Чѣмъ болѣе нынѣшнія обстоятельства Европы заставляютъ думать, что Голландія никогда уже не доведетъ своей торговли до той высокой степени, на которой она прежде находилась; тѣмъ болѣе потребна для Голландіи упомянутая система,

пѣмъ очевиднѣе должны быть слѣдствія оной, и пѣмъ нужнѣе извяснить средства къ поправленію для самыхъ пѣхъ людей, которые привыкли почищать за достовѣрное и непреложное то, что было имъ предсказано и повторяемо весьма часто.

Истинное богатство государства состоитъ въ богатствѣ жителей, въ средствахъ пропитанія, въ удобности доставать себѣ потребныя для жизни вещи какъ натуральныя, такъ и обрабатываемыя искусствомъ, и въ прочности пѣхъ средствъ, коими обезпечивается благосостояніе каждого гражданина. Богатство государства состоитъ не въ наличныхъ деньгахъ, но въ свободномъ обращеніи оныхъ. Благо частное и общее обезпечивается безпрепятственною дѣятельностію, то есть когда каждый гражданинъ прудится для собственной своей пользы, и когда полученныя отъ природы способности безпрепятственно могутъ употребляться для продовольствія своего семейства: прудлюбивое исканіе прибытка, направленное къ полезной цѣли, способствуетъ благу всего гражданского общества.

Всякой предметъ, которымъ жители государства занимаются съ пользою для себя, служитъ къ увеличенію ихъ богатства; но не всѣ предметы равно соотвѣтствуютъ цѣли правительства. Если промыслъ только удобенъ доставить пропитаніе извѣстному числу жителей; то сего еще не довольно къ тому, чтобы правительство, имѣющее истинное понятіе о своихъ выгодахъ, шопчасъ рѣшилось ободрять оной; нѣтъ, сей промыслъ долженъ быть таковъ, чтобы онъ обѣ-

щаль прочныя выгоды, и чпобы въ послѣдствіи не навлекъ важнаго неудобства, которое шѣмъ болѣе вредно, когда вдругъ многіе люди занимаются однимъ и тѣмъ же промысломъ, оставивши прежнее свое упражненіе, отъ котораго получали себѣ довольное содержаніе, и не переставали бы получать, еслибъ не были отвлечены новымъ занятіемъ. Когда напримѣръ мануфактура только въ продолженіи времени занимать можетъ извѣстное число работниковъ; то благоразуміе пребуешъ употреблять на работу соразмѣрное число людей, а отнюдь не большее: ибо собранные сверхъ потребнаго числа работники скорѣе окончатъ дѣло, но за то послѣ останутся безъ пропитанія.

Торговля доставляетъ государству, которое можетъ имъ заниматься, безчисленныя выгоды; во всякомъ случаѣ она заслуживаетъ дѣятельнѣйшее ободреніе со стороны правительства: но какъ торговля по свойству своему имѣетъ предназначенныя для себя предѣлы, за которые переступать она не можетъ, и поелику торговля не можетъ распространяться до безконечности, но должна быть ограничена и въ своихъ выгодахъ и въ числѣ людей, получающихъ отъ нее свое пропитаніе; то и обязано каждое мудрое правительство ободрять ее осмолрительно, чпобы она не протшерлась далѣе своей цѣли. Правительство должно: наблюдать, чпобы торговля не уничтожала и не стѣсняла другихъ отраслей промышленности; изобрѣщать способы къ доставленію пропитанія иными средствами шѣмъ людямъ, которые не могутъ заниматься торговлею; предпринимать благоразумныя мѣры

для такихъ случаевъ, когда торговля, склонившаяся къ упадку на короткое время или на долгое; бываетъ не въ состояніи удовлетворять нуждамъ тѣхъ людей, которыя занимающа ея.

Есть потребности, безъ которыхъ человѣкъ по своей природѣ обойтись не можетъ; есть другія потребности, которыя по привычкѣ становятся для него необходимы; наконецъ роскошь знакомитъ человека съ такими вещами, которыя, не принадлежа къ числу необходимыхъ потребностей, бывающъ для многихъ нужны. Первые потребности суть непремѣнны во всякое время и при всѣхъ обстоятельствахъ; послѣднія подвержены измѣненію; однакожъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій въ основѣ ихъ не произошло значительной перемѣны. Потребности, на которыя не имѣютъ обстоятельства никакого вліянія, или по крайней мѣрѣ на которыя они слабо дѣйствуютъ, служатъ поводомъ къ самымъ безопаснѣйшимъ и надежнѣйшимъ занятіямъ для жителей.

Земледѣліе удовлетворяетъ первымъ потребностямъ, которыя всегда и вездѣ бывающъ одинаковы. Обработка полей есть первая и главная отрасль промышленности, доставляющая и доставляющая величайшія выгоды, какъ въ Европѣ, такъ и въ Индіяхъ, какъ нынѣ, такъ и во времена отдаленной древности.

Послѣ земледѣлія и того, что принадлежитъ къ нему, фабрики и мануфактуры сію обычая и роскоши равномерно содѣлались твердымъ основаніемъ государственнаго бо-

гашства, Сіи мануфакшуры — производящѣ ли издѣлія съ давнихъ временъ и вездѣ по необходимости употребляемыя, какъ напримѣръ сукно и холстину, или шакія, кои не вездѣ въ употребленіи и принадлежащѣ собственно къ роскоши, или наконецъ шакія, кои служащѣ единственно для удовольствія — сіи мануфакшуры суть неизсякаемые источники богатства для каждаго государства.

Наконецъ торговля хотя есть дѣйствіе зависящее отъ условныхъ обстоятельствъ, и потому подверженное переменамъ; однакожъ она служитъ однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ государственнаго богатства и оживляетъ всѣ промыслы.

Тѣсное и соразмѣрное соединеніе сихъ трехъ отраслей промышленности можетъ возвести государство на высочайшую степень благоденствія. По симъ началамъ разсмотримъ теперь Голландію, а особливо въ нынѣшнемъ ея положеніи, какъ часть обширнаго и сильнаго государства.

Едва ли можно усомниться, чтобы земледѣліе и фабрики въ странѣ сей не могли доведены бытъ до лучшаго состоянія. Съ давняго времени правительствва ежели не стѣсняло ихъ, то по крайней мѣрѣ объ нихъ вовсе не заботилось, единственно помышляя о мнущихъ выгодахъ, доставляемыхъ торговлею, и единственно покровительствуя купеческіе обороты, не предполагая возможнымъ, что дѣятельность торговли ослабѣетъ или даже и совсѣмъ прекратится. Вотъ почему земледѣліе и фабрики, сіи важнѣйшія отра-

сли промышленности, недостигли до возможнаго для нихъ благосостоянія. Обширныя поля, большая часть земли въ департаментѣхъ лежатъ въ заустѣннѣ; болота и бесполезнѣйшія растѣнія покрываютъ населеннѣйшую часть Европы. Голландскія мануфактуры, которыя прежде составляли значительную часть народнаго богатства и были развозимы по всей Европѣ, нынѣ въ совершенномъ упадкѣ; работники разошлись; многія мануфактуры не оставили даже слѣдовъ своего существованія.

Торговля необходима для всѣхъ отраслей промышленности; она доставляетъ поселянину разныя потребности житейскія, за которыя отдаетъ онъ произведенія полей своихъ. Посредствомъ торговли фабрикантъ получаетъ матеріалы для своихъ издѣлій, которыя потомъ сбываетъ, чтобы содержать въ непрерывной дѣятельности свое заведеніе. Но къ чему послужатъ сіи выгоды, ежели, по безразсудному присраспію къ купеческимъ оборотамъ, дозволено будетъ торговлѣ испреблять сіи вѣрши промышленности, которыя она подкрѣпляетъ, и которыя для нее самой равнымъ образомъ необходимо нужны? Что пользы, ежели торговлю подавляющія пакія дѣйствія, безъ которыхъ она сама должна остановиться?

Въ Голландіи со стороны мѣстоположенія вѣтъ никакихъ препятствій къ распространенію успѣховъ земледѣлства, вельскаго домоводства и мануфактуръ. Напрощивъ того природа и искусство какъ будто соединенными силами всему тому содѣйствуютъ. Почва земли въ Голландіи вообще плодородная: есть

нееки, заросшія поля и болоша; однакожь такая страна, какова Голландія, по естѣ изобилующая каналами, не можетъ имѣть недостатка въ средствахъ сдѣлать влажными и удобрить безплодные пустоши, равнымъ образомъ осушить тѣ поля, кои отъ излишней влажности негодятся для пашни. Опыты, сдѣланные въ разныхъ округахъ, доказали, что такія старанія не щещны. И лзя ли отчаеваться, ежели не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя пустоши сдѣлашь плодородными, когда видимъ удачныя примѣры тому въ такихъ странахъ, кои не имѣютъ ни упомянутыхъ мѣстныхъ удобностей, ни столь достаточнаго народонаселенія?

Ежели Голландія по своему положенію общаешь выгоды земледѣльству, то еще болѣе она благопріятствуетъ мануфактурамъ. Какая земля имѣетъ болѣе средствъ доставлять изъ одного мѣста въ другое какъ грубыя матеріалы, такъ и издѣлія? Чѣмъ удобнѣе машины приводятся въ движеніе, какъ не водою? и гдѣ столько воды, какъ въ Голландіи? гдѣ съ такою удобностію можно проводить воду по разнымъ направленіямъ? Правда что не легко было бы нѣкоторыя фабрики учредить въ Голландіи; однакожь есть ли другая страна, столь многими выгодами благопріятствующая заведенію фабрикъ всякаго рода?

Свойство жителей, столь выгодно располагающее ихъ къ торговлѣ, можетъ быть направлено и къ приведенію фабрикъ въ цвѣтущее состояніе. Строгое наблюденіе порядка, бережливость, терпѣніе, постепенная образованность, умѣренность и правдолюбіе, сіи глав-

ныя добродѣтели всякаго благомыслящаго купца, не менѣ нужны и для фабриканта; отъ сихъ добродѣтелей зависитъ счастливоу успѣхъ въ его предпріятіяхъ, а недоспашку оныхъ приписывать должно упадокъ многихъ, весьма прибыточныхъ фабрикъ. Въ прочемъ одна особливая причина вредила въ Голландіи успѣхамъ фабрикъ и даже земледѣлія. Въ государствѣ необширномъ, имѣющемъ свои фабрики, не всѣ издѣлія могутъ быть распроданы; большую часть сихъ издѣлій надобно вывозить за границу; а вывозъ бываетъ подверженъ большимъ трудностямъ, когда сосѣдственныя державы, ободряя внутреннюю свою промышленность, впускаютъ къ себѣ чужестранныя издѣлія не иначе какъ съ предосторожностями, чтобы не унижить своихъ собственныхъ, и для того или совсѣмъ запрещаютъ ввозить заграничные товары, или налагаютъ за ввозъ ихъ большую пошлину. Поелику же невозможно государству, а особливо необширному, удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ, то и надобно чтобы, для ободренія промышленности, оно отпускало издѣлія свои въ замѣну за получаемыя изъ областей чужестранныхъ.

Сии затруднительности, которыя могли стѣснять дѣйствія правительства, когда Голландія, область необширная, была окружена большими государствами, нынѣ совсѣмъ прекратились. Голландія, соединенная съ большою имперіею, теперь никакихъ препятствій не должна спрашивать: пространство земли отъ Текселя до Тибра, отъ Рейна до Аквитанскаго моря представляетъ Голландіи многіе и надежные способы сообщать

издѣлія свои и мѣняшья всѣми потребностями; а могущество Французской имперіи предопреждаетъ для нее всѣ препятства и ушѣсненія, вредящія промышленности ея, и которыхъ могла бы она опасаться отъ другихъ государствъ Европы.

Оканчивая спашью сію, мы намѣрены въ короткихъ словахъ повѣстовать выше приведенныя нами слѣдствія, и потомъ сдѣлать общее заключеніе. Торговля со всѣми своими выгодами неможетъ быть прочнымъ основаніемъ народнаго богатства; она подвержена переменамъ. Голландская торговля не прежде можетъ оживиться, какъ въ то время, когда Англія перестанетъ на моряхъ пиратствовать. И такъ торговлю надобно замѣнить усовершеніемъ сельскаго домоводства и фабрикъ, которыя при нынѣшнемъ состояніи Голландіи обѣщаютъ ей великія и самыя надежнѣйшія выгоды. Правительство подкрѣпитъ сіи предпріянія; а жители, ежели только они имѣютъ надлежащее понятіе объ истинной пользѣ своей, ежели любятъ свое отечество и хотѣтъ явить себя достойными потомками своихъ предковъ, должны содѣйствовать симъ благотѣльнымъ намѣреніямъ правительства и раздѣлить труды свои между торговлею и другими промышленностями частями, которыхъ служатъ для нее основаніемъ, и дѣлаютъ ее болѣе прочною, болѣе продолжительною.

Обозрѣніе заграничныхъ произше- ствій.

Ф р а н ц і я.

Въ слѣдствіе Императорскаго повелѣнія, находящійся въ Парижѣ Архіепископскій домъ нынѣ обращенъ во дворецъ Папскій, и Архіепископъ будетъ занимать его не иначе какъ только во время отсутствія Папы. — Императоръ Наполеонъ рескриптомъ своимъ отъ 12 Ноября изъ Фоншенбло поручилъ Президенту Сената Графу Гарніеру извѣстить Сенатъ о благополучной беременности Императрицы. Таковыми же рескриптами увѣдомлены о томъ всѣ Архіепископы и Епископы, на которыхъ возложена обязанность учредить моленіе о здравіи Ея Величества. — Пишущій изъ Португалліи, что главная квартира Французскаго войска находится за нѣсколько миль отъ Лиссабона, такъ что передовые посты видятъ уже башни сей столицы. Англичане приготавливаются къ отплытію, а Французы къ торжественному въ Лиссабонъ вступленію. — Валлизская республика, составлявшая нѣкогда часть Швейцаріи, Императорскимъ повелѣніемъ присоединена ко Франціи, и будетъ называться *Симплонскимъ* департаментомъ, по имени горы Симплона, чрезъ которую изъ Франціи въ Италію идетъ большая дорога.

Италіанское Королевство.

Предпріятіе противъ острова Лиссы, въ Венеціанскомъ заливѣ, исполнено весьма удачно. Всѣ непріятельскія военныя суда и находившіяся въ Англійскихъ магазейнахъ повары

взяты и испреблены; 42 корабля съ Англійскими поварами сожжены; 40 судовъ, захваченныхъ непріятелемъ, опняты и возвращены хозяевамъ. Сверхъ того получено въ добычу 100 пушекъ и множество оружія; въ плѣнъ взято 100 человекъ. Вообще нанесенъ величайшій вредъ Англійской торговлѣ.

Рейнской Союзъ.

Во многихъ городахъ, принадлежащихъ Государямъ Рейнскаго Союза, всѣмъ купцамъ и лавочникамъ объявлено повелѣніе непременно черезъ 24 часа представить вѣрные списки находящихся у нихъ колониальныхъ товаровъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ того же Союза введенъ изданный въ Трианонѣ 5 Августа новый Французскій тарифъ пошлинъ. Найденные у разныхъ купцовъ Англійскіе колониальные товары сожжены публично. Цѣна сихъ испребленныхъ товаровъ простирается до нѣсколькихъ милліоновъ.

Ганзеатическіе города.

Въ Любекѣ набираютъ мапросовъ для Французской морской службы. Желающимъ записаться приказано выдавать по 90 франковъ въ задатокъ. Сверхъ того каждой принятой мапросѣ при своемъ оприваженіи получить 50 франковъ, да 100 франковъ по окончаніи службы.

А в с т р і я.

Императорская Фамилія находится въ Вѣнѣ. Сія столица много обязана губернатору своему Графу Гаурау, которой всѣми си-

нами стараются сдѣлать цѣны сѣбѣстныхъ припасовъ какъ возможно менѣе ошягопительными для людей всѣхъ состояній, не смотря на упадокъ банковыхъ билетовъ. По его распоряженіямъ въ Вѣнѣ запасено дровъ на два года. Впредь на биржу приходять должны только банкиры и купцы торгующіе оптомъ; барышники же, какъ христіане такъ и жидаы, допускаемы небудуть. — Для уменьшенія количества ассигнацій, чины Трансильваніи объязались представить въ казну 100 милліоновъ гульденовъ, а чины Богеміи 146 милліоновъ.

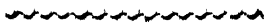
А н г л і я.

О состояніи здравія Его Величества Короля ежедневно публикуются докпорскія записки. Кончина Принцессы Амаліи и болѣзнь Короля имѣли споль вредныя вліянія на Королеву, что и ея здоровье очень разспроилось.

Ш в е ц і я.

Англійская ескадра, изъ 600 судовъ состоящая, претерпѣла ужасную бурю. Болѣ двухъ сотъ кораблей разбило и обломками ихъ покрытъ весь берегъ при Спралзундѣ. Многие корабли взяты Дашчанами; другіе же, бывъ долго носимы по морю, рѣшились войти въ Прусскія гавани и тамъ секвестрованы. Убытокъ, чрезъ по причиненный Англичанамъ, долженъ быть чрезвычайно великъ и донынѣ безпримѣрный. — Шведское правительство объявило войну Англии. Всѣ Англійскіе корабли немедленно будутъ секвестрованы, и ввозъ колоніальныхъ товаровъ запрещается наиспрожайше.

(Изъ Гамбург. Корресп.)

Политическія извѣстія.

„Состояніе нашего Королевства ужасно, такъ написано въ одномъ Лондонскомъ журналѣ. Тяжкая болѣзнь, постигшая Короля, оспарила дѣйствія исполнительской власти; самое лучшее войско наше находится въ столь опасномъ положеніи, что и одно уже сомнѣніе о счастливомъ слѣдствіи можетъ произвести опчаяніе; а торговля наша, ужасно опражаемая ошовсюду, изгнана съ швердой земли Европы.“

*

Турецкій Султанъ Магмудъ поржественно призналъ Іоакима-Наполеона Королемъ обѣихъ Сицилій.

*

Въ Мониторѣ сказано, что Англійскій комиссаръ Макенцій, присланный для размѣнъ плѣнныхъ, уѣхалъ изъ Морле, гдѣ онъ игралъ лице болѣе шпіона, нежели чиновника, имѣющаго препорученіе вести переговоры, такъ что даже присвоилъ себѣ права полиціи. Размѣнъ исполнился неможесть, потому что Англичане нехотятъ полагать въ счетъ Испанцовъ и Португальцовъ.

*

Графъ Готшторпскій (кошорой, какъ извѣстно, уѣхалъ къ Англійскому флоту, плавающему по Балтійскому морю) въ письмѣ своемъ къ Карлу XIII совершенно опрекся ошъ получаемаго имъ пенсіона.]

*

Въ Вѣнѣ для ученыхъ, профессоровъ и ш. д. ошъ нынѣ всѣ книги почищаются дозволенными, и цензура не будетъ одобрять

полько такихъ книгъ и рукописей, которые
здравому разуму прошивны.

*

Въ Полипическомъ журналѣ напечатана
прокламація Короля Іосифа къ жителямъ Ис-
панской Америки, отъ 22 Марша сего года.
Въ ней изображены разныя хипроспи Англи-
чанъ, и попомъ сказано: „Ежели ваша рѣши-
тельность и обстоятельство не дозволяютъ
вамъ подвергнуться нашему законному и спра-
ведливому правительству; по полезно было
бы вамъ, какъ добрымъ и дружелюбнымъ
братьямъ, составивъ особое общество,
объявивъ себя независимыми и свободными.
Будьте постоянны въ охраненіи того мудраго
и счастливаго правительства, которое для се-
бя выберете; будьте для другихъ народовъ
примѣромъ истинны, мужества, правоты и
счастія.“

(Изъ Рижск. Зрителя.)

16 Декабря.

У в ѣ д о м л е н і я.

Полученныя изъ Рязани отъ неизвѣстна-
го при запискѣ 5 рублей препровождены въ
Новомосковскъ ко вдовѣ діакона *Или Замко-*
ваго. Сія несчастная женщина имѣетъ все
право ожидать помощи отъ сострадатель-
ныхъ друзей человечества. Въ прошломъ Ію-
нѣ мѣсяцѣ громъ убилъ діакона мужа ея, и за-
жогъ кладовую, съ которою сгорѣло все ихъ
имущество. Бѣдная діаконица съ малолѣтны-
ми дѣтьми осталась въ ужасномъ положеніи.

Платонъ, Архіепископъ Екаперинославскій, Херсонскій и Таврическій, по челоѣколюбію своему оказалъ прежде всѣхъ пособіе несчастной сей вдовицѣ. Другія благотворительныя особы также незамедлили подать ей руку помощи. Подполковница Родзянкина прислала къ ней 25 рублей. Нозомосковскій кунецъ Выставкинъ препроводилъ къ ней 10 р. Подпоручикъ Чернявскій и Губернскій Регистраторъ Викаревъ дали ей по 5 рублей. Діаконица *Замковья* свидѣтельствуетъ передъ всею публикою о благодарныхъ чувствіяхъ своего сердца.

*

Вдовствующая Паспорта Вильгельмина Бауршмитъ (Вѣстн. Евр. 1810 No 21 стр. 71) извѣявляетъ чувствительнѣйшую свою и дѣтей своихъ благодарность челоѣколюбивымъ особамъ, оказавшимъ ей пособіе при затруднительныхъ ея обстоятельствеахъ. Она желаетъ довести до свѣдѣнія неизвѣстной особы, приславшей къ ней при письмѣ отъ 6 Ноября 100 рублей и объявившей намѣреніе свое съ будущаго Января производить ей г-жѣ Бауршмитъ ежегодной пенсіи по 150 рублей, что благодарнѣйшее письмо сіе получено ею исправно.

*

Издатели получили изъ Якутска отъ І — Я — 100 рублей, да Полтавской губерніи и повѣта изъ села Диканьки отъ Протоіерея Платона Житинскаго 50 рублей, увѣдомляющаго, что сіи дѣльги вручены ему отъ нѣкотораго соспрандательнаго иносипранца. По желанію благотворителей оные 150 рублей отпращены въ Скопинской городской Магистратіи

для употребленія въ пользу жителей разорившихся отъ пожара (Вѣст. Евр. № 12 шпр. 324). К. и Ж.

КОНЕЦЪ LIV ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ. Спраи.

ПРОЗА.

Горный духъ Урѣ въ Гельзеніи.	3
Опыты въ прозѣ.	27
Улей.	85
Дорсанъ и Люція.	173, 253
Взыскашельностьъ молодой женщины.	275

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Вечеръ.	37
Аполлонова шупка.	101
Селадонъ и Амелія.	290

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

РИТОРИКА.

О надушности въ слоги.	39
------------------------	----

ОРХЕСТИКА.

О плясань и танцахъ.	207
О танцевальномъ искусствѣ.	292
Хореографія.	301

III. КРИТИКА.

Потерянный Рай, поэма Иоанна Мильтона. Новый переводъ съ Англійскаго подлинника. Часть I. II и III. - - 45 и	120
Радамистъ и Зенобія, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Кребільона, и проч.	102
Отзывъ на Изясненіе проповѣди крижики на Исслѣдованіе баннаго строенія.	218

IV. СМѢСЬ.

О Лагарповомъ обращеніи.	58
Предувѣдомленіе объ издаваемомъ описаніи Персидскаго похода подъ главнымъ начальствомъ Графа Валеріана Александровича Зубова.	64
Толкъ о глупцахъ.	132
Отпрыскъ изъ Шапобрианова путешествія въ Грецію.	138
Отпрыски изъ писемъ объ изверженіи Везувія.	145
О необходимыхъ ошибкахъ.	235
Анекдотъ о свадьбѣ Ривароля.	232
Письма къ Издателямъ В. Е.	67,
- - - - -	150 и 303
Московскія записки.	73, 152, 235 и 305
Разныя извѣстія и замѣчанія.	160,
- - - - -	240 и 314

V. ПОЛИТИКА.

Статья изъ Лондона.	163
Объ Голландской торговлѣ.	244 и 318

Обозрѣніе заграничныхъ произ-
шесствій. 77, 167, 251 и 327

Политическія извѣстія. 80, 170 и 390

Увѣдомленія. - - - 83, 171 и 301

О Ш И Б К И

Въ 22 ѣ книжкѣ Вѣстника Европы

напечат.

читай:

Спран. Спр.

109	20	Посланникомъ при
дворѣ Нерона Фа-
разманъ	Посланникомъ Не-
рона при дворѣ
Фаразманъ.
112	1	быспроша сія съ
самаго конца воз-
распаешъ	быспроша сія до
самаго конца воз-
распаешъ
119	7	несправедливостъ
его Радамиспу	несправедливостъ
его къ Радамиспу.

